

Философский журнал

Контекст и рефлексия:
философия о мире
и человеке

Том 11, № 6А, 2022.

С. 1-209.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Philosophical journal

Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being

December 2022, Volume 11, Issue 6A.

Pages 1-209.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке» Том 11, № 6А, 2022

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 6 номеров в год. Периодичность части В – 6 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Лисина Елена Александровна, кандидат философских наук (5.7.7), член Ассоциации международного права, генеральный директор, издательский дом «АНАЛИТИКА РОДИС», преподаватель, *Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах* – главный редактор журнала.

Нечипуренко Виктор Николаевич, доктор философских наук (5.7.7), профессор, профессор кафедры исторической культурологии, *Южный федеральный университет* – заместитель главного редактора.

В журнале представлены философские дискуссии и результаты современного научно-философского миропонимания, имеющие важное мировоззренческое значение для развития общества, науки и культуры, преподавания философии в высших учебных заведениях, а также для исследовательских траекторий философов и заинтересованной публики. Авторами статей являются философы, ведущие специалисты современного научного знания, а также исследователи, работающие над диссертациями.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	Е.А. Лисина, кандидат философских наук (5.7.7)
Зам. главного редактора	В.Н. Нечипуренко, доктор философских наук (5.7.7)
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Корректоры	Л.Л. Куприяничик, И.А. Шейхетова
Переводчики	В.Н. Ермаков, Р.Э. Бокова, В.И. Лукьянчикова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков, М.Л. Песчаная
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-43669 от 24.01.2011.

ISSN 2223-5485

Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»:

42973 «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке»

Цена договорная. Подписано к печати 15.12.2022. Печ. л. 28,5. Формат 60x90/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 6 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7434.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сушевский вал, 49.

"Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being" December 2022, Volume 11, Issue 6A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 6 times a year. The frequency of part B is 6 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Lisina Elena Aleksandrovna, PhD in Philosophy, member of the International Law Association, CEO of LLC ANALITIKA RODIS, lecturer, *Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistye Prudy* (Russia) – editor-in-chief.

Nechipurenko Viktor Nikolaevich, Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of the History of cultural studies, *Southern Federal University* (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal initiates philosophical discussions and presents the results of the modern scientific and philosophical world outlook that are of great philosophical significance for the development of society, science and culture, for teaching philosophy in higher educational establishments as well as for research trajectories of philosophers and an interested audience. Philosophers, leading specialists in the field of modern knowledge and researchers working on dissertations are among the authors of articles published in the journal.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors. The journal "Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being" ("*Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*") was included in the "List of the peer-reviewed scientific journals, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	E.A. Lisina, PhD in Philosophy
Deputy editor-in-chief	V.N. Nechipurenko, Doctor of Philosophy
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik, I.A. Sheikhetova
Translators	V.N. Ermakov, R.E. Bokova, V.I. Luk'yanchikova
Styling and make-up	M.A. Puchkov, M.L. Peschanaya
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate:

PI No. FS77-43669 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5485

Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"

Subscription index of the union catalogue "The Press of Russia":

42973 "Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being".

Contract price. Passed for printing on 15.12.2022. 28.5 printed sheets. Format 60x90/8.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 6 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7434.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.7.1. Онтология и теория познания

Вишев Игорь Владимирович – доктор философских наук, профессор, исторический факультет, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

Волков Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-философских наук, Московский государственный институт культуры.

Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии, Сибирский федеральный университет.

Лойко Ольга Тимофеевна – доктор философских наук, профессор, профессор отделения социально-гуманитарных наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

по направлению: 5.7.2. История философии

Ивлев Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет).

Осипов Игорь Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Панибратцев Андрей Викторович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук, Московский государственный университет гражданской авиации.

по направлению: 5.7.3. Эстетика

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Клюев Александр Сергеевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Черникова Валентина Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет.

по направлению: 5.7.4. Этика

Абакарова Райганат Магомедовна – доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный университет.

Варава Владимир Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Хильгендорф Эрик – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Вюрцбургский университет Юлия Максимилиана (Германия).

по направлению: 5.7.6. Философия науки и техники

Дмитриев Анатолий Васильевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель группы конфликтогенности миграции, Почетный доктор, Институт социологии Российской академии наук.

Ивлева Марина Левенбертовна – доктор философских наук, профессор, кафедра социальной философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов.

Масалова Светлана Ивановна – доктор философских наук, профессор, председатель оргкомитета пресс-центра, Южный федеральный университет.

Пусько Виталий Станиславович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет).

Шиповалова Лада Владимировна – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии науки и техники, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

по направлению: 5.7.7. Социальная и политическая философия

Василенко Инна Викторовна – доктор философских наук, профессор, кафедра социологии, Волгоградский государственный университет.

Везиров Тимур Гаджиевич – доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, академик Российской академии естествознания, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики, Дагестанский государственный педагогический университет.

Желтов Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, декан факультета политических наук, завкафедрой политических наук, Кемеровский государственный университет.

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, профессор центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции.

Лисина Елена Александровна – главный редактор журнала, кандидат философских наук, член Ассоциации международного права, генеральный директор, издательский дом «АНАЛИТИКА РОДИС», преподаватель, Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах.

Нечипуренко Виктор Николаевич – заместитель главного редактора журнала, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры исторической культурологии, Южный федеральный университет.

Скорик Александр Павлович – доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и отечественной истории, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова.

по направлению: 5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Аксюмов Борис Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор, кафедра социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет.

Артановский Сергей Николаевич – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.

Брейтман Александр Семенович – доктор философских наук, профессор, кафедра международных коммуникаций, сервиса и туризма, Дальневосточный государственный университет путей сообщения.

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Международный банковский институт.

Дорофеев Даниил Юрьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Санкт-Петербургский горный университет.

Кортунов Вадим Вадимович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Российский государственный аграрный университет – МСХА им К.А. Тимирязева.

Костина Анна Владимировна – доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет.

Мордовцева Татьяна Васильевна – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Таганрогский институт управления и экономики.

Орлова Надежда Хаджимерзановна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, доцент, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

по направлению: 5.7.9. Философия религии и религиоведение

Астахова Лариса Сергеевна – доктор философских наук, заведующая кафедрой религиоведения, Казанский федеральный университет.

Жуков Артем Вадимович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Забайкальский государственный университет.

Нестеркин Сергей Петрович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, отдел философии, культурологии и религиоведения, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Орлов Андрей Александрович – доктор философии по религиоведению, магистр богословия, кандидат социологических наук, факультет богословия, Университет Маркетта (США).

Пронина Татьяна Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Редакционная коллегия

Бенин Владислав Львович – доктор педагогических наук, кандидат философских наук, профессор, завкафедрой культурологии и социально-экономических дисциплин, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

Бондаренко Григорий Владимирович – магистр философии (Оксфорд), кандидат исторических наук.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Шешукова Галина Викторовна – доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических дисциплин и управления, Оренбургский институт (филиал), Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Editorial Board

Abakarova Raiganat Magomedovna – Doctor of Philosophy, Professor, Dagestan State University (Russia).

Aksyumov Boris Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor at the Department of social philosophy and ethnology, Stavropol State University (Russia).

Artanovskii Sergei Nikolaevich – Doctor of Philosophy, PhD in Philology, Professor at the Department of the Russian language and teaching methodology, Saint Petersburg State University of Culture and Arts (Russia).

Astakhova Larisa Sergeevna – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Religious Studies, Kazan Federal University (Russia).

Breitman Aleksandr Semenovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of social cultural service and tourism, Far Eastern State Transport University (Russia).

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Head of the Department of philosophy and cultural studies, Samara State Medical University (Russia).

Chernikova Valentina Evgen'evna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, Stavropol State University (Russia).

Dmitriev Anatolii Vasil'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Conflict Migration Group, Honorary Doctor, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, PhD in Culturology, Professor at the Department of philosophy, Far Eastern Federal University (Russia).

Dorofeev Daniil Yur'evich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Saint Petersburg Mining University (Russia).

Hilgendorf Eric – Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Dean and Head of the Department of criminal law, criminal procedure, legal theory, data protection law and computer science law, Julius-Maximilian University, Wurzburg (Germany).

Ivlev Vitalii Yur'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University (Russia).

Ileva Marina Levenbertovna – Doctor of Philosophy, PhD of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia (Russia).

Klyuev Aleksandr Sergeevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of music education, Herzen State Pedagogical University (Russia).

Koptseva Natal'ya Petrovna – Doctor of Philosophy, Professor at the faculty of art criticism and culturology, Siberian Federal University (Russia).

Kortunov Vadim Vadimovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Russian State Agrarian University – Timiryazev Agricultural Academy (Russia).

Kostina Anna Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Doctor of Culturology, Docent, Head of the Department of philosophy, culturology, political sciences, Moscow University for the Humanities (Russia).

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, Kemerovo State University (Russia).

Lisina Elena Aleksandrovna – Editor-in-chief, PhD in Philosophy, member of the International Law Association, CEO of LLC ANALITIKA RODIS, lecturer, Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistye Prudy (Russia).

Loiko Ol'ga Timofeevna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of culturology and social communication, Tomsk Polytechnic University (Russia).

Masalova Svetlana Ivanovna – Doctor of Philosophy, Docent, Associate Professor, Rostov Institute of Training and Retraining of Educators (Russia).

Mordovtseva Tat'yana Vasil'evna – Doctor of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of humanities, Taganrog Institute of Management and Economics (Russia).

Nechipurenko Viktor Nikolaevich – Deputy editor-in-chief, Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of the History of cultural studies, Southern Federal University (Russia).

Nesterkin Sergei Petrovich – Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Department of Philosophy, Culturology and Religious Studies, Institute of Mongolology, Buddhismology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Orlov Andrei Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Professor at the theological faculty, Marquette University, Milwaukee (USA).

Orlova Nadezhda Khadzhimerzanovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University (Russia).

Osipov Igor' Dmitrievich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of History of Philosophy, Saint Petersburg State University (Russia).

Panibrattsev Andrei Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Political Sciences, Moscow State Technical University of Civil Aviation (Russia).

Prilutskii Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University (Russia).

Pronina Tat'iana Sergeevna – Doctor of Philosophy, Leading Researcher of the Research Center for Religious and Ethnopolitical Studies, Leningrad Pushkin State University (Russia).

Pus'ko Vitalii Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of information analytics and political technologies, Bauman Moscow State Technical University (Russia).

Shipovalova Lada Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology, Saint Petersburg State University (Russia).

Skorik Aleksandr Pavlovich – Doctor of History, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of theory of state and law, Novocherkassk Polytechnic Institute, South Russian State Technical University (Russia).

Varava Vladimir Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, Vice-Rector for Research, Dean of the Religious Studies department, Russian Orthodox Institute of Saint John the Divine (Russia).

Vasilenko Inna Viktorovna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of sociology, Volgograd State University (Russia).

Vezirov Timur Gadzhievich – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of International Academy of Informatization, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor at the Department of methods of teaching mathematics and computer science, Dagestan State Pedagogical University (Russia).

Vishev Igor' Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, South Ural State University (Russia).

Volkov Vladimir Nikolaevich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of humanities, Academy of Retraining of Workers of Art, Culture and Tourism, Moscow (Russia).

ZheltoV Viktor Vasil'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the faculty of political sciences, Head of the Department of political sciences, Kemerovo State University (Russia).

Zhukov Artem Vadimovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Transbaikalsk State University (Russia).

Advisory Board

Benin Vladislav L'vovich – Doctor of Pedagogy, PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of culturology and socio-economic disciplines, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (Russia).

Bondarenko Grigorii Vladimirovich – Master of Philosophy (Oxford), PhD in History.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the auspices of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Sheshukova Galina Viktorovna – Doctor of Political Sciences, PhD in Philosophy, Professor at the Department of humanities, socio-economic disciplines and management, Orenburg Institute (branch), Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Содержание

Онтология и теория познания

- Грибков Андрей Армович**
Паттерны общей теории систем: часть 2. Паттерны устойчивости систем.....5
- Агафонова Ольга Васильевна**
Конструктивизм как методологический принцип эстетической онтологии Ф. Шеллинга.....16
- Карнаухов Игорь Александрович**
Концептосфера digital бытия.....24
- Гагаев Павел Александрович**
Гагаев Андрей Александрович
О созерцательной основе бытия человека29
- Песоцкая Елена Николаевна**
Инчина Вера Ивановна
Мочалов Евгений Владимирович
Макарова Юлия Александровна
К вопросу формирования междисциплинарной теоретико-практической платформы
когнитивной науки.....37

История философии

- Фивейская Людмила Владимировна**
Принцип религиозной свободы в русской философии: от абстрактного нигилизма к
философской рефлексии.....49
- Неганов Владимир Владимирович**
Особенности интеграции традиционных христианских ценностей в систему высшего
образования Российской Федерации (образовательные, психолого-педагогические,
воспитательные, духовно-нравственные аспекты)59

Философия науки и техники

- Сабирова Лиля Андреевна**
Взаимосвязь процесса проектирования научного исследования и методов эмпирического
и эмпирико-теоретического уровней.....72

Социальная и политическая философия

- Быховец Марина Владимировна**
Турсунов Фаррух Акбарович
Сапегин Алексей Петрович
Социально-философский анализ взаимодействия культур Востока и Запада80
- Кражан Анастасия Сергеевна**
Шелест Алексей Алексеевич
Проблема обоснования наличия у Российской Федерации национальной идеи88
- Кучуков Магомед Мусаевич**
Кучукова Жанета Магометовна
Феномен патриотизма: элемент социальности или же симулякр?.....94
- Стожко Дмитрий Константинович**
Шиловцев Андрей Владимирович
Емельянова Светлана Ивановна
Макарова Татьяна Николаевна
О характере современных социальных элит (опыт философской рефлексии)104

Хисматуллин Сергей Александрович
Влияние современных социокультурных условий на политическое сознание молодежи:
социально-философский анализ115

Чашина Жанна Вячеславовна
Мочалов Евгений Владимирович
Писачкин Владимир Александрович
Скрипник Анатолий Петрович
Этическое измерение метода трансдисциплинарности в решении социальных проблем121

Мосиенко Михаил Константинович
Границы практического.....131

Прохоров-Малясов Георгий Сергеевич
Постинформационное общество – ключевая ступень социальной трансформации.
Прогностический аспект.....137

Философская антропология, философия культуры

Берлева Ирина Николаевна
Философско-антропологическая проблематика в культурном пространстве Японии:
философский дискурс и экранные медиатексты148

Плеханов Илья Николаевич
Шипунова Александра Александровна
Сушкова Татьяна Алексеевна
Шкуткова Анастасия Павловна
Худякова Виктория Евгеньевна
Специфика развития художественной культуры в условиях современной
социокультурной трансформации в концепции Т. Адорно.....156

Коленко Элеонора Александровна
Зенина Марина Владимировна
Пенькова Мария Александровна
Мохотаева Яна Владимировна
Горина Карина Олеговна
Социальное противоречие как триггер насилия: культурфилософский анализ.....162

Савельева Александра Борисовна
Бытие человека в революции как источник эстетического чувства возвышенного168

Савельева Ксения Викторовна
Современные арт-практики в контексте цифровых трансформаций176

Философия религии и религиоведение

Петрунин Владимир Владимирович
Особенности русского политического богословия XVI в. (на примере посланий Ивана
IV Грозного).....184

Честнейшин Николай Васильевич
Честнейшина Диана Анатольевна
Образ-символ «сердце» в философской антропологии И.А. Ильина.....189

Лаврова Ольга Владимировна
Жанр надгробного слова в гомилетическом наследии святителя Макария (Невского).....199

Contents

Ontology and theory of cognition

Andrei A. Gribkov

Patterns of general systems theory. Part 2. Patterns of systems formation5

Ol'ga V. Agafonova

Constructivism as a methodological principle in aesthetic ontology of F. Schelling.....16

Igor' A. Karnaukhov

Digital being conceptosphere24

Pavel A. Gagaev

Andrei A. Gagaev

On the contemplative basis of being29

Elena N. Pesotskaya

Vera I. Inchina

Evgenii V. Mochalov

Yuliya A. Makarova

On the issue of the formation of an interdisciplinary theoretical and practical platform of cognitive science37

History of philosophy

Lyudmila V. Fiveiskaya

The principle of religious freedom in Russian philosophy: from abstract nihilism to philosophical reflection49

Vladimir V. Neganov

Features of the integration of traditional Christian values to the system of higher education of the Russian Federation (educational, psychological and pedagogical, spiritual and moral aspects)59

Philosophy of science and technology

Lilya A. Sabirova

The interaction between design process of the scientific research and methods of the empirical and empirical-theoretical levels72

Social and political philosophy

Marina V. Bykhovets

Farrukh A. Tursunov

Aleksei P. Sapegin

Socio-philosophical analysis of the interaction of cultures of East and West80

Anastasiya S. Krazhan

Aleksei A. Shelest

The problem of substantiating the existence of a national idea in the Russian Federation88

Magomed M. Kuchukov

Zhaneta M. Kuchukova

Phenomenon of patriotism: element of sociality or simulacrum?94

Dmitrii K. Stozhko

Andrei V. Shilovtsev

Svetlana I. Emel'yanova

Tat'yana N. Makarova

On the nature of modern social elites (the experience of philosophical reflection)104

Sergei A. Khismatullin	
Influence of modern socio-cultural conditions on the political consciousness of young people: socio-philosophical analysis.....	115
Zhanna V. Chashina	
Evgenii V. Mochalov	
Vladimir A. Pisachkin	
Anatolii P. Skripnik	
Ethical dimension of the transdisciplinarity method in solving social problems	121
Mikhail K. Mosienko	
Boundaries of practicality	131
Georgii S. Prokhorov-Malyasov	
The post-information society as a key stage in social transformation. The prognostic aspect.....	137

Philosophical anthropology, philosophy of culture

Irina N. Berleva	
Philosophical and Anthropological Problems in the Cultural Space of Japan: Philosophical Discourse and Screen Media Texts	148
Il'ya N. Plekhanov	
Aleksandra A. Shipunova	
Tat'yana A. Sushkova	
Anastasiya P. Shkutkova	
Viktoriya E. Khudyakova	
The specifics of the development of artistic culture in the conditions of modern sociocultural transformation in the concept of T. Adorno	156
Eleonora A. Kolenko	
Marina V. Zenina	
Mariya A. Pen'kova	
Yana V. Mokhotaeva	
Karina O. Gorina	
Social controversy as a trigger of violence: cultural-philosophical analysis.....	162
Aleksandra B. Savel'eva	
Human Being in Revolution as a Source of the aesthetic sense of the sublime	168
Kseniya V. Savel'eva	
Modern art practices in the context of digital transformations.....	176

Philosophy of religion and religious studies

Vladimir V. Petrunin	
Features of Russian Political Theology of the XVI century (based on the epistles of Ivan IV the Terrible).....	184
Nikolai V. Chestneishin	
Diana A. Chestneishina	
Image-symbol "heart" in philosophical anthropology of I.A. Ilyin.....	189
Ol'ga V. Lavrova	
The genre of the funeral word in the homiletic legacy of St. Macarius (Nevsky)	199

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2022.35.11.001

Паттерны общей теории систем: часть 2. Паттерны устойчивости систем

Грибков Андрей Армович

Доктор технических наук,
главный научный сотрудник кафедры робототехники и мехатроники,
Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»,
127994, Российская Федерация, Москва, Вадковский пер., 1;
e-mail: andarmo@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию универсальных механизмов обеспечения устойчивости различных систем в мироздании и объединению выявленных закономерностей в виде паттернов. Автор исследует сущность парных понятий необходимость/случайность и устойчивость/свобода, исходя из чего констатируется онтологичность понятий устойчивость/свобода. Для осмысления сущности механизмов обеспечения устойчивости систем рассматриваются возможные варианты ответов на три основных вопроса: «На каком уровне системы обеспечивается устойчивость?», «Какой характер имеет устойчивость?» и «Какой механизм обеспечения устойчивости?». Число вариантов ответов на поставленные вопросы достаточно велико и все вместе они позволяют сформировать шесть групп паттернов устойчивости систем, которые являются репрезентативными (или близкими к этому): паттерны баланса, паттерны сепарации процессов, паттерны фиксации и минимизации действий, паттерны дополнительных степеней свободы, паттерны внешней стабилизации, паттерны устойчивого неравновесия.

Для цитирования в научных исследованиях

Грибков А.А. Паттерны общей теории систем: часть 2. Паттерны устойчивости систем // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 5-15. DOI: 10.34670/AR.2022.35.11.001

Ключевые слова

Устойчивость, свобода, система, надсистема, подсистема, квазистационарный, периодический, аperiodический, динамический, паттерны.

Введение

Практическое использование подходов общей теории систем [Богданов, 1989; Bertalanffy, 1969; Уемов, 1978; Садовский, 1974], в основе которых лежит констатация существования в мире изоморфизмов, т.е. явления подобия форм и законов на различных уровнях мироздания, требует формирования репрезентативного, но ограниченного по количеству набора шаблонов форм и отношений элементов внутри системы. Такие шаблоны, широко распространенные в различных предметных областях, мы назовем паттернами (от лат. *patronus* – модель, образец, шаблон, выкройка).

В основе описания существования систем, по мнению автора, лежат три набора паттернов: паттерны образования систем, паттерны устойчивости систем и паттерны изменения систем. В рамках данной статьи мы рассмотрим паттерны устойчивости систем.

Ключевой проблемой при формировании набора паттернов является обеспечение ее репрезентативности или комплектности, т.е. охват сформированным набором паттернов всех или подавляющего большинства вариантов обеспечения устойчивости систем.

Для решения данной проблемы необходимо решить две основные задачи: во-первых, определить содержание парных понятий необходимость/случайность и устойчивость/свобода; во-вторых, сформулировать ключевые вопросы, из ответа на которые выявляется многообразие вариантов паттернов устойчивости систем.

Необходимость/случайность и устойчивость/свобода

В реальном конкретном мире нет места случайности. Необходимость и случайность — понятия теории познания. В том случае, когда возможно детерминистическое описание того или иного объекта познания (формы или процесса), мы говорим о необходимости объекта познания или каких-либо его параметров [Попов, 2021, 12]. В том случае, когда описание возможно только через использование вероятностных подходов, мы говорим о случайности. В частности, случайными мы называем процессы, результат которых не может быть заранее (до того, как они произошли) определен [Осипов, 2019, 7].

В реальном мире все необходимо (закономерно), потому что конкретно. Необходимым является не только познанное, причинно-обусловленное в нашей системе знаний, но и то, что пока не познано или даже не будет познано в обозримой перспективе.

В современной физике, вопреки очевидной гносеологической функции понятия случайности, ему придают онтологический смысл. Это приводит к серьезным заблуждениям, уводит в сторону от материалистического понимания бытия.

Понятие случайности может служить цели описания объектов познания того же масштаба, что и понятие необходимости, хотя наиболее часто случайными признают некоторые отклонения от необходимого. В последнем случае, по мнению автора, использование понятия случайности нецелесообразно. Значительно более емкими и онтологически обоснованными являются понятия устойчивости и свободы.

Понятие свободы трактуется весьма широко. Согласно Б. Спинозе «...Свободной называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой...» [Спиноза, 1957, 362]. Такому определению свободы соответствует ее понимание как естественности.

Существует, однако, и другое понимание свободы. Исходя из системного представления

объектов познания, свободу можно истолковать как способность параметров системы изменяться в некоторых пределах без разрушения системы. Устойчивость в рамках такого описания следует понимать, как свойство параметров системы находиться в некоторых пределах.

Взаимосвязь свободы и устойчивости очевидна: свобода есть необходимое условие устойчивости. Система, лишенная свободы, может быть устойчива лишь до тех пор, пока на нее не оказывается внешнее воздействие. Будучи неспособной изменяться, система разрушится независимо от величины воздействия. Так, человеческое общество, лишенное свободы, рано или поздно приходит в состояние глубочайшего кризиса, разрушающего устой такого несвободного общества.

Систему, границы изменения параметров которой определены, наиболее целесообразно анализировать с использованием понятий устойчивости и свободы, а не необходимости и случайности, как это делают сейчас.

Следует также отметить, что в отличие от понятия случайности, понятия свободы и устойчивости являются как гносеологическими, так и онтологическими. Устойчивость и свобода, выступая в качестве неразрывно связанных понятий, позволяют описывать бытие таким, какое оно есть, не искажая его.

Основные вопросы обеспечения устойчивости систем

Для осмысления сущности механизма (или механизмов) обеспечения устойчивости в той или иной системе необходимо ответить на три основных вопроса: На каком уровне системы обеспечивается устойчивость? Какой характер имеет устойчивость? Какой механизм обеспечения устойчивости? Полностью смысл этих вопросов будет прояснен в процессе рассмотрения возможных вариантов ответов на них.

На первый сформулированный вопрос («На каком уровне системы обеспечивается устойчивость?») возможны следующие варианты ответа:

- На уровне системы в целом. Все процессы, изменения, движения элементов системы взаимно компенсируются, причем компенсация происходит на уровне системы в целом. В результате отклонения параметров системы малы и не влекут за собой ее разрушения. При этом следует заметить, что изменения системы, даже такие, которые приводят к ее постепенным существенным изменениям, не являются нарушениями устойчивости системы.
- На уровне подсистем: структурных или функциональных. Структурная подсистема – это часть системы в виде совокупности элементов, локализованных в одной области пространства, связанных между собой сильнее, чем с другими элементами системы. Функциональная подсистема – совокупность элементов (реальных или виртуальных, соответствующих их отдельным свойствам), реализующая то или иное функциональное свойство системы.

Примером обеспечения устойчивости на уровне структурных подсистем является реализация в государстве самоуправления на уровне городов, областей и регионов, позволяющая повысить устойчивость государства в целом. Обеспечение устойчивости на уровне функциональных подсистем имеет место, например, в государстве, где (в идеале) одновременно реализуется баланс рождения и смертности, доходов и расходов, спроса и предложения товаров и т.д. В живом организме одновременно обеспечивается устойчивость в

огромном числе структурных (каждая клетка, орган и т.д.) и функциональных (кровообращение, пищеварение, дыхание и т.д.) подсистемах.

- На уровне надсистем: за счет другой системы (систем) или в результате баланса систем, относящихся к одной надсистеме. Стабилизирующее действие со стороны другой системы или систем может оказываться на систему в целом, а также на ее структурные или функциональные подсистемы.

Данный механизм обеспечения устойчивости широко распространен в мире. Примером его реализации является, в частности, устойчивость биосферы Земли, в которой главную роль играет поступление энергии от Солнца [Галюжин С.Д., Галюжин А.С., Лобикова О.М., Лобикова Н.В., 2017, 131]. Примером из сферы межгосударственных отношений является поддержка крупными странами стран-сателлитов [Рыжков, 2018], примером из социально-экономической сферы — государственная поддержка отдельных предприятий или отраслей, значимых для технологической безопасности или обороноспособности страны вне зависимости от их экономической эффективности [Григорьев, Грибков, 2014, 63].

На второй сформулированный вопрос («Какой характер имеет устойчивость?») возможны следующие варианты ответа:

- Квазистационарный характер, при котором параметры системы изменяются незначительно в пределах малого интервала отклонений от среднего значения [Гелиг, Зубер, 2007, 24]. В общем случае указанное среднее значение постепенно изменяется.

Данный вариант реализации устойчивости характерен для больших и сложных систем, образованных либо элементами существенно различающейся природы, либо однородными элементами, различия которой минимальны. Примером сложной разнородной квазистационарной системы является человеческая цивилизация, масштабные изменения которой происходят постепенно за очень длительные исторические периоды. Примером квазистационарной системы, образованной из однородных элементов, является горячая звезда, состоящая из водорода и гелия, отклонения параметров которой незначительны, а изменения происходят очень медленно по мере термоядерного превращения вещества в ядре звезды в более тяжелые элементы [Шкловский, 1984].

- Динамический характер, при котором параметры системы могут изменяться очень существенно, однако указанные изменения носят обратимый характер. Частным случаем данного механизма обеспечения устойчивости является осциллятор, параметры которого периодически изменяются.

Для некоторых систем динамический характер устойчивости проявляется очень выражено. Ярким примером являются цефеиды — звезды переменной светимости периодически сжимающиеся и расширяющиеся [Rodgers, 1957, 85]. Однако свойство динамической устойчивости в большей или меньшей степени присуще всем системам. В частности, рыночные изменения экономической среды, связанные со сменой власти в ведущих странах мира, локальные и мировые войны [Новожилова, 2014, 3] — изменения, на более или менее длительный период выводящие мировую социально-экономическую и политическую системы из квазистационарного состояния, которые в дальнейшем возвращаются в состояние, близкое к изначальному. Возникновение некоторого отличия конечного состояния от изначального являются важным инструментом развития.

На третий сформулированный вопрос («Какой механизм обеспечения устойчивости?») возможны следующие варианты ответа:

- За счет баланса действий внешних и внутренних элементов системы. В результате

суммарное действие на систему оказывается достаточно малым, не способным ее разрушить.

Наиболее часто данный механизм обеспечения устойчивости сочетается с квазистационарным характером устойчивости, однако возможен также и динамический баланс действий внешних и внутренних элементов системы. Простым примером такого баланса является двойные звезды, где скорости и расстояния между звездами изменяются очень существенно (в двойных нейтронных звездах расстояния и скорости изменяются в несколько раз [Weisberg, Taylor, 2004, 25]). При этом система сохраняет устойчивость.

- За счет уменьшения действий внутренних элементов системы. Механизм может быть реализован как за счет уменьшения величины действий элементов, так и сокращения числа действующих связей внутри системы.

Данный механизм относится к числу наименее эффективных, поскольку снижает способность системы противостоять внешним дестабилизирующим воздействиям. Примером практической реализации данного механизма является операция по рассечению мозолистого тела и разделению полушарий головного мозга для лечения эпилепсии, которая проводилась в 1940-х годах прошлого века. Несмотря на результативность операции она влекла за собой существенное снижение когнитивных функций, в том числе рассечению сознания на две части – левополушарное и правополушарное [Pinto et al., 2017, 1231].

- За счет перевода равновесной системы в устойчивое состояние. Реализуется за счет придания системе дополнительных степеней свободы, ограничения величины или характера внешних воздействий.

Одним из наиболее действенных механизмов повышения устойчивости равновесной системы является придание ей дополнительных степеней свободы, предполагающее, что число параметров реакции системы на внешние воздействия становится больше, чем число параметров воздействия. В результате (при определенных условиях) может быть существенно повышена устойчивость системы. Примером практического применения данного механизма является метод устранения родовых связей в рычажных механизмах для предотвращения заклинивания [Дворников, Гудимова, Большаков, 2007, 29], снижение социальной напряженности в обществе за счет расширения экономических и политических свобод и др.

Очевидным средством обеспечения устойчивости равновесных систем является ограничение величины или характера внешних воздействий до уровня, ниже того, который может угрожать устойчивости системы. Практическим примером данного механизма является ограничение мощности устройств, подключенных к источнику бесперебойного питания (ИБП). Многие ИБП при превышении суммарной мощности подключенных устройств выше максимальной для данного ИБП выходят из строя (в нашей терминологии – утрачивают устойчивость). Принудительное ограничение мощности подключаемых устройств существенно повышает устойчивость ИБП.

- За счет внешнего стабилизирующего воздействия. Основной механизм обеспечения устойчивости для искусственных систем, в частности технических. Также широко распространен в области экономики, внутренней и геополитики, демографии и др. Искусственные систем формируются под решение функциональных задач, и их устойчивость не является условием образования и фактором развития. Поэтому многие (при строгом анализе на долгосрочную устойчивость – практически все) искусственные системы нуждаются для сохранения устойчивости во внешнем стабилизирующем воздействии. Например, к числу важнейших факторов финансовой устойчивости

предприятия относятся экономическая, кредитно-финансовая и демографическая политика государства [Кокин, Яковлева, 2010, 256].

- За счет обеспечения устойчивого неравновесия. Для многих систем необходимым условием существования является сохранение неравновесного состояния. К таким системам, в частности, относятся живые системы, для которых Эрвином Бауэром был сформулирован принцип устойчивого неравновесия [Бауэр, 1935, 32]: «Все и только живые системы никогда не бывают в равновесии и исполняют за счёт своей свободной энергии постоянно работу против равновесия, требуемого законами физики и химии при существующих внешних условиях». Данный принцип также применим для описания экономических систем [Чупров, 2006, 112].

Принцип устойчивого неравновесия получает свое развитие в концепции динамической кинетической стабильности (ДКС): «... этот вид стабильности, применимый исключительно к постоянно реплицирующимся системам, будь то химические или биологические, вытекает непосредственно из мощного кинетического характера и присущей процессу репликации неустойчивости...» [Pross, Pascal, 2013], «... концепция ДКС совершенно отлична от обычного вида стабильности в природе – термодинамической стабильности...» [там же], «...для наблюдения специфического поведения реплицирующихся систем необходимо постоянно поддерживать далекие от равновесия условия...» [Pascal, Pross, Sutherland, 2013].

Классификация паттернов устойчивости систем

Общее количество сочетаний рассмотренных нами вариантов равно девяносто: пять вариантов ответа на первый вопрос (устойчивость реализуется на уровне системы в целом, на уровне структурных подсистем, на уровне функциональных подсистем, на уровне надсистемы за счет другой системы, на уровне надсистемы в результате баланса входящих в нее систем), три варианта ответа на второй вопрос (квазистационарная устойчивость, периодическая динамическая устойчивость (осциллятор), аperiodическая динамическая устойчивость) и шесть вариантов ответа на третий вопрос (баланс действий внешних и внутренних элементов системы, перевод равновесной системы в устойчивое состояние за счет дополнительных степеней свободы, перевод равновесной системы в устойчивое состояние за счет ограничения величины или характера внешних воздействий, за счет внешнего стабилизирующего воздействия, за счет обеспечения устойчивого неравновесия).

Опорным критерием классификации паттернов устойчивости систем является вариант ответа на третий вопрос («Какой механизм обеспечения устойчивости?»). Рассмотрим реализацию различных сочетаний вариантов ответа на третий вопрос и на остальные два вопроса.

Обеспечение устойчивости системы за счет баланса действий внешних и внутренних элементов системы соответствует группе паттернов, которую мы назовем «паттерны баланса». Баланс в паттернах данной группы может реализовываться на уровне структурных и функциональных подсистем, на уровне системы и на уровне надсистемы (во взаимодействиях с другими системами и внешними элементами).

Характер устойчивости системы, возможный для паттернов баланса, никак не ограничен. Он может быть как квазистационарным, так и динамическим (периодически и аperiodическим). Паттерны реализуется на уровне физических систем (например, баланс сил давления газа и гравитации в звездах), в биологии (ограниченный масштаб изменчивости видов), в демографии

(баланс рождений/смертности), в экономике (баланс спроса и предложения) и др.

Частным случаем паттерна баланса, имеющего динамический (периодический или аperiodический) характер, реализуемого на уровне функциональных подсистем, являются паттерны сепарации процессов, основанные на сепарации обменных (круговых, циркуляторных) процессов, обеспечивающих функционирование систем, вследствие чего устойчивость обеспечивается на уровне отдельного обменного процесса, а также (в меньшей степени) на уровне взаимодействия обменных процессов между собой. Паттерны сепарации процессов – одни из наиболее распространенных и эффективных механизмов обеспечения устойчивости сложных систем, поэтому представляется оправданным рассматривать их как отдельную группу паттернов. Паттерны сепарации процессов характерны для биологических, социальных, экономических и большинства искусственных систем.

Обеспечение устойчивости за счет уменьшения действий внутренних элементов системы соответствует группе паттернов, которую мы назовем «паттернами фиксации и минимизации действий». Эти паттерны основаны на противодействии разрушению системы за счет фиксации (отключения) отдельных свойств, элементов и связей в системе, либо минимизации всех или отдельных действий. Неизбежное снижение адаптивности, вариативности системы, в которой реализован какой-либо паттерн из данной группы, требует минимизации внешних действий на систему, что на практике обычно не обеспечивается.

Несмотря на очевидные недостатки, паттерны данной группы широко распространены в технике, в государственном управлении, военном деле и др. областях. В отдельных случаях, например, в условиях мобилизации страны во время войны, ограничение экономических и личных свобод граждан, регулирование рынка товаров и услуг и др., могут быть в пределах ограниченного периода времени оправданными с точки зрения сохранения устойчивости государства.

Паттерны фиксации и минимизации действий на практике реализуются на уровне подсистем (структурных и функциональных), системы в целом, а также на уровне надсистемы, т.е. на всех возможных уровнях.

Наименьшие риски потери внешней устойчивости, по мнению автора, имеют место в случае реализации данных паттернов на уровне надсистемы (например, когда политическая и экономическая устойчивость страны достигается за счет изоляционизма), а также на уровне функциональных подсистем (например, отключение некоторых функций в технической системе, блокировка отдельных экономических механизмов в стране и др.). В некоторых случаях, данные паттерны может быть продуктивными на уровне структурных подсистем (например, удаление больного органа для сохранения жизни или улучшения здоровья пациента).

Характер устойчивости систем, для которых применимы паттерны фиксации и минимизации действий, обычно квазистатический или динамический аperiodический. Сохранение у динамической системы свойств осциллятора при исключении или блокировке части ее функций и связей, практически невозможно.

Обеспечение устойчивости за счет перевода равновесной системы в устойчивое состояние в зависимости от используемого метода соответствует двум группам паттернов: паттернам фиксации и минимизации действий и паттернам дополнительных степеней свободы.

Если перевод равновесной системы в устойчивое состояние реализуется за счет ограничения величины или характера внешних воздействий, то соответствующей группой являются паттерны фиксации и минимизации действий (реализуемые на уровне надсистемы), которые мы

уже рассмотрели.

Если перевод равновесной системы в устойчивое состояние реализуется за счет дополнительных степеней свободы, то соответствующей группой являются паттерны дополнительных степеней свободы. Паттерны дополнительных степеней свободы совместимы со всеми уровнями обеспечений устойчивости и характером устойчивости.

Обеспечение устойчивости за счет внешнего стабилизирующего воздействия соответствует группе, которую мы назовем «паттернами внешней стабилизации». Стабилизирующее воздействие может оказываться на систему со стороны других систем (т.е. на уровне надсистемы), со стороны одних структурных подсистем на другие, в некоторых случаях – со стороны одних функциональных подсистем на другие. Примером последнего из указанных вариантов является интеграция лимфатической системы (являющейся частью иммунной системы) в кровеносную систему для фильтрации и очистки крови от патогенных микроорганизмов [Осикбаева, Даутова, Бауедимова, 2017, 237]. Характер устойчивости систем, в которых реализуются паттерны внешней стабилизации, может быть любым, однако вариант периодического динамического характера устойчивости в данном случае сложно реализуем и, вероятно, не распространён.

Обеспечение устойчивости за счет устойчивого неравновесия соответствует группе, которую мы назовем «паттернами устойчивого неравновесия». Устойчивое неравновесие может реализовываться на различных уровнях: уровне надсистемы, системы в целом, а также ее структурных подсистем. В частности, для реализации динамической кинетической стабильности основным является уровень надсистемы: «... отдельные репликаторы по своей природе нестабильны, что выражается в их постоянной смене, тогда как популяция репликаторов может быть удивительно стабильной, что выражается в сохранении некоторых популяций репликаторов...» [Pross, Pascal, 2013]. Характер устойчивости на основе устойчивого неравновесия преимущественно аperiodический динамический.

Заключение

На основе проведенных исследований можно сделать следующие основные выводы.

- 1) В основу классификации паттернов устойчивости систем могут быть положены ответы на три вопроса: На каком уровне системы обеспечивается устойчивость? Какой характер имеет устойчивость? Какой механизм обеспечения устойчивости?
- 2) Число вариантов ответов на поставленные вопросы достаточно велико и все вместе они позволяют сформировать шесть групп паттернов устойчивости систем, которые являются репрезентативными (или близкими к этому).
- 3) Конечная (и весьма ограниченная) сложность описания всего многообразия паттернов устойчивости систем является аргументом в пользу познаваемости мира.

Библиография

1. Бауэр Э.С. Теоретическая биология. М.-Л., Изд. ВИЭМ, 1935 г., 151 с.
2. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х книгах. М.: Экономика, 1989
3. Галюжин С.Д., Галюжин А.С., Лобикова О.М., Лобикова Н.В. Основные факторы устойчивого развития биосферы // Вестник Белорусско-Российского университета. 2017. № 2(55). С. 131-141
4. Гелиг А.Х., Зубер И.Е. Устойчивость квазистационарных систем // Автоматика и телемеханика. 2007. № 6. С. 24-34
5. Григорьев С.Н., Грибков А.А. Растущие привлекают ведущих опыт развивающихся стран по привлечению

- ведущих мировых компаний в производство металлообрабатывающего оборудования // Международная экономика. 2014. № 12. С. 63-67
6. Дворников Л.Т., Гудимова Л.Н., Большаков Н.С. Опыт исключения избыточных связей в шестизвенных плоских механизмах // Известия вузов. Машиностроение. 2007. №5. С. 29-38
 7. Кокин А.С., Яковлева Г.Н. Показатели устойчивости организации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. №3(1). С. 256-261
 8. Новожилова Е.О. Истоки, причины и функции войны: социально-экологический анализ // Russian Journal of Education and Psychology. №11(43). 2014. С. 3-16
 9. Осикбаева С.О., Даутова М.Б., Бауедимова А.М. Лимфатическая система и ее важность для организма // Вестник КазНМУ. 2017. №2. С. 237-240
 10. Осипов В.Е. Необходимость, случайность и вероятность: сущность и исторические формы детерминации // Культура. Наука. Образование. 2019. № 2 (51). С. 7-27.
 11. Попов Н.А. Однозначный детерминизм в плену иллюзорных представлений // Философия и культура. 2021. № 2. С. 12-41
 12. Рыжков Е.Н. А. Улам об основных направлениях внешней политики СССР (1945-53 гг.) в контексте американской историографии второй половины XX в. / Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. С-Пб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2018. 205 с.
 13. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 280 с.
 14. Спиноза Б. Избранные произведения в двух томах. Том первый. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 631 с.
 15. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
 16. Чупров С.В. Неустойчивое равновесие и устойчивое неравновесие экономической системы. От воззрений Н.Д. Кондратьева к современной парадигме // ЭНСР. 2006. № 3 (34). С. 112-120
 17. Шкловский И.С. Звезды: их рождение, жизнь и смерть. М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1984. 384 с.
 18. Bertalanffy, L. General System Theory. Foundations, Development, Applications. New York, George Braziller, 1969. 289 p.
 19. Pascal R., Pross A., Sutherland J.D. Towards an evolutionary theory of the origin of life based on kinetics and thermodynamics // Open Biology. 2013. Vol. 3. Issue 11. 30156
 20. Pinto Y., Neville D.A., Otten M., Corballis P.M., Lamme V.A.F., de Haan E.H.F., Foschi N., Fabri M. Split brain: divided perception but undivided consciousness // Brain. 2017. Vol. 140. Issue 5. pp. 1231-1237
 21. Pross A., Pascal R. The origin of life: what we know, what we can know and what we will never know // Open Biology. 2013. Vol. 3. Issue 3. 120190
 22. Rodgers A.W. Radius Variation and Population Type of Cepheid Variables // Monthly Notices of the Royal Astronomical Society/ 1957. Vol. 117. Issue 1. pp. 85-94
 23. Weisberg J. M., Taylor J. H. Relativistic Binary Pulsar B1913+16: Thirty Years of Observations and Analysis // Binary Radio Pulsars, ASP Conference Series. Aspen, 11-17 January 2004. Vol. 328. pp. 25-31

Patterns of general systems theory. Part 2. Patterns of systems formation

Andrei A. Gribkov

Doctor of Engineering,
Chief Researcher at the Department of Robotics and Mechatronics,
Moscow State University of Technology "STANKIN",
127994, 1, Vadkovskii lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: andarmo@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of universal mechanisms of stability of various systems in the universe and the unification of the identified patterns in the form of patterns. The author investigates the essence of paired notions of necessity/randomness and stability/freedom. On this basis, the ontological character of the notions of stability/freedom is stated. To comprehend the es-sence of

mechanisms of stability of systems possible answers to three main questions are considered: "At what level of the system stability is ensured?", "What is the nature of stability?" and "What is the mechanism of stability?". The number of variants of answers to the posed questions is large enough. All together the answers allow to form six groups of patterns of stability of systems, which are representative: patterns of balance, patterns of separation of processes, patterns of fixation and minimization of actions, patterns of additional degrees of freedom, patterns of external stabilization, patterns of stable nonequilibrium.

For citation

Gribkov A.A. (2022) Patterny obshchei teorii sistem: chast' 2. Patterny ustoychivosti sistem [Patterns of general systems theory. Part 2. Patterns of systems formation]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 5-15. DOI: 10.34670/AR.2022.35.11.001

Keywords

Stability, freedom, system, supersystem, subsystem, quasi-stationary, pe-riodic, aperiodic, dynamic, patterns.

References

1. Bauer E.S. Teoreticheskaya biologiya [Theoretical Biology]. Moscow-Leningrad: VIEM, 1935, 151 p.
2. Bogdanov A.A. Tektologiya: Vseobshchaya organizacionnaya nauka. V 2-h knigah [Tectology: General Organizational Science. In 2 books]. Moscow: Ekonomika, 1989
3. Galyuzhin S.D., Galyuzhin A.S., Lobikova O.M., Lobikova N.V. (2017) Osnovnye faktory ustoychivogo razvitiya biosfery [Main factors of sustainable development of the biosphere] // In: Vestnik Belorussko-Rossiyskogo universiteta [Bulletin of the Belarusian-Russian University], 2017, no. 2(55), pp. 131-141
4. Gelig A.H., Zuber I.E. (2007) Ustoychivost' kvazistacionarnykh sistem [Stability of quasi-stationary systems] // In: Avtomatika i telemekhanika [Automation and Telemechanics], 2007, no. 6, pp. 24-34
5. Grigoryev S.N., Gribkov A.A. (2014) Rastushchie privlekayut vedushchih opyt razvivayushchih stran po privilecheniyu vedushchih mirovykh kompanij v proizvodstvo metalloobrabatyvayushchego oborudovaniya [Growing attraction experience of developing countries to attract the world's leading companies in the production of metalworking equipment] // In: Mezhdunarodnaya ekonomika [International Economics], 2014, no. 12, pp. 63-67
6. Dvornikov L.T., Gudimova L.N., Bolshakov N.S. (2007) Opyt isklyucheniya izbytochnykh svyazey v shestizvennykh ploskikh mekhanizmah [Experience of eliminating redundant links in six-link flat mechanisms] // In: Izvestiya vuzov. Mashinostroyeniye [Machine engineering], 2007, no. 5, pp. 29-38
7. Kokin A.S., Yakovleva G.N. (2010) Pokazateli ustoychivosti organizatsii [Indices of organizational stability] // In: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2010, 3(1), pp. 256-261
8. Novozhilova E.O. (2014) Istoki, prichiny i funktsii vojny: social'no-ekologicheskij analiz [Sources, causes and functions of war: socio-ecological analysis] / In: Russian Journal of Education and Psychology, no. 11(43), 2014, pp. 3-16
9. Osikbaeva S.O., Dautova M.B., Bauedimova A.M. (2017) Limfaticheskaya sistema i ee vazhnost' dlya organizma [The lymphatic system and its importance for the body] // Vestnik KazNMU, 2017, no. 2, pp. 237-240
10. Osipov V.E. (2019) Neobhodimost', sluchajnost' i veroyatnost': sushchnost' i istoricheskie formy determinatsii [Necessity, randomness and probability: essence and historical forms of determination] // In: Kul'tura. Nauka. Obrazovanie [Culture. Science. Education], 2019, no. 2(51), pp. 7-27
11. Popov N.A. (2021) Odnoznachnyj determinizm v plenu illyuzornykh predstavlenij [Single-valued determinism in captivity of illusory notions] // In: Filosofiya i kul'tura [Philosophy and Culture], 2021, no. 2, pp. 12-41
12. Ryzhkov E. N. (2018) A. Ulam ob osnovnykh napravleniyakh vneshnej politiki SSSR (1945-53 gg.) v kontekste amerikanskoy istoriografii vtoroy poloviny XX v. [A. Ulam on the Basic Trends of Foreign Policy of the USSR (1945-53) in the Context of American Historiography of the Second Half of XX Century] / Dissertation for Candidate of Historical Sciences. St. Petersburg State University, 205 p.
13. Sadovsky V.N. (1974) Osnovaniya obshchej teorii sistem. Logiko-metodologicheskij analiz [Fundamentals of the General Theory of Systems. Logico-methodological analysis]. Moscow: Nauka, 1974, 280 p.
14. Spinoza B. (1957) Izbrannye proizvedeniya v dvuh tomah. Tom pervyj [Selected works in two volumes. Volume One]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1957, 631 p.

15. Uyemov A.I. (1978) *Sistemnyj podhod i obshchaya teoriya sistem* [System Approach and the General Theory of Systems] / Moscow: Mysl', 1978, 272 p.
16. Chuprov S.V. (2006) *Neustojchivoe ravnovesie i ustojchivoe neravnovesie ekonomicheskoy sistemy. Ot vozzrenij N.D. Kondrat'eva k sovremennoj para-digme* [Unstable Equilibrium and Stable Nonequilibrium of Economic System. From N.D. Kondratiev's views to modern paradigm] / ENSR, 2006, no. 3 (34), pp. 112-120
17. Shklovsky I.S. (1984) *Zvezdy: ih rozhdenie, zhizn' i smert'* [Stars: Their Birth, Life and Death]. Moscow: Nauka, Glavnaya redakciya fiziko-matematicheskoy literatury, 1984, 384 p.
18. Bertalanffy, L. *General System Theory. Foundations, Development, Applications* / New York, George Braziller, 1969, 289 p.
19. Pascal R., Pross A., Sutherland J.D. *Towards an evolutionary theory of the origin of life based on kinetics and thermodynamics* / *Open Biology*, 2013, vol. 3, Issue 11, 30156
20. Pinto Y., Neville D.A., Otten M., Corballis P.M., Lamme V.A.F., de Haan E.H.F., Foschi N., Fabri M. *Split brain: divided perception but undivided consciousness* // *Brain*, 2017, vol. 140, issue 5, pp. 1231-1237
21. Pross A., Pascal R. *The origin of life: what we know, what we can know and what we will never know* // *Open Biology*, 2013, Vol. 3, Issue 3, 120190
22. Rodgers A.W. *Radius Variation and Population Type of Cepheid Variables* // *Monthly Notices of the Royal Astronomical Society*, Vol. 117, Issue 1, February 1957, pp. 85-94
23. Weisberg J. M., Taylor J. H. *Relativistic Binary Pulsar B1913+16: Thirty Years of Observations and Analysis* // *Binary Radio Pulsars*, ASP Conference Series, Aspen, 11-17 January 2004, Vol. 328, pp. 25-31

УДК 165.0

DOI: 10.34670/AR.2022.58.52.002

Конструктивизм как методологический принцип эстетической онтологии Ф. Шеллинга

Агафонова Ольга Васильевна

Кандидат философских наук, доцент,
начальник кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2;
e-mail: evgenagafonov@inbox.ru

Аннотация

В статье на основе анализа конструктивизма как специфического способа познания бытия раскрывается система эстетической онтологии Ф. Шеллинга. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления противоречивого характера рационального познания в целом и выявления в контексте неклассической эпистемологии специфики таких форм познания, как миф, религия, философия и искусство, а также осмысления идеи синтеза когнитивных практик, раскрывающей характерные черты современной эпохи. Соотношение сознания и мира рассмотрено в статье в качестве одной из основных проблем философии Шеллинга, специфический метод которого определен как онтологический конструктивизм. Познавательное конструирование становится своеобразной вариацией логической дедукции сущностей, которые обнаруживают для человека действительность, но остаются в сфере абсолютного. Автором показано, что Шеллинг рассматривает искусство как «истечение Абсолюта», утверждая Универсум как божественное создание наподобие прекрасного художественного произведения. Эстетическому созерцанию открываются сокровенные истины бытия, поэтому искусство должно быть фундаментом науки, философии и религии, что нашло отражение в разнообразных тенденциях развития современной культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Агафонова О.В. Конструктивизм как методологический принцип эстетической онтологии Ф. Шеллинга // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 16-23. DOI: 10.34670/AR.2022.58.52.002

Ключевые слова

Ф. Шеллинг, трансцендентальный идеализм, эпистемология, конструкция, онтологический конструктивизм, интеллектуальное созерцание, эстетическое созерцание, эстетическая онтология, искусство, творчество.

Введение

Несомненным парадоксом стремительно меняющейся культуры сегодня является осмысление противоречивого характера рационального познания в целом и, в частности, переоценка специфики и роли науки в общественной жизни. Все более очевидным представляется ограниченный характер научного познания, не выходящего по своим сущностным характеристикам за пределы фактов и опыта. «Ризомное» разрастание и тотальная специализация науки, которая при этом до сих пор не смогла найти решение многих насущных и мировоззренческих проблем бытия, погружают современных людей в состояние растерянности перед неконтролируемой массой «информационных потоков, которые... ведут к утрате и растворению человеческой самобытности, уникальности, индивидуальности» [Петрык, 2016, 127].

В рамках преодоления кризиса рационализма, являвшегося основой западного, прежде всего, европейского миропонимания в течение нескольких столетий, пытающегося и сегодня определить доминанты развития для всего человечества, все более значимым становится освобождение от установок модерна и актуальность поиска альтернативных тенденций. Это определяет необходимость анализа в контексте неклассической эпистемологии специфики таких «внеаучных» форм познания, как миф, религия, философия и искусство, а также осмысления идеи синтеза когнитивных практик, раскрывающей характерные черты современной эпохи.

И не стоит удивляться тому, что истоки понимания современного мировоззренческого кризиса и возможные пути его преодоления были намечены уже в классической философии и эстетике. В этой связи сегодня среди отечественных и зарубежных исследователей возрастает интерес к философии искусства Ф. Шеллинга, который пророчески указал, что противоречия модерна могут быть преодолены в эстетической сфере.

Методология «онтологического» конструктивизма

Нельзя не отметить тот факт, что наряду с признанием значительности вклада Ф. Шеллинга в историю мировой философской и эстетической мысли, исследование его творчества сопряжено с целым рядом затруднений, среди которых незавершенность многих его трудов, намеренная терминологическая двусмысленность, неоднозначные оценки творчества мыслителя, переходящие зачастую в отрицательные отзывы и навешивание ярлыков. К этому списку, несомненно, стоит отнести и сложную мировоззренческую эволюцию Шеллинга, прошедшую путь от натурфилософии через трансцендентально-эстетический идеализм, философию тождества и свободы к философии мифа.

При этом известно, что сквозным принципом миропонимания Шеллинга всегда оставался идеализм, на основании которого выстроена уже ранняя программа его натурфилософских исследований [Гулыга, 1987, 14]. Критически оценивая идеи предшественников, свою задачу мыслитель видит в необходимости соотнесения философии природы с философией духа.

Так, в одной из первых работ Шеллинг явления природы называет продуктами духа. Но он не согласен с фиктеанским пониманием природы как тени духа, а рассматривает ее как иерархичную, живую развивающуюся систему, прекрасный символ духовного мира. Диалектика природы по Шеллингу обосновывается тем, что «она духовна по своей глубинной сущности» [Богатырев, 1987, 354]. Затем в «Системе трансцендентального идеализма» философ,

намеренно отказываясь от функционально-атрибутивного подхода, на основе принципа тождества пытается решить проблему субстанции. По его мнению, преодолеть крайности пантеизма и персонализма можно, только соединив субъект и объект в единой концепции Абсолюта.

Таким образом, в творящем себя божественном Абсолюте Шеллинга преодолеваются противоположности между личностью и природой, миром. Вселенная тождественна Богу, оказывается Им в самораскрытии. При этом сознание изначально существует как потенциальная возможность, поэтому история мира определяет судьбу и самопознание Бога. Отсюда, соотношение сознания и мира становится одной из основных проблем философии Шеллинга. Опережая Гегеля, он дает анализ этапов развития мышления, особо выделяя среди них продуктивное созерцание, которое, производя объект, познает его.

Пытаясь преодолеть кантовский агностицизм и развертывая фихтевскую идею интеллектуальной интуиции, Шеллинг изначально рассматривает конструирование как метод философского познания. Известно, что по Канту всякое созерцание чувственно, а, значит, конструирование понятия осуществляется на основе создания соответствующего ему наглядного представления, изображения общего в конкретном, частном. Философия, в которой отсутствует созерцание, т. к. она обращается только с чистыми понятиями, напротив, стремится к абстрагированию частного в общее. Поэтому в философии обобщение возможно через интеллектуальное созерцание как установление содержательной связи между понятиями, логическое сопоставление возможностей через тождество общего и особенного. Интеллектуальное созерцание есть способность узреть живое единство всеобщего, бесконечного и особенного, конечного.

Любое конструирование как субъективный познавательный акт всегда определяется конкретными эмпирическими условиями. В чувственном образе разум видит идею как единство общего и особенного. Поэтому Шеллинг настаивает на единстве принципов конструирования, как в естественных науках, так и в философии. «Конструируется... лишь одно, а именно идеи, а все выведенное конструируется не как выведенное, а в своей идее» [Шеллинг, 1989, 12]. Отсюда следует, что конструкция как гносеологическая процедура всегда выстраивается по определенной всеобщей схеме, раскрывающей исходную взаимосвязь субъекта и объекта в процессе познания. Предвосхищая знаменитую гегелевскую «триаду», философ раскрывает генезис познавательного конструирования, которое, по его мнению, проходит три стадии. Так, трансцендентальное мышление, раскрывающее объективные взаимосвязи, является тезисом, а сконструированное субъективное Я становится своеобразным антитезисом. Их синтез не только продуцирует новое знание, новую идеальную конструкцию, но и позволяет преодолеть крайний субъективизм фихтеанского идеализма.

Соединяя систему и метод философии Ф. Шеллинга, можно сказать, что познание с точки зрения философа есть созерцание целостных сущностей как проявлений абсолютного бытия, в процессе его самопознания взятого в определенном отношении. При этом познавательное конструирование становится своеобразной вариацией логической дедукции сущностей, которые раскрывают для человека действительность, но остаются в сфере абсолютного. Таким образом, специфический метод Шеллинга следует определить как онтологический конструктивизм. Это представляется справедливым не только потому, что мыслитель ставит и своеобразно решает задачу продуцирования метафизических понятий неисполняемых в живом опыте. Он воспринимает «бытие как то, что уже всегда упредило и любое мышление, и любое помысленное» [Ананьева, 2016, 294]. Мышление едино с бытием, но оно всегда вторичное,

последующее. Познание у Шеллинга отчасти аналогично платоновскому припоминанию, оно раскрывает бытие как предмысленное, незапамятное.

В философии всеобщее конструируется на основе интеллектуального созерцания в виде идеи. Но философия остается лишь формой субъективной интеллектуальной рефлексии, в которой система не может быть полностью завершена, познание не может вернуть к своему исходному пункту. Только «эстетическое созерцание и есть ставшее объективным интеллектуальное созерцание» [Шеллинг, 1987, 482]. Поэтому, по Шеллингу, в иерархии познавательных форм искусство стоит выше философии, т. к. объективирует идею в форме художественного произведения и, тем самым, полностью преодолевает субъективность, возвращая человека к природе. Искусство не только обладает подлинной объективностью, но и потенциалом преобразования мира, т. к. в отличие от философии, носящей элитарный характер, доступно всем людям.

Система эстетической онтологии

Известно, что, прежде всего, Ф. Шеллинг стал продолжателем традиций немецкого идеализма. Но не стоит забывать, что его по праву считают и одним из идеологов раннего романтизма, принципы которого во многом сложились в критике рационализма просветителей, осознания неспособности осмыслить ими всю полноту нарастающих исторических и социальных противоречий. Так, романтики отрицали буржуазный утилитаризм Просвещения, косвенным следствием которого стало понимание искусства как воспроизведения жизни. На основе идей Канта и Фихте, глубоко раскрывших ведущую роль субъекта в процессе познания, эстетические категории рассматриваются представителями романтизма не как отражение реальности, «а мыслятся в качестве ее конструктивных сил» [Овсянников, 1966, 23]. Заменяя законы логики и утилитарного знания законами переживания и воображения, просветительскому культу разума романтики противопоставляют иррациональное, бессознательное, интуитивное, символическое, мистическое. Неслучайно именно субъективизм становится не только главным принципом познания, но и источником преобразования мира. Искусство отныне мыслится не как результат специфической деятельности, а воспринимается как непрекращающийся даже после создания художественного произведения творческий процесс.

Таким образом, романтики уверенно стирают границы между искусством, религией, философией и самой жизнью, осмысливая эстетическое «в качестве одной из сущностных парадигм космо-социо-антропо-бытия» [Бычков, 2002, 77]. Отметим, что в творчестве Ф. Шеллинга эстетика романтизма не только нашла свое наиболее систематизированное выражение. Через обращение философа к идеям объективного идеализма была сделана попытка преодолеть крайности ее субъективизма и релятивизма. Так, рассматривая искусство как «истечение Абсолюта», Шеллинг утверждает, что и сам Универсум создан Богом наподобие прекрасного художественного произведения. Только Бог является первопричиной искусства, источником идей и красоты.

В своеобразной системе эстетической онтологии Шеллинга природа есть продукт божественного творчества, в котором отсутствует самосознание. «Конструирование есть представление вещей в абсолютном» [Шеллинг, 1966, 86], произведения искусства как реальные формы прекрасных вещей раскрывают их абсолютную божественную сущность. Лишь эстетическому созерцанию гения на основе синтеза сознательного, субъективного и

бессознательного, божественного в художественной интуиции открываются сокровенные истины бытия, поэтому искусство должно быть фундаментом науки, философии и религии.

Отметим, что эта идея впоследствии нашла развитие, например, у М. Хайдеггера, который рассматривал философию как специфический вариант поэтического мышления. В современной культуре сбылись пророчества Шеллинга о «погружении знания в сферу эстетического» [Петрык, 2016, 129]. Сегодня становится понятно, что философия, да и знание вообще невозможно вне эмоционального и оценочного компонента. Искусство не только выявляет глубинные смыслы бытия, но через обращение к чувствам делает информацию о мире более открытой и значимой, превращая человека из стороннего наблюдателя в соучастника эстетического события. В результате этого появляются новые типы художественной рефлексии, происходит эстетизация всех сфер жизни человека, вплоть до повседневности.

Уже И. Кант писал о роли продуктивного воображения в процессе познания, рассматривая конструктивные, творческие способности как основу человеческого разума. Поэтому в «качестве продукта трансцендентального воображения феноменальный мир может рассматриваться как наше произведение» [Сидоров, 2017, 15]. Можно сказать, что в кантовской критической философии творчество понимается, прежде всего, как возможность самопрезентации субъекта.

В трансцендентальной эстетике Шеллинга искусство, напротив, не является плодом субъективного воображения и способом отражения эмпирической реальности, а стремится к познанию сверхчувственных первообразов [Лукманова, 2013, 1238]. Воображением как основой творческих способностей обладают и Бог, и человек. Божественное воображение создает мир и человека, человеческое воображение в философии раскрывает для нас Бога или Абсолют. В максимально напоминающем божественное эстетическом воображении универсальное, бесконечное соединяется с индивидуальным, конечным, форма становится бытием, а бытие конструируется в конкретной форме. Художник творит новый объект, демонстрирующий другим людям взаимосвязь между «идеей красоты и материальной формой ее воплощения» [Варова, 2021, 15]. В философии понятия лишь углубляют противоречие между конечным и бесконечным. Искусство не сводится к разуму, интеллигенции. В творчестве понятие как форма познания заменяется художественным образом, который существует на основе уникального нераздельного единства формы и содержания, идеального и реального, рационального и чувственного.

Сегодня идея понимания Шеллингом искусства как взаимосвязи конечного и бесконечного обретает все новые значения. Так, нельзя не согласиться с тем, что «любое произведение искусства – это некоторый бесконечный потенциал» [Ананьева, 2016, 309], предполагающий множество возможных интерпретаций и толкований. Быть может, с точки зрения точных наук такая трактовка бесконечного и представляется некой спекулятивной конструкцией. В современной философии, напротив, эта концепция подробно разработана герменевтикой и все более претендует на статус общей методологии не только гуманитарного, но и научного познания в целом. В методологии постструктурализма пересматриваются принципы восприятия художественного творчества. Так, М. Фуко высказывает известный тезис о «смерти автора», настаивающий на невозможности поиска однозначных, окончательных трактовок и на открытости искусства новому опыту. У А.А. Потебни реципиент потенциально становится со-творцом автора, а Р. Барт обосновывает необходимость отказа в эстетике от предполагавшего законченность, неизменность смысла понятия «произведение» и замены его концептом текста как живого, бесконечного множества символических смыслов и свободных ассоциаций.

Произведение искусства Шеллинг воспринимает как малый, замкнутый в себе универсум, объективное свидетельство субъективной свободы, обретающей в художественном продуцировании чувственный образ. Идеи как объект чувственного созерцания в искусстве связывают единство Абсолюта с многообразием единичных вещей. Поэтому в художественном образе случайное, вариативное, возможное переходит в закономерное. Произведения искусства у Шеллинга как боги мифологии, становятся необходимой формой выражения всеобщего. Напомним, что эстетическое обоснование космологии, актуализированное романтизмом, сформировалось еще в эпоху античности, которую, исходя из определяющей роли искусства в познании человеком мира, можно определить как эстетический тип культуры.

Изначально мифологические образы рассматриваются Шеллингом в качестве всеобщей материи искусства. Он считает, что «мифология содержит в себе творческое начало» [Гулыга, 1987, 27], является высшей формой проявления универсума, каждый человек создает свою мифологию. Философ даже высказывает мысль о том, что в будущем человечество создаст новую мифологию. Греки были обращены к природе, христианская мифология стремится постигнуть дух, новая мифология возникает из их взаимосвязи. В своих последних работах Шеллинг рассматривает мифологию народа как основу национального единства, пытаясь найти объяснение повторяющимся у разных этносов, общим для всего человечества мифологическим мотивам и сюжетам. Представляется, что таким образом он предвосхищает идею неопределенности о коллективном бессознательном. Известно, что, в конечном итоге все это привело мыслителя к созданию философии откровения, в которой миф уже не подчинен искусству, а рассматривается как самостоятельная форма мировоззрения.

Заключение

Осмысливая природу как прекрасный символ духовного мира, Ф. Шеллинг решает задачу соотнесения философии природы с философией духа, преодоления крайностей пантеизма и персонализма через соединение субъекта и объекта в единой концепции Абсолюта. Интеллектуальное созерцание философ определяет как установление содержательной связи между понятиями, а познавательное конструирование становится своеобразной вариацией логической дедукции сущностей, которые раскрывают для человека действительность, но остаются в сфере абсолютного.

Философия, конструируя всеобщее на основе интеллектуального созерцания в виде идеи, остается формой субъективной интеллектуальной рефлексии. Искусство, объективируя идею в форме художественного произведения, стремится к познанию сверхчувственных первообразов, но и преодолевает субъективность, возвращая человека к природе. Таким образом, использование конструктивизма как специфического способа познания бытия позволило Ф. Шеллингу рассмотреть эстетическое как фундаментальную онтологическую реальность, что сегодня может стать основанием выхода из мировоззренческого кризиса современной культуры.

Библиография

1. Ананьева Е., Крюков А., Паткуль А. Теоретическо-текстологический семинар «Шеллинг и феноменология» // HORIZON. 2015. № 4 (2). С. 284-322.
2. Богатырев Д.К. Шеллинг // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Том 18. Выпуск 4. С. 351-359.
3. Бычков В.В. Эстетика. М.: Гардарики, 2002. 556 с.
4. Варова Н.Л. Феномен образа мира в изобразительном искусстве // Вестник Омского государственного

- педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (30). С. 14-17.
5. Гулыга А.В. Философское наследие Шеллинга // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 3-38.
 6. Лукманова Р.Х., Столетов А.И. О трансформации понимания творчества в философии // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 4. С. 1237-1243.
 7. Овсянников М.Ф. Эстетическая концепция Шеллинга и немецкий романтизм // Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. С. 19-46.
 8. Петрык Я.Ю. Эстетические пророчества Ф. Шеллинга // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. № 3-4 (55). С. 126-130.
 9. Сидоров А.М. Эстетизация бытия и мышления: Кант и романтизм // Современные инновации. 2017. № 3 (17). С. 14-15.
 10. Шеллинг Ф.В.Й. О конструкции в философии // Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 3-26.
 11. Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма // Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 227-489.
 12. Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с.

Constructivism as a methodological principle in aesthetic ontology of F. Schelling

Ol'ga V. Agafonova

PhD in Philosophy, Head of Department of Philosophy and History,
Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
160002, 2, Shchetinina str., Vologda, Russian Federation;
e-mail: evgenagafonov@inbox.ru

Abstract

Based on the analysis of constructivism as a specific way of knowing being, the article reveals the system of aesthetic ontology by F. Schelling. The relevance of the study is due to the need to comprehend the contradictory nature of rational cognition in general and identify, in the context of non-classical epistemology, the specifics of such forms of cognition as myth, religion, philosophy and art, as well as comprehend the idea of synthesis of cognitive practices, revealing the characteristic features of the modern era. The correlation of consciousness and the world is considered in the article as one of the main problems of Schelling's philosophy, the specific method of which is defined as ontological constructivism. Cognitive construction becomes a kind of variation of the logical deduction of entities that reveal reality for a person, but remain in the sphere of the absolute. The author of the paper shows that Schelling considers art as "the outflow of the Absolute", asserting the Universe as a divine creation like a beautiful work of art. Aesthetic contemplation reveals the innermost truths of being, therefore art should be the foundation of science, philosophy and religion, which is reflected in various trends in the development of modern culture.

For citation

Agafonova O.V. (2022) *Konstruktivizm kak metodologicheskii printsip esteticheskoi ontologii F. Shellinga* [Constructivism as a methodological principle in aesthetic ontology of F. Schelling]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 16-23. DOI: 10.34670/AR.2022.58.52.002

Keywords

F. Schelling, transcendental idealism, epistemology, construction, ontological constructivism, intellectual contemplation, aesthetic contemplation, aesthetic ontology, art, creativity.

References

1. Anan'eva E., Kryukov A., Patkul' A. (2015) Teoreticheskoe-tekstologicheskii seminar «Schelling i fenomenologiya» [Theoretical and textological seminar "Schelling and phenomenology"]. *HORIZON*, 4 (2), pp. 284-322.
2. Bogatyrev D.K. (2017) Schelling. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities], 4, 18, pp. 351-359.
3. Bychkov V.V. (2002) *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Gardariki Publ.
4. Gulyga A.V. (1987) Filosofskoe nasledie Shellinga [Philosophical legacy of Schelling]. In: Schelling F. *Sochineniya v 2 t.* [Schelling F. Works in 2 vols.]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 1.
5. Lukmanova R.Kh., Stoletov A.I. (2013) O transformatsii ponimaniya tvorchestva v filosofii [On the transformation of the understanding of creativity in philosophy]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 4, 18, pp. 1237-1243.
6. Ovsyannikov M.F. (1966) Esteticheskaya kontseptsiya Shellinga i nemetskii romantizm [Schelling's Aesthetic Concept and German Romanticism]. In: Schelling F. *Philosophy of art* [Filosofiya iskusstva]. Moscow: Mysl' Publ.
7. Petryk Ya.Yu. (2016) Esteticheskie prorochestva F. Shellinga [Aesthetic prophecies of F. Schelling]. *Aktual'nyye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya* [Topical issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history], 3-4 (55), pp. 126-130.
8. Schelling F. (1966) *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of art]. Moscow: Mysl' Publ.
9. Schelling F. (1987) Sistema transtsendental'nogo idealizma [The system of transcendental idealism]. In: *Sochineniya v 2 t.* [Schelling F.V.J. Works in 2 vols.]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 1.
10. Schelling F. (1989) O konstruktсии v filosofii [On construction in philosophy]. In: Schelling F. *Sochineniya v 2 t.* [Schelling F.V.J. Works in 2 vols.]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 2.
11. Sidorov A.M. (2017) Estetizatsiya bytiya i myshleniya: Kant i romantizm [Aestheticization of Being and Thinking: Kant and Romanticism]. *Sovremennye innovatsii* [Modern Innovations], 3 (17). pp. 14-15.
12. Varova N.L. (2021) Fenomen obraza mira v izobrazitel'nom iskusstve [The phenomenon of the image of the world in the fine arts]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya* [Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research], 1 (30), pp. 14-17.

УДК 111.7 / 81-25

DOI: 10.34670/AR.2022.15.52.003

Концептосфера digital бытия

Карнаухов Игорь Александрович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
доцент кафедры гуманитарных наук и технологий,
Тюменский индустриальный университет,
625000, Российская Федерация, Тюмень, ул. Володарского, 38;
e-mail: ikharnauhov@gmail.com

Аннотация

Автор настоящей статьи исследует цифровую реальность как современный диалектический феномен, требующий философского осмысления. Digital бытие – реальность, диалектичная по своей природе: в качестве системы оно одновременно противостоит реальности физического мира и дополняет и совершенствует данную реальность; в качестве пространства оно формирует новый тип концептосферы, неустойчивой и постоянно меняющейся по своей природе, и делает возможным новый тип коммуникации между субъектами и культурами. Одним из ключевых элементов digital бытия рассматривается концептосфера как неустойчивая и постоянно изменяющаяся целостность смыслового пространства, в которую помещен индивид. Индивид, являясь фактически действующим субъектом, должен обладать рядом качеств и характеристик, чтобы оставаться в контексте цифрового мира, а именно, гибкостью мышления, открытостью к «другому», наличием навыков «soft skills» и так далее. Вторым ключевым элементом digital бытия является коммуникация, которую осуществляют действующие субъекты (или так называемые digital личности), при помощи *медиаторов*, устройств-посредников типа смартфонов, планшетов и т.д., с целью построения диалога с другими субъектами и даже культурами. Концептосфера digital бытия превращает человека разумного в «человека коммуницирующего», который находится в состоянии перманентной online коммуникации и для которого непрекращающаяся трансформация концептосферы является привычным явлением.

Для цитирования в научных исследованиях

Карнаухов И.А. Концептосфера digital бытия // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 24-28. DOI: 10.34670/AR.2022.15.52.003

Ключевые слова

Концептосфера, digital, бытие, коммуникация, неустойчивость, диалектика, современная онтология.

Введение

В рамках современной онтологии и гносеологии анализ концептосферы digital бытия практически не представлен в современном философском дискурсе. Авторы рассматривают термины «концепт» и «концептосфера» с позиций современной лингвистики (А.К. Тентимишова, Ю.Е. Прохоров), обращаются к концептам культуры и изучают их в культурологическом срезе (Л.В. Никифорова), исследуют концепты социальной и событийной реальности (С.В. Герасимов), затрагивая лишь вскользь тему существования цифровой действительности. Элементы дигитализации можно найти в работах по маркетингу, бизнес-управлению, IT-технологиям и т.п., однако осмысление и глубокий анализ данного феномена в научной литературе по гуманитарным, социальным и философским наукам широко не представлен.

Digital бытие (или цифровая реальность) в двадцать первом столетии объективно является одной из ключевых областей, в которой существует и действует современный человек. Границы данного бытия размыты и до настоящего момента не установлены четко. Инвазивность цифровой реальности на аристотелевскую действительность может быть выражена через различные цифровые сервисы, интернет-ресурсы, технологии VR и AR, которые в полной мере используются действующим субъектом не только для развлечения и осуществления собственного досуга, но и в ситуациях повседневного межличностного общения, выстраивании коммуникаций на уровне «гражданин-гражданин» и/или «гражданин-государственный институт», в решении рабочих вопросов различного рода и т.д. Отметим, что в контексте настоящего исследования, цифровая реальность не понимается нами как отдельный уровень бытия, в котором человек присутствует «где-то, но не здесь» [Фролов, 2018, 28]. Digital бытие – это особое пространство, которое *видоизменяет* реальный мир путем создания новых форм межсубъектной коммуникации [Лагерквист, 2019]. Спецификой такого рода коммуникаций является то, что «человек в ней рассматривается как субъект преобразования объективной действительности, способный к преобразованию как себя, так и содействующий изменению других людей» [Горелова, 2014, 63]. Преобразование через коммуникацию – одно из важнейших свойств digital бытия наряду с его ключевой онто-гносеологической структурной единицей – концептосферой.

Используя диалектический, феноменологический, а также аналитический и синтетический методы автор ставит целью настоящего исследования теоретическое уточнение понятия «концептосфера digital бытия» и определение перспектив его использования в современной философской картине мира.

Цифровая реальность как диалектический феномен

Понятие «реальность» многоаспектно и полисеманлично: в античности под ним понималась как общая идея, в которой различные события являлись ее составными частями, так и совокупность предметов, вещей, находящихся и взаимодействующих друг с другом в пространстве. Диалектический аспект реальности можно проследить от Платона (мир эйдосов) до средневековой христианской схоластики: мир Бога и божественных сущностей противопоставлен миру физическому, в котором находится человек и другие живые существа, и различные вещи. Проявившийся впоследствии спор между номиналистами и реалистами был актуальным, по оценке С. В. Герасимова, до двадцатого столетия [Герасимов, 2018, 4]. В двадцатом веке реальность начинает мыслиться по-другому, а именно, как *нечто*, которое не зависит от мышления человека, существует объективно, и требует быть познанной. С развитием феноменологического подхода реальность воспринимается ни как «элемент теоретического

знания», а как данность «повседневного жизненного мира» [Пржиленский, 2021, 70].

Бытие первой половины двадцать первого века не может быть исследовано вне цифрового контекста. Как отмечает профессор Пржиленский, «реальность жизненного мира становится гетерогенной – донаучные знания, получаемые в опыте взаимодействия с людьми и явлениями природы, сосуществуют и активно взаимодействуют со знаниями теоретического и технико-технологического характера» [Пржиленский, 2021, 71], проявляя таким образом диалектичность. Коммуникация становится одним из главных элементов digital реальности, ее фундаментом и «топливом». «Кто мы?», «как мы общаемся?», «каковы наши представления о реальности?», «как происходит наше взаимодействие с реальностью?» – вопросы, на которые, по мнению Л. Флориди, мы должны дать ответы для более точного теоретического осмысления цифровой действительности [Floridi, 2015, 2].

Являясь антиподом offline реальности, digital бытие формирует новое восприятие: «в цифровой реальности тело и цифровые технологии рассматриваются как явления одного порядка, и первое, и второе выглядят как чувственно воспринимаемые. При этом социальные и культурные детерминанты <...> направляют наше восприятие посредством таких устройств как смартфоны, телефоны, консоли, планшетные компьютеры и т.д.» [Chan, 2021, 1]. Диалектический характер digital реальности очевиден: он проявляется на индивидуальном уровне при познании мира субъектом, на межличностном уровне для построения межсубъектных коммуникаций, на уровне социально-общественного взаимодействия и взаимодействия с феноменами природы. Кроме того, немаловажную роль здесь играют устройства-посредники или *медиаторы*, которые и обеспечивают бесперебойное существование online действительности.

Концептосфера современного физического мира не может не включать в себя концепты мира цифрового (там, где это технически и технологически возможно), который фактически отодвигает offline бытие на задний план. В условиях постоянно изменяющегося мира, концептосфера digital бытия не может быть устойчивой – возникают новые понятия, пересматриваются старые дефиниции, совершенствуется понятийный аппарат, используемый научными и профессиональными сообществами. Ситуации повседневного общения также зависят от превалирующей в настоящий момент концептосферы, что, в свою очередь, приводит к трудностям построения коммуникации между субъектами – говоря на одном языке индивиды могут не понимать друг друга или понимать в искаженном виде в зависимости от той концептуальной базы, которую каждый из них имеет. В такой ситуации, действующий субъект коммуникации проходит трансформационные процессы, превращаясь в «человека коммуницирующего», *Homo communicando*, который не мыслит себя вне цифровой среды и де факто является новым типом личности, а именно, языковой digital личностью. Человек, не готовый к объективным изменениям окружающей действительности и принятию концептосферы digital бытия, рискует остаться вне контекста современной социальной жизни: «реальность, состоящая из знания, языка, верований и поведенческих образцов, навсегда остается с теми, кто ее продуцирует и репродуцирует в процессе жизнедеятельности. Она неотделима от общества и его культуры» [Пржиленский, 2021, 71].

Так, концептосфера digital бытия представляет собой неустойчивую и постоянно изменяющуюся целостность смыслового пространства. Она предъявляет определенные требования к действующему субъекту, а именно, гибкость мышления, открытость к «другому», наличие навыков «soft skills» и т.д. В национальных культурах концептосфера (действующая в настоящий момент времени) играет значительную роль и формирует диалектически оформленное в своем содержании правило, с которым нельзя не согласиться: «чем больше у культуры внутренних и внешних связей с другими культурами и отдельными ее отраслями

между собой, тем богаче она становится, тем выше поднимается в своем историческом развитии» [Шадрин, 2019, 153-154]. Не вызывает сомнения, что концептосфера digital реальности уже присутствует в философской картине современного мира, и перспективы ее изучения нам представляются благоприятными.

Заключение

Digital бытие – реальность, диалектичная по своей природе: в качестве системы оно одновременно противостоит реальности физического мира и дополняет и совершенствует данную реальность; в качестве пространства оно формирует новый тип концептосферы, неустойчивой и постоянно меняющейся по своей природе, и делает возможным новый тип коммуникации между субъектами и культурами. Субъекты коммуникации трансформируются в digital личности, широко применяющие *медиаторы* (или цифровые устройства-посредники) не только с целью построения диалога с другими субъектами коммуникации и культурами, но и для познания и восприятия окружающей действительности.

Библиография

1. Герасимов С.В. Траектории развития концептов реальности // Дискурс. 2018. № 4. С. 3-13.
2. Горелова Т.А., Деклерк И.В. Бинарный код межсубъектной коммуникации // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 61-72.
3. Пржиленский В.И. Понятие цифровой реальности: значение и смысл // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. № 2. С. 68-80.
4. Фролов А.В. Экзистенция и мир в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Философия. 2018. Сер. 7. № 3. С. 18-30.
5. Шадрин А.А. Концептосфера и способы ее бытия: эпистемологический аспект // Философия в современной России. Уфа, 2019. С. 152-159.
6. Chan M. Digital Reality. The Body and Digital Technologies. N.Y.: Bloomsbury Publishing Inc., 2021. 208 p.
7. Floridi L. Commentary on the onlife manifesto // The onlife manifesto. Being Human in a Hyperconnected Era. Cham: Springer International Publishing, 2015. P. 21-24.
8. Irwin S.O. Digital Media Human-Technology Connection. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books, 2016. 206 p.
9. Lagerkvist A. (ed.) Digital Existence: Ontology, Ethics and Transcendence in Digital Culture. L.: Routledge, 2019. 302 p.
10. Towner G. Thinking like a computer. An Introduction to Digital Realty. London: Austin Macauley Publishers, 2020. 185 p.

Digital being conceptosphere

Igor' A. Karnaukhov

PhD, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Foreign Languages,
Associate professor at the Department of Humanitarian Science
and Technologies,
Tyumen Industrial University,
625000, 38, Volodarskogo str., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: ikharnauhov@gmail.com

Abstract

The author of this article explores digital reality as a modern dialectical phenomenon that requires philosophical reflection. Digital being is a reality that is dialectical in nature: as a system, it simultaneously opposes the reality of the physical world and complements and improves this reality; as a space, it forms a new type of concept sphere, unstable and constantly changing in nature, and makes possible a new type of communication between subjects and cultures. One of the key elements of digital being is the *conceptosphere* as an unstable and constantly changing integrity of the semantic space where the individual is placed. An individual or an acting subject must have several qualities and characteristics to be involved in the digital world context, namely, thinking flexibility, openness to the «other», «soft» skills presence and so on. The second key element of digital being is communication, which is carried out by acting subjects (or so-called digital personalities), with the help of mediators, devices such as smartphones, tablets, etc., to build a dialogue with other subjects and even cultures. The conceptosphere of digital being turns Homo Sapiens into a «*Homo communicando*», who is in a state of permanent online communication and for whom the ongoing transformation of the conceptosphere is a common occurrence.

For citation

Karnaukhov I.A. (2022) Kontseptosfera digital bytiya [Digital being conceptosphere]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 24-28. DOI: 10.34670/AR.2022.15.52.003

Keywords

Conceptosphere, digital, being, communication, instability, dialectics, modern ontology.

References

1. Chan M. (2021) Digital Reality. The Body and Digital Technologies. N.Y.: Bloomsbury Publishing Inc.
2. Floridi L. (2015) Commentary on the onlife manifesto. In: The onlife manifesto. Being Human in a Hyperconnected Era. Cham: Springer International Publishing.
3. Frolov A.V. (2018) Ekzistentsiya i mir v tsifrovuyu epokhu [Existence and the world in the digital age]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Filosofiya [Bulletin of Moscow University. Philosophy], 7, 3, pp. 18-30.
4. Gerasimov S.V. (2018) Traektorii razvitiya kontseptov real'nosti [Development trajectories of the concepts of reality]. Diskurs [Discourse], 4, pp. 3-13.
5. Gorelova T.A., Deklerk I.V. (2014) Binarnyi kod mezhsob"ektnoi kommunikatsii [Binary code of intersubjective communication]. Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill], 1, pp. 61-72.
6. Irwin S.O. (2016) Digital Media Human-Technology Connection. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books.
7. Lagerkvist A. (ed.) (2019) Digital Existence: Ontology, Ethics and Transcendence in Digital Culture. L.: Routledge.
8. Przhilenskii V.I. (2021) Ponyatie tsifrovoi real'nosti: znachenie i smysl [The concept of digital reality: meaning and meaning]. Filosofiya nauki i tekhniki [Philosophy of science and technology], 26, 2, pp. 68-80.
9. Shadrin A.A. (2019) Kontseptosfera i sposoby ee bytiya: epistemologicheskii aspekt [Conceptosphere and ways of its existence: epistemological aspect]. In: Filosofiya v sovremennoi Rossii [Philosophy in modern Russia]. Ufa.
10. Towner G. (2020) Thinking like a computer. An Introduction to Digital Realty. London: Austin Macauley Publishers.

УДК 13

DOI: 10.34670/AR.2022.96.77.022

О созерцательной основе бытия человека**Гагаев Павел Александрович**

Доктор педагогических наук, профессор,
Пензенский государственный университет,
440026, Российская Федерация, Пенза, ул. Красная, 40;
e-mail: gagaevp@mail.ru

Гагаев Андрей Александрович

Доктор философских наук, профессор,
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, 68
e-mail: gagaev2012@mail.ru

Аннотация

Созерцание трактуется авторами статьи как срединная характеристика бытия человека; как прерывание человеком своей обусловленности бытием и единение с последним как ищущим преодоления самого себя. В основе созерцания лежит отказ от понятийного (целесообразного, деятельностного) мышления с последующим обращением мысли ко всему как единому и ничем не обусловленному (возвращение мысли к себе изначальной и истинной – вселенской реалии). Обращение ко всему, оживление его (высвобождение его подлинного), запечатление его в себе самом, вставание вровень с ним преобразует мысль: она отказывается от предикации (агрессии в отношении окружающего), сосредоточивается на происходящем в ней и окружающем, принимая и не преобразуя его (происходящее), но открывая в нем движение к единению с собою же на комплиментарной основе. Мысль созерцательная не ищет ничего (в ней все и вся присутствует), она самодостаточна, она благотворно влияет на окружающее, она блаженствует. Созерцание понимается как грядущее и человека, и бытия. В созерцании и человек, и бытие преодолевают свою обусловленность. В созерцании отдельное уступает место всему как идеальному (целому, свободному). Даст ли созерцание начало новой разумной жизни на планете и космосе – проблема настоящего и будущего. Методология работы – идеалистическо-субстратная рефлексия А.А. Гагаева.

Для цитирования в научных исследованиях

Гагаев П.А., Гагаев А.А. О созерцательной основе бытия человека // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 29-36. DOI: 10.34670/AR.2022.96.77.022

Ключевые слова

Идеальное, вселенная, бытие, человек, рефлексия, созерцание, преодоление, блаженство.

Введение

Не есть ли созерцание – основание бытия и познания человека на планете? Традиционно ответ на этот вопрос отрицателен. Деятельное (целеполагательное) мышление человека противопоставляется в истории философии и науки созерцанию как более продуктивное, выводящее вид *homo sapiens* на новую степень развития в планетарной эволюции.

Созерцание в идеалистической философии трактуется преимущественно как присутствие в мышлении человека неких априорных структур, каковые способствуют познающему «схватывать» предмет осмысления (трактовка Канта [Кант, 1999, 38]).

В интуитивистской философии созерцание воспринимается как способ постижения реальности, как открывающее человеку новые взаимопересечения объектов постижения (Н.О. Лосский [Лосский, 1991, 320-339]).

Как основание бытия и познания человека, подчеркнем, созерцание отчетливо не осмысливается ни в рационалистической (идеалистическо-рационалистической), ни в интуитивистской философии. Созерцание важно как форма познания, но не оно определяет настоящее и грядущее человека. Нами этот вывод не принимается, его попытаемся опровергнуть в работе.

Опираясь в размышлениях о феномене созерцания будем на субстратно-идеалистическую рефлексию А.А. Гагаева, согласно которой в предмете исследования удерживается его единично-множественная основа и характерное для него стремление к персонификации и ответанию на обращение к себе со стороны познающего [Гагаев, 1994]. Названная рефлексия определяет и выбор методов изучения и описания предмета исследования.

Результаты исследования

Рефлексия: предпосылка созерцания. Главное отличие человека от других форм жизни на планете – развитая рефлексия [Тейяр де Шарден, 2001].

Рефлексия есть удержание происходящего в себе и вокруг себя, удержание как когнитивная основа для принятия правильного решения в той или иной ситуации. Этот факт в науке о человеке и его мышлении не ставится под сомнение. Но вот как быть с тем, что рефлексия в основе своей есть нечто *большее*, чем когнитивная основа ориентирования в реальности и последующего преобразования ее? Развернем свою мысль.

Рефлексия есть *всматривание* в себя и окружающее, причем *всматривание глубокое, рельефное и устойчивое*. Рефлексия явно побуждает человека смотреть и смотреть в себя и окружающее и в этом видеть смысл своего существования на планете. В защиту этого положения свидетельствует уже миф. Адам и Ева *не трудились* (ветхозаветная история). Они брали все как *готовое* и блаженно *смотрели* на себя и мироздание. Их жизнь была *созерцанием*. Бог наказал Адама за непослушание, наказал необходимостью трудиться (осуществлять действия). В веках человек, по указанному мифу, влачит дни свои в труде (деянии), но грезит о жизни *созерцательной* (райской).

Полагаем, сознание древних людей не случайно явило приведенное обобщение.

Рефлексия, выскажем предположение, есть реалья, далеко превосходящая эволюционные потребности рода людей на планете Земля (потребности выживания).

Рефлексия вводит человека в иное, чем это характерно для других форм жизни, бытие. Другим формам жизни надо *потреблять* (есть, пить, породить себе подобных и пр.) и в этом

обретать *полноту* своего бытия. Человеку также нужно есть, пить, греться, врачевать себя и пр., однако этого всего для него как обладающего развитой рефлексией *мало*. Человека влечет открывающееся ему мироздание в его далеких от нужд человеческих проявлениях. Миры и миры вселенские (запредельное в эволюции людей) привлекают взгляд человека, и человек вглядывается в них, *созерцает* их бытие. Созерцает и в этом, прежде всего, обретает свое блаженство.

В подтверждение сформулированного о потребности человека созерцать (а не осуществлять действия по выживанию) укажем на три традиции в истории человеческих цивилизаций: созерцательные действия в различных религиозных практиках, философское умозрение и художественное творчество.

Созерцательные практики в брахманизме, буддизме, джайнизме, молитвенное созерцание в христианстве и др. – выражение стремления человека не действовать (потреблять), а блаженно всматриваться в себя и окружающее. Умозрение и философия в древнем мире (Египет, Индия, Китай, Шумер, Греция), философия Европейского Средневековья, философия Нового Времени и философия современная (в ее классических образцах) также суть выражение упомянутого стремления человека. Созерцание себя и мироздания в живописи, музыке, театре, танце, скульптуре и прочем – опять-таки следование упомянутому влечению человека.

Наиболее яркие представители рода людей были религиозными деятелями, философами и художниками. Будда, Моисей, апостол Павел, Мухаммед, Жанна д' Арк, Леонардо да Винчи, протопоп Аввакум, Данте, Бах, Гете, Пушкин, Достоевский, Рахманинов и пр. – все это *подлинные* люди. Укажем в связи с этим на суждение Ф. Ницше о том, что людьми, прежде всего, и могут быть названы *святые, философы и художники* («Несвоевременные размышления. Шопенгауэр как воспитатель» [Ницше, 2012]).

Религиозное созерцание, философское умозрение, искусство как удерживание себя в избираемом идеале совершенства – все это весомые аргументы в пользу защищаемого в работе положения: человек как существо рефлексирующее приходит в мир не выживать (есть, пить, создавать комфорт для себя и пр.), но блаженно *созерцать (смотреть)* на себя и мироздание.

Показательным в контексте приводимого видится нам суждение В.И. Вернадского о разуме (мысли) как более *глубоком и мощном явлении, чем человеческая история* [Вернадский, 2003, 261].

Феномен созерцания. Человек пришел в мир для созерцания. А что такое созерцание? В первом приближении (к истине) нами дан ответ на этот вопрос. Развернем намеченное.

Дефиниция. Созерцание, в нашем прочтении, есть *прерывание* хода эволюции жизни на планете Земля. Эволюция на планете движется в направлении совершенствования вида в его обусловленности средой. Созерцание *останавливает* это совершенствование и выводит вид (в нашем случае – человека) из планетарно-эволюционных процессов, выводит в другое бытие – бытие *вселенское*.

Предмет рефлексии как феномена планетарного – среда земная. Мысль в этом контексте лишь то, что дает преимущество виду (человеку) в условиях земной среды. Человек посредством своей рефлексии одерживает верх над другими формами жизни, преобразует под себя среду, и не более того.

Предмет рефлексии как реалии вселенской – *все и вся*, и она, рефлексия, соответственно, есть путь к некоему большему, чем обретение планетарно-эволюционных преимуществ.

Мысль (рефлексия), обратившись ко всему (в этом природа рефлексии), преобразуется в *созерцание*: она, встретившись с подобным себе (с безграничным, безмерным, безусловным и

пр.), *останавливается*, ей становятся безразличными эволюционные – прагматико-рациональные – преимущества, она обретает все и вся (ею *схватывается* все и вся), ей ничего не надо, она начинает жить *со всем и вся* в мироздании. Она становится *самим* мирозданием. Она *блаженствует*.

Созерцание есть парение мысли в родной для нее среде (пространстве вселенной).

Задерживание мысли на всем и вся (остановка ее), подчеркнем, не означает потери мыслью способности постигать окружающее. Напротив, мысль погружается в бытие, *сливаясь* с ним и являя его в себе самой как постигнутое и принятое ею. Созерцание, по одному из своих оснований, то же познание, но без его жесткой направленности на преобразование предмета постижения.

Созерцание, по другому своему основанию, есть заглядывание человека в завтрашний день всей вселенной.

Созерцание есть выражение особого состояния вселенной, того состояния, какое свидетельствует о ее (вселенной) высвобождении от *докучающих* ей обусловленностей (тех или иных действий, обусловленных определенностью вселенной).

Созерцание присутствует во вселенной как ее основа, как ее предел, как то, к чему она стремится и не может пока прийти во всей своей необъятности, но и не может не продолжать свое движение.

Зачем вселенной созерцание? Этот вопрос, полагаем, не имеет смысла ни физического, ни философского. Созерцание есть. «Природа, – замечал И. Гете, – бесчисленными очами глядит на себя» [Гете, 1991, 255]. Созерцание есть и, значит, *чему-то* во вселенной служит.

Гносеология. Что есть созерцание (в очерченном нами виде) со стороны гносеологической? Дадим свою версию ответа на этот вопрос.

Нами созерцание со стороны гносеологической понимается как нечто тождественное и противоположное одновременно по отношению к познанию.

Тождество с познанием проявляется в проникновении созерцательной мысли в окружающее (бытие). Мысль легко вступает во внешнее. Постигает внешнее. Оно (внешнее) ей открывается. Как и почему открывается – об этом ниже. Пока подчеркнем лишь то, что мысль созерцательная есть мысль *действенная* в познавательном отношении.

Противоположность созерцания с познанием выражается в том, что мысль созерцательная не вторгается в постигаемое, не преобразует его под себя, не привносит в него то или иное целеполагание и в этом *не разрушает* его. Мысль созерцательная *роднится* с постигаемым, полнит его своей симпатией и глубиной, дарит его *недостающим*. Под последним понимается восстановление мыслью *подлинного* состояния того, что ею видится. Все и вся охватываемое мыслью *оживает* – высвобождается от ограничивающего его и начинает свободно двигаться к своему пределу (идеальному бытию). Все и вся преодолевает отчужденность от иного для себя и движется к бытию *единому*, или *соборному*.

Заметим, что нечто близкое приведенному о сознании формулировал Т. де Шарден П. в «Феномене человека». Им утверждается, что все и вся в континууме нашей вселенной *стремится* к рефлексии [Тейяр де Шарден, 2001, 32]. Если это так, тогда – и это уже мы договариваем – все отзывчиво к комплиментарному себе.

Противоположность созерцания познанию и в том, что предмет постижения у созерцания другой. Созерцание видит в бытии то, чего не замечает познание. Предмет созерцания – подлинное бытие, то, каковое Платон определял как мир *идей*, мир *совершенного* [Платон, 2011, 125-126]. Созерцательная мысль странствует в других мирах, нежели мысль рационально-

экспериментальная.

Созерцание со стороны гносеологии есть преобразование самой мысли (рефлексии). Мысль, отвечая движениям духовности человека, *восстанавливается* в своей первозданности. Мысль высвобождается из оков целевого существования и в этом открывается подлинно происходящему в бытии.

Что происходит с мыслью? В нашем прочтении, мысль покидает обретенную в процессе эволюции *форму мышления* (выражение Канта [Кант, 1999, 252]), удерживается от подведения *наглядного представления* под соответствующее ему *понятие* (опять-таки стилистика Канта [там же, 147]). Покидая названное, мысль в себе открывает способность *вбросить* в себя то в бытии, что запредельно для дискурсивного познания. Мысль не ограничивается тем, что может быть подведено под ту или иную форму общего, но обращается *к вещам в себе* (и опять стилистика Канта [там же, 43]). Вещи в себе – здесь мы оставляем гносеологию Канта и вступаем в миры Платона – суть царство *идей*, царство того, в чем есть *все* и что *не связано* ничем и в этом открыто иному.

Ущербность реального мира в том, что он явлен как нечто *обусловленное*. Все и вся в нем обусловлено. Обусловлено внутренней определенностью (изначальной заданностью) мира. И мышление обусловлено, обусловлено свойственной ему формой (кантовская мысль). Мир реального есть мир, в котором нет *всего* как целого и *как свободного*, но есть *отдельное* как выражение *разделившегося* в силу своей обусловленности мира и в этом *несвободное* (те или иные субстанциональные реалии, рознящиеся друг с другом в силу обусловленности своего бытия).

Отдельное как несвободное властвует над всем и вся в реальном мире и губит его (все и вся в нем).

Мир идей (мир идеального) *ничем* не обусловлен. Единственно возможный для него атрибут – *все*. Идея есть *все* и *все как единое*. В идее *бездны* возможностей. В ней – *совершенство* и *единство* всего и вся. В ней *нет* ущемления (ограничения) чего-либо. В ней *нет* начала, развития, конца, времени, пространства и пр. обусловленного и обуславливающего. Все, что так и или иначе доступно дискурсивному мышлению, может быть явлено в идее как ее малая часть, как то, что есть периферийное и вовсе не необходимое.

Идея есть строй (основа) мира подлинного, и в этом она прибежище мысли не как своего выражения, но как своего *аналога (собрата)*.

Мир идей внятен *святому, философу и художнику*. В нем они постигают непостижимое для дискурсивного сознания, в нем они находят отдохновение от обусловленностей нашего бытия.

Мысль собою становится, когда обращается *ко всему*. Обращение ко всему есть вытеснение из себя *целерационального (заданного)* начала. Мысль отстраняется *от предсказания* (от суждения в отношении чего-то конкретного) и в этом резко расширяет пространство своих возможностей. Бытие, бытие как *все* (а не как наша вселенная), *ощутив* изменение мысли, начинает *перетекать* в нее (другой – неметафорической стилистики не находим). В каком виде бытие *перетекает* в мысль? В первозданном, в том, в каковом нет пространства и времени и, соответственно, нет определенности (формы) и сопутствующей ей обусловленности (несвободы).

Мысль, высвободившаяся от определенности, и есть мысль блаженно-созерцательная, та, каковой нет преград и каковая зачем-то нужна мирозданию как тому, что не есть только наша вселенная.

Блаженна мысль святого. Блаженна мысль философа. Блажен взгляд художника на

открывающийся ему идеальный образ некоего.

Полагаем, нечто сходное приведенному нами о созерцании можно прочесть в космологических исследованиях Р. Пенроуза и близких по взглядам ему физиков [Пенроуз и др., 2004] и работах по нейробиологии мозга Э. Ньюберга и его коллег [Ньюберг, 2013].

Обсуждение

Созерцание изменит жизнь человека. Созерцающему не нужна энергия, отбираемая у среды. Созерцающий и есть сама среда (в ее подлинном состоянии), потому ему ничего не надо будет в указанном отношении.

Созерцание одарит человека бессмертием (необусловленное не умирает). Бессмертие отнимет у человека радости и печали эволюционно-человеческого бытия. Оно же наделит его блаженством и покоем.

Созерцание даст начало новым формам бытия человека. Каким? Природа пока не дает ответа на этот вопрос. Она ждет обращения творений своих (разумных существ) к созерцанию.

Заключение

Человек в своей рефлексии открыт для созерцания. История людей, история религий, философии, искусства убеждают в этом. Человек в своем странствии на планете не столько выживает, сколько *созерцает* происходящее в себе и в окружающем. Можно предположить, что однажды он вообще оставит свое планетарно-эволюционное существование (дискурсивно-мыслительную деятельность) и преобразуется в некую другую форму жизни (или форму бытия).

Человек преобразится и будет *блаженно* взирать на происходящее в мироздании и за его пределами.

Признание очерченного влечет за собой переосмысление истории человечества (как истории освоения планетных пространств), переосмысление природы мышления человека, его направленности и стратегии его развития. Признание очерченного влечет за собой осознание необходимости кардинального преобразования цивилизационных основ человеческого сообщества на планете.

Библиография

1. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2003. 576 с.
2. Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании. Саранск, 1994. 48 с.
3. Гете И. Избранные сочинения по естествознанию // Мир философии. Часть 1. М.: Политическая литература, 1991. С. 254-256.
4. Кант И. Критика чистого разума. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 672 с.
5. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991. 559 с.
6. Ницше Ф. Несвоевременные размышления. СПб.: Азбука, 2012. 348 с.
7. Ньюберг Э. Тайна Бога и наука о мозге: Нейробиология веры и религиозного опыта. М.: Эксмо, 2013. 320 с.
8. Пенроуз Р. и др. Большое, малое и человеческий разум. М.: Мир, 2004. 194 с.
9. Платон. Диалоги. М.: АСТ: Астрель, 2011. 349 с.
10. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Устойчивый мир, 2001. 232 с.

On the contemplative basis of being

Pavel A. Gagaev

Doctor of Pedagogy, Professor,
Penza State University,
440026, 40, Krasnaya str., Penza, Russian Federation;
e-mail: gagaevp@mail.ru

Andrei A. Gagaev

Doctor of Philosophy, Professor,
National Research Mordovian State University,
430005, 68, Bolshevitskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: gagaev2012@mail.ru

Abstract

Contemplation is interpreted as the median characteristic of human existence. Contemplation is interpreted as a person interrupting his conditioning of being and unity with the latter as seeking to overcome himself. The basis of contemplation is the rejection of conceptual (goal-setting, activity-based) thinking, followed by the appeal of thought to everything as one and not conditioned by anything (the return of thought to itself of the original and true, universal reality). Turning to everything, reviving it (releasing its authentic), imprinting it in oneself, getting on a par with it transforms thought: it refuses predication (aggression against the surrounding), focuses on what is happening in it and the surrounding, accepting and not transforming it (what is happening), but opening a movement towards unity in it with myself on a complimentary basis. Contemplative thought is not looking for anything (everything and everything is present in it), it is self-sufficient, it has a beneficial effect on the environment, it is blissful. Contemplation is understood as the future of both man and being. In contemplation, both man and being overcome their conditioning. In contemplation, the individual gives way to everything as an ideal (whole, free). Whether contemplation will give rise to a new intelligent life on the planet and in space is a problem of the present and the future. The methodology of the work is the idealistic–substrate reflection of A.A. Gagaev.

For citation

Gagaev P.A., Gagaev A.A. (2022) O sozertsatel'noi osnove bytiya cheloveka [On the contemplative basis of being]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 29-36. DOI: 10.34670/AR.2022.96.77.022

Keywords

Ideal, universe, being, man, reflection, contemplation, overcoming, bliss.

References

1. Gagaev A.A. (1994) *Teoriya i metodologiya substratnogo podkhoda v nauchnom poznanii* [Theory and methodology of the substrate approach in scientific knowledge]. Saransk.
2. Goethe I. (1991) *Izbrannye sochineniya po estestvoznaniyu* [Selected works on natural science]. In: *Mir filosofii. Chast' 1* [World of Philosophy. Part 1]. Moscow: Politicheskaya literature Publ.
3. Kant I. (1999) *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.
4. Losskii N.O. (1991) *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.
5. Newberg E. (2013) *Taina Boga i nauka o mozge: Neirobiologiya very i religioznogo opyta* [The Mystery of God and the Science of the Brain: The Neurobiology of Faith and Religious Experience]. Moscow: Eksmo Publ.
6. Nietzsche F. (2012) *Nesvoevremennye razmyshleniya* [Untimely reflections]. St. Petersburg: Azbuka Publ.
7. Penrose R. et al. (1997) *Bol'shoe, maloe i chelovecheskii razum* [The Large, the Small and the Human Mind]. Moscow: Mir Publ.
8. Plato (2011) *Dialogi* [Dialogues]. Moscow: AST: Astrel' Publ.
9. Teilhard de Chardin P. (2001) *Fenomen cheloveka* [The Phenomenon of Man]. Moscow: Ustoichivyi mir Publ.
10. Vernadskii V.I. (2003) *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow: Airis-press Publ.

УДК 740:159.9:61

DOI: 10.34670/AR.2022.51.25.024

К вопросу формирования междисциплинарной теоретико-практической платформы когнитивной науки**Песоцкая Елена Николаевна**

кандидат философских наук,
профессор Российской Академии Естествознания,
доцент кафедры философии,
Историко-социологический институт,
Национальный Исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П. Огарёва,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, 68;
e-mail: cerera-office@mail.ru

Инчина Вера Ивановна

Доктор медицинских наук, профессор,
заведующий кафедрой фармакологии и клинической
фармакологии с курсом фармацевтической технологии,
Медицинский институт,
Национальный Исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П. Огарёва,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, 68;
e-mail: v.inchina@yandex.ru

Мочалов Евгений Владимирович

доктор философских наук, доцент,
профессор Российской Академии Естествознания,
профессор кафедры философии,
Национальный Исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П. Огарёва,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, 68;
e-mail: mochalov_ev@mail.ru

Макарова Юлия Александровна

кандидат медицинских наук,
доцент кафедры нормальной и патологической физиологии,
Медицинский институт,
Национальный Исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П. Огарёва,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, 68;
e-mail: yulya-mm@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье впервые представлен теоретический метаанализ онтологии когнитивного субстрата - субстратной составляющей онтогенеза человека как социального актора. Рефлексивному мышлению отводится роль психологического механизма целеполагания, выполняющего функцию объективации информации, и место инструментально-значимого компонента в современном социальном техноукладе. В онтологическом времени-пространстве по мере развития социальных взаимосвязей мировоззрение становится когнитивным алгоритмом и ценностно управляющим ресурсом. Метаисследования человека предполагают транс- и междисциплинарный подход к его сущности, выходящий за его биологический предел. Постановка вопроса об онтологическом базисе когнитивных процессов и их субстратно-материальной основе предполагает оперирование понятием нейрокогнитивного субстрата как собирательным теоретическим конструктом для качественной оценки смены когнитивных и рефлексивных механизмов личности в нейрофизиологии в конкретном социокультурном контексте. Сформулированы определение и теоретико-познавательная модель когнитивного субстрата, которая исходит из синергии субстратного взаимодействия субъекта с различными средами посредством специфических соединительнотканых механизмов. Актуализация системы архетипизированных ценностей личности субъекта занимает в данном процессе особое место. Онтопсихология процесса создания познавательного образа понимается через концентрацию духовной энергии, которая в зависимости от ценностей техноуклада выстраивает механизм когнитивных действий. Понимание феномена актуально для эффективного выстраивания архитектуры социальных отношений, инфраструктуры и коммуникативного пространства.

Для цитирования в научных исследованиях

Песоцкая Е.Н., Инчина В.И., Мочалов Е.В., Макарова Ю.А. К вопросу формирования междисциплинарной теоретико-практической платформы когнитивной науки // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 37-48. DOI: 10.34670/AR.2022.51.25.024

Ключевые слова

Человек, онтогенез, познание, когниция, когнитивное действие, рефлексия, ценности, нейрокогнитивный субстрат, мировоззрение, алгоритм, антропологический субстрат, актор, междисциплинарный подход, соединительнотканый механизм.

Введение

Создание единой исследовательской теоретической платформы в когнитивной науке возможно только совместными усилиями различных областей знания, интересы которых требуют применения общенаучного языка и терминологии исследования. Биомедицина как наиболее развитый сектор науки, активно задействованный в расширении сложившихся границ представления о социоприродных феноменах, человеке и процессах познания [Б. Баарса, Н. Гейдж; 2021. 541], причастна к формированию когнитивных технологий. Любой технологический результат или продукт суть итог предварительной разработки фундаментального базового теоретического обеспечения, основанном на использовании трёх структурных уровней исследования [Pesotskaya E. N., Inchina V. I., Belova L.A., Makarova Yu. A.,

et al., 2021, 2-8] – фактуального, прикладного и теоретического, предложенного авторами в модели оснований биомедицинской рациональности как стиля познания.

Постановка вопроса об онтологическом базисе когнитивных процессов и когнитивной активности в философии означает новый импульс к совершенствованию представлений о субстратности в двух переплетающихся траекториях развития Homo sapiens: естественно-научной (натуральной) и культурно-исторической [Бажанов В.А., 2019, Menegetti A. Psikhosomatika 2020, 11], смены когнитивных и рефлексивных механизмов личности в нейрофизиологии и влиянии социокультурного контекста. В условиях меняющейся смешанной реальности онтология homo sapiens отражает онтологию таких изменений [Кутырёв В.А., Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М., 2020. 65; Кутырёв В.А., 2022, 288].

Антропная эволюция протекала и протекает именно в этом контексте, в зависимости от интенсивности развития когнитивных процессов, меняющих человеческий онтос. Интенсивность включения в производство человеческого сознания и когнитивных технологий определяют мировоззрение общества, стиль постнеклассического мышления в условиях развития нового техноуклада. В связи с этим рассмотрение понятия когнитива как онтофилософского предоставит возможность создания особого понятийно-коммуникативного поля и междисциплинарной исследовательской платформы, интегрирующей знания об антропологической основе когнитивных ресурсов.

Основная часть

В процессе исследования основы когнитивных технологий главное место отводится антропологической субстратной составляющей, центрированной на активно познающем субъекте. Рациональность как стиль мышления Новейшего времени не функционирует без преобразующей роли мыслящей личности с её онтологией и возможностями, формирующими новую реальность. В связи с этим обстоятельством онтология новой реальности системно исследуется философией и методологией науки посредством понятий мировоззрения [Олескин А. В., 2019, 55], организма как субстратно-материальной основы социальных свойств и феноменов, и диссипативной структуры [Там же, 109], - несущих основную информационную нагрузку.

В ситуации сложившихся двух направлений научных исследований - теоретического (натурфилософского) и популяционно-коммуникативного, - последнее из них получает выраженное практическое применение по причине своего интегративного потенциала и сложившейся лабораторно-аппаратной базы: в биомедицинских и биотехнологических разработках, восстанавливающих, поддерживающих и исцеляющих человеческую микробиоту. Проявление такого потенциала выстраивается на междисциплинарности понимания человека как сложной системной целостности, результирующая взаимодействия которой со средой «имеет последствия, выходящие за пределы самой биологической науки» [Rees T., Bosch T., Douglas A. E. 2018, 1-7] и по своему характеру является мировоззренческой.

Интегративно-когнитивное значение популяционно-коммуникативных исследований, их междисциплинарный потенциал в науках о человеке, перерастает в новое мировидение, важное для «соматического, психического состояния, интеллектуальной деятельности и социального поведения» [Oleskin A.V., 2019, 49], а также классификацией людей на «бактериотипы» [Dinan T. G., Stilling R. M., Station C., Cryan J. F. 2015., 1-9], не зависящие от половозрастных, антропометрических и этнопсихосоциальных констант. Особенностью развития междисциплинарного знания о человеке стало обращение к нейронауке и её взаимосвязи с

философской онтологией. Это означает поворот от технократического среза исследований и формирование метарамок исследований. Феномен человека преломляет две реальности - информационную и субстратную, методологии и языки описания его состояний пересекаются. В том числе, в изучении когнитивных процессов. Интегральный подход в управлении когнитивными процессами выстраивается на понимании человека как триединой подсистемы, включенной в ряд надсистем: космическую, планетарную, политическую, экономическую, культурную, профессиональную и другие.

В процессе техноинтеграции разных сфер человеческой жизни технологическими целями объединяются технические и естественно-научные теории, создаётся сложная онтология, включающая объекты естественно-научных и системно-кибернетических знаний и их методы, а также обновление образа самого человека [Песоцкая Е. Н., Зорькина А. В., Белова Л. А., 2017, 101]. Представив критичное философско-цифровое обоснование технизации и Техноса [Кутырёв В.А., Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М., 2020, 18-19], российские авторы направляют к новому гуманитарному проектированию человека. Его образ представляет собой модель жизнеспособной личности [Бабочкин П.И., 2000, 64], параметрами которой являются социальная активность, гуманистическая ориентированность по отношению к обществу и к себе, индивидуальность, обеспечивающая жизнеспособность и устойчивую социальную мобильность [Там же, 170].

Обращение к трансдисциплинарным основаниям феноменов [Pesotskaya E. N., Belova L. A., Makarova Y. A., Ivleva E. N. 2016, 473] – таким, как формальные системы, субъективность, системы компонентов активности математического познания («чувство числа» или «the human sense») [Бажанов В.А., 2019, Менеgetti А., 2020, 360] и другим, затрагивает собственно нейронаучные исследования и когнитивное знание в целом. Изучение структурно-функциональных особенностей его материального субстрата с целью получения глубинного представления о деятельности сознания происходит на основе достижений физиологии нервной системы, палео- и нейрогенетики, психологии, искусственного интеллекта и философии; накоплении эмпирического и теоретического массива данных. Их аналитический обзор в работах нейропсихологов в области социальной и культурной нейронауки [Бажанов В.А. 2019, 288; Деан, 2018, 416; Moreau, Q., Dumas, G., 2021, 542–543; Ferry-Danini J. A., 2018, 57-77] показывает, что предметом изучения в большинстве случаев становится познание архитектуры, топографических особенностей и связей мозга со средой и их переоценка [Hand Knob, 2020, 396-409; Luczak, A., McNaughton, B. L., and Harris, K. D., 2015, 745–755; Macal C.M., North M.J., 2009, 86-98; Michael W. Reimann; Max Nolte; Martina Scolamiero; Katharine Turner et all., 2017; Wiese D., Escobara J. R., Hsua Y., Kulathinalb R. J., et all., 2018. 46-52], анализ основ человеческой природы [Стивен Пинкер, 2018. 608; Simon M. Reader, and Kevin N. Laland, 2017 ,7908-7914], а также формирование углубленного представления о функциональных механизмах самосозидания личности, нейрональных основ восприятия (в том числе, чтении мыслей на МРТ (хотя, существующая технология работает не со звуками, а с мысленными зрительными образами [Левитин Д., 2022, 189] и т. п. При всём этом импорт понятий из области биологии, этиологии и экологии в социогуманитарном познании для познавательной деятельности субъекта как её носителя, проявляется в применении субстратного подхода и его методологии к анализу взаимодействий в иерархии всех экосистемных связей. В проявлении и развитии последних выражается общность физико-химических, микробиологических, социальных и культурных компонентов.

Решение сложных трансдисциплинарных проблем может состояться только в случае развития глубинной онтологии, то есть, концентрации внимания на феномене жизни как

«универсального онтологического состояния» [Моисеев В.И., 2018., 5] и универсальности знания о живом. Следовательно, только наличие адекватной онтологии в решении когнитивных проблем означает онтогносеологию нового уровня [Там же 7] в пространстве существующих прикладных знаний и философий.

Представление о метарамках онтологии когнитивных взаимодействий и гносеологической модели когнитивного сформировано недостаточно полно. В связи с этим отправной точкой может послужить исследование мировоззрения как субстрата психофизиологической и социальной жизнедеятельности человека, общей модели системы психосоматической активности и алгоритмов поведения в онтологии [Песоцкая Е. Н., Зорькина А. В, Белова Л. А.; 2017, 186.]. Оно демонстрирует законообразующий и когнитивный потенциал мировоззрения в самоорганизации высших уровней иерархической организации живой материи. Актором в реализации настоящего потенциала выступает нейрокогнитом.

Так, эпистемическая детерминация механизмов самоорганизации и самоконструирования подсистемы личности в целостном организме исследуется при анализе полевой обусловленности рационального терапевтического действия как субъект-субъектного взаимодействия. В постановке вопроса о материальном субстрате сознания нами предлагается рассмотрение субстанциональности нейрокогнитивного. Нейрокогнитивное определяется авторами как пространственно-временная модель функционально упорядоченной иерархии гомеостатов в системе организма и личности, обеспечивающих синтезы в интеллекте и формирующих событийные модели динамического управления состоянием индивида.

Данный феномен интересует различных авторов [Дэниел Левитин, 2022, 235-236; Hintzman, D. H. 1986. 411-428; Marshall A. Dalton, Arkiev D'Souza, Jinglei Lv., Fernando Calamante 2022;28] в его эмпирическом проявлении, в связи с чем оформляется общеметодологический инструментальный исследовательский ряд теоретических моделей [Гагаев А.А., Гагаев П.А 2013,93-95.] изучения восприятия и памяти. В него включены: теория прототипов, теория образцов и теория памяти [Дэниел Левитин, 2022, 235-236], гибридная теория, объединяющая теорию регистрации и конструктивистскую [Там же 238] с объяснительными целями. Анализ конвергенции этих теорий и появление на данной основе новых экспериментальных моделей нейробиологических процессов, проверяемых методами нейровизуализации, отражает фактуальный уровень изучения когниции. Он выстраивается на данных нейрофизиологического эксперимента. Отсутствие последнего в когнитивной науке для проверки теоретических конструкций приводит к привлечению нейросетей, моделирующих мозговую деятельность (сложные модели параллельной распределённой обработки (модели PDP) [McClland, J. L., D. E. Rumelhart, and G. E. Hinton. 2002. 1-43], наделённые свойством управляемости). Перечисленные теории и методики направлены на достижение одной цели – пониманию принципов организации когнитивной деятельности субъекта и синтезов в интеллекте в разнородных срезах событийности.

Субстанциональность нейрокогнитивного понимается нами как совокупность активных сред информационного нейрогенеза, которая в процессе акторного взаимодействия изменяется в зависимости от изменений информационных и энергетических накопителей, управляющих биоэнергетически в каждой конкретной ситуации. В качестве основополагающих детерминаций мы рассматриваем механизмы семиотической и мотивационно-соединительнотканной субстратности человека (информативность, энергетичность, витальность как динамические IEV-параметры), несущих реорганизующую интенцию при кодировании информации нейронами. Реорганизующие процессы [Дэниел Левитин, 2022, 128] нейродинамического кодирования мозга основаны на нисходящем процессе и свидетельствуют о том, что в

смысловой нагрузке категорий «содержится нечто большее»... [Там же. 231], т. е. содержатся возможности контекстуальной детерминации информации, влияющей на её восприятие и концептуальное использование. Процесс познания влияет на иерархию гомеостатических процессов от информационного до тканевого, на интенсивность мотивационно-соединительнотканного механизма жизнедеятельности организма как на функциональную характеристику соединительнотканной реальности [Анохин П.К. 1948, 167-243]. В связи с этим коммуникативные действия находятся под властью сознания, и их реализация контролируется мировоззрением.

Исследование нами проблемы показало, что активно действующим началом является атрибут времени, которое кумулируется и выступает индуктором любого процесса. Время суть константа infinity. Предшествуя энергийному накоплению, время обуславливает состояние энергийных комплексов на субстрате, внутреннюю систему условий и обозначенные выше параметры векторности, эффективности, интенсивности рефлексивных процессов, разворачивание ценностной мотивации личности на основе синтезов в интеллекте. Получение максимально полного информационного эквивалента результата на уровне человеческой целостности обеспечивает интегративная функция когнитома.

Как социально внедренная форма представительства мира в человеке, мировоззрение определяет его поведение и физиологическое состояние, является ценностью, направленной как во вне, так и вглубь организма. По нашему мнению, физиологические ценности неразрывно переплетаются с моральными, составляя существенную долю их общей значимости.

Исследования в области физиологии мозга могут интерпретироваться в аспекте высокой роли различных обобщений в генезе регуляторного процесса. Рядом исследований [Дэниел Левитин; 2022, 433; Moreau, Q., Dumas, G., 2021, 542–543] продемонстрировано, что специфические продукты мозга формируются в результате многократной прогонки информации, поступающей как извне, так и с аппаратов памяти по мозговым структурам правого и левого полушария, причем информация с аппаратов памяти (содержащая комплекс индивидуального и социального опыта) проходит большее количество «циркуляций» и, стало быть, играет не меньшую роль, чем «объективная» информация, поступающая в данный момент времени. Подобный механизм позволяет осуществлять отображение реальности в форме её проекции на ментальный мир и синтезировать внешние и внутренние данные при доминировании последних.

Мировоззрение является одним из компонентов «программного продукта», функционирующего на аппаратах памяти, который принимает участие в: а) выборе целей и путей её достижения; б) в функционировании акцептора действия (как важнейшая его часть), т. е., в конструировании (сублимируемого) ожидаемого образа [Менегетти А., 2020, 184] результатов действия на базе принятых личностью ценностей.

Система мировоззрения и ценностей определяет особенности самосознания личности и её отношения к миру, наполненность действий смыслами. Это означает организацию освоения среды «контурным образом». Соединительнотканно-мотивационная причинность, как основание жизнедеятельности человека и особенность его онтоза, проявляется как контурная связь. На биоэнергетический или тепловой контур управления всеми физиологическими и патологическими процессами происходит наложение всех остальных контуров управления — нервного, эндокринного, мышечного и других [Алексеев А.А., 2005. 528]. Во-вторых, данная причинность проявляется как основание рационализма и когнитивной деятельности. Это означает (обеспечивает) интеллектуальную ориентацию в теоретическом знании и на практике одновременно.

Процессуальные механизмы рефлексии, к которым восходят все виды детерминации деятельности личности – биосоциальной, психической и духовной – структурно и функционально обеспечиваются субстратной организацией природы человека. В онтогенезе человека рефлексия становится ценностной преобразующей деятельностью по отношению к информации, кодируемой в нейронах. В эмпирических исследованиях по нейробиологии указывается на разнообразные виды нейронного кодирования и синергизм их функциональной деятельности [M. Florencia Iacaruso, Ioana T. Gasler & Sonja B. 2017. 449–452], что формирует архитектуру данного процесса на уровне биологической организации [Francis R Willett, Darrel R Deo, Donald T Avansino Paymon Rezaii, Leigh R Hochberg . 2020, 396-409]. Нейронное обеспечение работы индивидуального сознания характеризуется как символическое «глобальное нейронное рабочее пространство» [Станислас Деан, 2018,416], организованное геометрически [Michael W. Reimann, Max Nolte, Martina Scolamiero, Katharine Turner, Rodrigo Perin, et all., 2017]. Это свидетельствует о роли биосубстратной основы в формировании и развитии когнитивных структур как адаптивных, и значимых в конструировании и трансформации человеческого онтоса.

Информационно-психический аспект познавательной деятельности человека рассматривается в онтопсихологии в целях понимания того, каким образом из надстроечной данная система трансформируется в базисную и со временем меняет нейрокогнитом – от палеокогнитом (или архаичного когнитом как отражения ранних признаков деятельности человека) до когнитом человека современной цивилизации.

Отдельный интерес представляет собой онтопсихология процесса создания познавательного образа [Менегетти А. 2020, 360]. В междисциплинарном аспекте воплощение реальности понимается нами через концентрацию духовной энергии, которое выступает в качестве основы активного модульного процесса в кодировании нейронами информации. После это формирует нейродинамическое архитектурное пространство, фиксируемое исторической памятью индивида.

В обращении к чувственной сфере в когниции проявляется поэтапный процесс воплощения мыслеформы в первичную интуитивную форму, проявляющуюся в виде информации.

В создании познавательного образа участвует квант как материально-энергетическая субстанция [Менегетти А., 2020, 165-166]. Эмоциональная сфера индивида в познавательном процессе как культурном акте, понимается онтопсихологически и онтофилософски. Она служит антропологической основой формирования информационного эквивалента результата. «Квант эмоции переносит информирующее целостность действия, его единство... то есть, он уже представляет собой шаблон» [Там же. 168]. На фоне статичности интеллекта система шаблонов «пропускает только ту информацию, которая вписывается в уже существующую систему стереотипов» [Там же.169] (ценностей) (авт.). в том числе, лингвистических и языковых. Исторически, в зависимости от ценностей техноуклада, в онтологическом времени-пространстве личности происходит выстраивание механизма когнитивных действий, для которых мировоззрение является алгоритмом и ценностно-значимым управляющим ресурсом [Песоцкая Е. Н., Зорькина А. В., Белова Л. А., 2017, 55].

Заключение

В настоящей работе впервые представлены статус и сущность современного онтофилософского и онтопсихологического представления об основе нейрокогнитивных процессов в модели трёх уровней философского исследования. Данный подход является

общетеоретической платформой научного изучения феномена. Понимание онтологии нейрокогнитивного имеет как теоретико-прикладное значение для прогнозирования особенностей процесса познания и выстраивания архитектуры социальных отношений Новейшего времени.

Библиография

1. Алексеев А.А. Интегративная (системная, семейная) соединительнотканная медицина. Т. 3. М.: ЛЕНАНД, 2005. - 528 с.
2. Анохин П.К. «Системогенез как общая закономерность эволюционного процесса». // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. № 8, т. 26, 1948 – 167-243 с.
3. Бабочкин П.И. Становление жизнеспособной молодежи в динамично изменяющемся обществе. М., Социум, 2000. - 176 с.
4. Бажанов В.А. Мозг – культура – социум: кантрианская программа в когнитивных исследованиях / В.А. Бажанов. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. – 288с.
5. Бахтин М. М. Философия поступка // Философия и социология науки и техники. М.: Наука, 1986. – 463 с.
6. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Антропологическая субстратная составляющая фундаментальной социологической теории в модели воспитания и образования // Регионология. № 4(85). 2013. С.93-95.
7. Деан С. Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли / Станислас Деан [Пер. с англ. И.Ющенко]. – М.: Карьера Пресс, 2018. – 416 с.
8. Кутырёв В.А., Слосарев В.В., Хусяинов Т.М. Человек и Технос: философия коэволюции. СПб.: Алтейя, 2020. - 65 с.
9. Кутырёв В.А. Человек технологий, цивилизация фальшизма. СПб.: Алтейя, 2022. 288 с.
10. Левитин Д. На музыке: Наука о человеческой одержимости звуком / Дэниел Левитин; Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2022. – 433 с.
11. Менегетти А. Психосоматика / пер. с ит. БФ «Онтопсихология». – М.:НФ «Антонио Менегетти», 2020. – 360с.
12. Мозг, познание, разум: введение в когнитивные нейронауки: в 2т. Т.1 / под ред.Б. Баарса, Н. Гейдж; пер. с англ.; под ред. проф. В. В. Шульговского. — 5-е изд. — М.: Лаборатория знаний, 2021. — 541 с.
13. Мойсеев В.И. От биоэтики к биофилософии // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 12: между биофилософией и биоэтикой: сборник статей. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2018. –С. 4-8.
14. Минделл, А. Квантовый ум: грань между физикой и психологией (Трансперсональная психология) / Арнольд Минделл; [пер. с англ. А.Киселёва]. М.: Ганга. 2021. 720 с.
15. Олескин А. В. Философское и методологическое значение популяционно-коммуникативной парадигмы в микробиологии // философские проблемы биологии и медицины: Феномен биорациональности. Вып. 13. – М.:ЛЕНАНД, 2019. С. 47-51.
16. Песоцкая Е. Н. Теоретические основы интеграции медицины и философии. Научная монография. / Е. Н. Песоцкая, А. В. Зорькина, Л. А. Белова; – М-во образования и науки РФ, МГУ им. Н.П. Огарёва. - Саранск. 2017. – 186 с.
17. Песоцкая Е.Н., Белова Л.А., Макарова Ю.А., Ивлиева Е.Н. Методологическая перспектива интеграции естествознания и социогуманитарных дисциплин в развитии современных социально-антропологических представлений // Здоровье и медицина в XXI веке / Журнал науч. статей.Ред. акад. Филиппов В. М. - № 2, 2016, Т. 18. - С. 473 - 477. Серия: Профилактическая медицина. <http://clinical-journal.co.uk/ru/Volume-18-N-2/>
18. Пинкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня / Стивен Пинкер ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2018. — 608 с
19. Dinan T. G., Stilling R. M., Station C., Cryan J. F. Collective unconscious: how gut microbes shape human behavior // Journal of Psychiatric Research. 2015. V. 63. P. 1-9.
20. Hintzman, D. H. 1986. «Schema abstraction» in a multiple-trace memory model. Psychological Review 93(4): 411-428.
21. Rees T., Bosch T., Douglas A. E. How the microbiota challenges our concept of self // PloS Biology. 2018. V.16(2). P.e2005358.
22. Moreau, Q., Dumas, G. (2021) Beyond correlation versus causation: multi-brain neuroscience needs explanation. Trends Cogn. Sci. 25,pp. 542–543.
23. Ferry-Danini J. A newpath for humanistic medicine/ Theor Med Bioeth (2018) 39:57-77 URL: <https://doi.org/10.1007/s11017-018-9433-4> (дата обращения 12.06.2019).
24. Hand Knob Area of Premotor Cortex Represents the Whole Body in a Compositional Way by Frank Willett et al. in Cell. Published March, 2020 doi:10.1016/j.cell.2020.02.043
25. Luczak, A., McNaughton, B. L., and Harris, K. D. (2015). Packet-based communication in the cortex. *Nat. Rev. Neurosci.* 16, 745–755. doi: 10.1038/nrn4026.
26. Macal C.M., North M.J. Agent-based modeling and simulation. Piscataway, New Jersey: Institute of Electrical and Electronic Engineers, 2009. Proceedings of the 2009. Winter Simulation Conference. - P. 86-98.

27. Marshall A. Dalton, Arkiev D'Souza, Jinglei Lv., Fernando Calamante New insights into anatomical connectivity along the anterior–posterior axis of the human hippocampus using in vivo quantitative fibre tracking // Dalton et al. *eLife* 2022;0:e76143. DOI: <https://doi.org/10.7554/eLife.76143>.
28. McClelland, J. L., D. E. Rumelhart, and G. E. Hinton. 2002. The appeal of parallel distributed processing. In *Foundations of Cognitive Psychology: Core Reading*, edited by D. J. Levitin, Cambridge: MIT Press.
29. Michael W. Reimann, Max Nolte^{1†}, Martina Scolamiero², Katharine Turner², Rodrigo Perin³, Giuseppe Chindemi¹, Paweł Dłotko^{4‡}, Ran Levi^{5‡}, Kathryn Hess^{2*‡} and Henry Markram. Cliques of Neurons Bound into Cavities Provide a Missing Link between Structure and Function. // *Front. Comput. Neurosci.*, 12 June 2017 | <https://doi.org/10.3389/fncom.2017.00048>.
30. Pesotskaya Elena N., Vera I. Inchina, Lyudmila A. Belova, Yulya A. Makarova, Anna A. Usanova, Tatiana A. Usanova Biomedical Rationality: Ontology, scientific grounds and reflexivity (the aspects of paradigm of material and informational reality) // *Clinical Schizophrenia & Related Psychoses*. Volume 15:3, 2021. P. 2-8. DOI: 10.3371/CSRP.PEIV.072821 <https://www.clinicalschizophrenia.net/articles/biomedical-rationality-ontology-scientific-grounds-and-reflexivity.pdf>
31. The fluidity of biosocial identity and the effects of place, space, and time / Wiese D., Escobara J. R., Hsua Y., Kulathinalb R. J., Hayes-Conroya A. // *Social Science & Medicine*. – 2018. – T. 198. – C. 46-52. – DOI: doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.12.023
32. Simon M. Reader, and Kevin N. Laland. Coevolution of cultural intelligence, extended life history, sociality, and brain size in primates. *PNAS* July 25, 2017 114 (30) 7908-7914; first published July 24, 2017 <https://doi.org/10.1073/pnas.1620734114>.
33. Synaptic organization of visual space in primary visual cortex by M. Florencia Iacaruso, Ioana T. Gasler & Sonja B. Hofer in *Nature*. Published online July, 2017. doi:10.1038/nature23019.
34. Turrini M., Prainsack B. Beyond clinical utility: the multiple values of OTC genetics // *Applied & translational genomics*. 2016. Vol. 8. P. 4-8.

On the issue of the formation of an interdisciplinary theoretical and practical platform of cognitive science

Elena N. Pesotskaya

Candidate of Philosophical Sciences,
Professor of the Russian Academy of Natural Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Historical and Sociological Institute,
N. P. Ogarev National Research Mordovian State University
430005, 68, Bolshevistskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: cerera-office@mail.ru

Vera I. Inchina

Doctor of Medical Sciences, Professor,
Head of the Department of Pharmacology and Clinical
pharmacology with a course in pharmaceutical technology,
Medical Institute,
N. P. Ogarev National Research Mordovian State University
430005, 68, Bolshevistskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: v.inchina@yandex.ru

Evgenii V. Mochalov

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of the Russian Academy of Natural Sciences,
Professor of the Department of Philosophy,
N. P. Ogarev National Research Mordovian State University
430005, 68, Bolshevistskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: mochalov_ev@mail.ru

Yuliya A. Makarova

Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor of the Department of Normal and Pathological Physiology,
Medical Institute,
N. P. Ogarev National Research Mordovian State University
430005, 68, Bolshevistskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: yulya-mm@yandex.ru

Abstract

This article presents for the first time a theoretical meta-analysis of the ontology of the cognitome - the substrate component of the human ontos as a social actor. Reflexive thinking is assigned the role of a psychological goal-setting mechanism that performs the function of objectification of information, and the place of an instrumentally significant component in the modern social technological order. In the ontological time-space, with the development of social relationships, the worldview becomes a cognitive algorithm and a value-controlling resource. Meta-studies of a person presuppose a trans- and interdisciplinary approach to his essence, going beyond his biological limit. The formulation of the question of the ontological basis of cognitive processes and their substrate-material basis presupposes the operation of the concept of neurocognitome as a collective theoretical construct for the qualitative assessment of the change of cognitive and reflexive mechanisms of personality in neurophysiology in a specific socio-cultural context. The definition and theoretical-cognitive model of cognitome are formulated, which proceeds from the synergy of the substrate interaction of the subject with various environments through specific connective tissue mechanisms. Actualization of the system of archetyped values of the personality of the subject occupies a special place in this process. The ontopsychology of the process of creating a cognitive image is understood through the concentration of spiritual energy, which, depending on the values of the technoclass, builds a mechanism of cognitive actions. Understanding the phenomenon is relevant for the effective building of the architecture of social relations, infrastructure and communication space.

For citation

Pesotskaya E.N., Inchina V.I., Mochalov E.V., Makarova Yu.A. (2022) K voprosu formirovaniya mezhdisciplinarnoj teoretiko-prakticheskoj platformy kognitivnoj nauki [On the formation of an interdisciplinary theoretical and practical platform of cognitive science] *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 37-48. DOI: 10.34670/AR.2022.51.25.024

Keywords

Man, ontos, cognition, cognition, cognitive action, reflection, values, neurocognitome, worldview, algorithm, anthropological substrate, actor, interdisciplinary approach, connective tissue mechanism.

References

1. Alekseev A.A. Integrative (systemic, family) connective tissue medicine. Vol. 3. M.: LENAND, 2005. - 528 p.
2. Anokhin P.K. "Systemogenesis as a general pattern of the evolutionary process". // Bulletin of Experimental Biology and Medicine. No. 8, vol. 26, 1948 – 167-243 p.
3. Babochkin P.I. The formation of viable youth in a dynamically changing society. M., Sotium, 2000. - 176 p.
4. Bazhanov V.A. Brain – culture – society: the Kantian program in cognitive research / V.A. Bazhanov. – M.:Canon+ROOI "Rehabilitation", 2019. – 288s.
5. Bakhtin M. M. Philosophy of action // Philosophy and sociology of science and technology. Moscow: Nauka, 1986. – 463 p.
6. Gagaev A.A., Gagaev P.A. The anthropological substrate component of the fundamental sociological theory in the model of upbringing and education // Regionology. No. 4(85). 2013. pp.93-95.
7. Dean S. Consciousness and the brain. How the brain encodes thoughts / Stanislas Dean [Trans. I.Yushchenko]. – M.: Career Press, 2018. – 416 p.
8. Kutylev V.A., Slyusarev V.V., Khusyainov T.M. Man and Technos: philosophy of coevolution. St. Petersburg: Alnteya, 2020. - 65 p.
9. Kutylev V.A. The man of technology, the civilization of falsehood. St. Petersburg: Aleteya, 2022. 288 p.
10. Levitin D. On music: The science of human obsession with sound / Daniel Levitin; Translated from English – M.: Alpina non-fiction, 2022. – 433 p.
11. Meneghetti A. Psychosomatics / trans. with it. BF "Ontopsychology". – M.:SF "Antonio Meneghetti", 2020. – 360c.
12. Brain, cognition, mind: an introduction to cognitive Neuroscience: in 2t. Vol.1 / edited by B. Baars, N. Gage; translated from English; edited by Prof. V. V. Shulgovsky. - 5th ed. — Moscow: Laboratory of Knowledge, 2021. — 541 p.
13. Moiseev V.I. From bioethics to biophilosophy // Philosophical problems of biology and medicine. Issue 12: between biophilosophy and bioethics: a collection of articles. Moscow: Publishing House "Social and Humanitarian knowledge", 2018. -pp. 4-8.
14. Mindell, A. Quantum mind: the line between physics and psychology (Transpersonal psychology) / Arnold Mindell; [trans. from the English A.Kiseleva]. M.: Ganga. 2021. 720 p.
15. Oleskin A.V. Philosophical and methodological significance of the population-communicative paradigm in microbiology // Philosophical problems of biology and medicine: The phenomenon of biorationality. Vol. 13. – M.LENAND, 2019. pp. 47-51.
16. Pesotskaya E. N. Theoretical foundations of integration of medicine and philosophy. Scientific monograph. / E. N. Pesotskaya, A.V. Zorkina, L. A. Belova; – Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ogarev Moscow State University. - Saransk. 2017. – 186 p.
17. Pesotskaya E.N., Belova L.A., Makarova Yu.A., Ivlieva E.N. Methodological perspective of integration of natural science and socio-humanitarian disciplines in the development of modern socio-anthropological concepts // Health and medicine in the XXI century / Journal of Science. articles.Ed. akad. Filippov V. M. - No. 2, 2016, Vol. 18. - pp. 473 - 477. Series: Preventive medicine. <http://clinical-journal.co.uk/ru/Volume-18-N-2/>
18. Pinker S. Blank Slate: Human Nature. Who and why refuses to recognize it today / Steven Pinker ; Translated from English — M.: Alpina non-fiction, 2018. — 608 p.
19. Dinan T. G., Stilling R. M., Station C., Cryan J. F. Collective unconscious: how gut microbes shape human behavior // Journal of Psychiatric Research. 2015. V. 63. P. 1-9.
20. Hintzman, D. H. 1986. «Schema abstraction» in a multiple-trace memory model. Psychological Review 93(4): 411-428.
21. Rees T., Bosch T., Douglas A. E. How the microbiota challenges our concept of self // PloS Biology. 2018. V.16(2). P.e2005358.
22. Moreau, Q., Dumas, G. (2021) Beyond correlation versus causation: multi-brain neuroscience needs explanation. Trends Cogn. Sci. 25,pp. 542–543.
23. Ferry-Danini J. A newpath for humanistic medicine/ Theor Med Bioeth (2018) 39:57-77 URL: <https://doi.org/10.1007/s11017-018-9433-4> (дата обращения 12.06.2019).
24. Hand Knob Area of Premotor Cortex Represents the Whole Body in a Compositional Way by Frank Willett et al. in Cell. Published March, 2020 doi:10.1016/j.cell.2020.02.043
25. Luczak, A., McNaughton, B. L., and Harris, K. D. (2015). Packet-based communication in the cortex. Nat. Rev. Neurosci. 16, 745–755. doi: 10.1038/nrn4026.

26. Macal C.M., North M.J. Agent-based modeling and simulation. Piscataway, New Jersey: Institute of Electrical and Electronic Engineers, 2009. Proceedings of the 2009. Winter Simulation Conference. - P. 86-98.
27. Marshall A. Dalton, Arkiev D'Souza, Jinglei Lv., Fernando Calamante New insights into anatomical connectivity along the anterior–posterior axis of the human hippocampus using in vivo quantitative fibre tracking // Dalton et al. eLife 2022;0:e76143. DOI: <https://doi.org/10.7554/eLife.76143>.
28. McClelland, J. L., D. E. Rumelhart, and G. E. Hinton. 2002. The appeal of parallel distributed processing. In *Foundations of Cognitive Psychology: Core Reading*, edited by D. J. Levitin, Cambridge: MIT Press.
29. Michael W. Reimann, Max Nolte^{1†}, Martina Scolamiero², Katharine Turner², Rodrigo Perin³, Giuseppe Chindemi¹, Paweł Dłotko^{4‡}, Ran Levi^{5‡}, Kathryn Hess^{2*‡} and Henry Markram...Cliques of Neurons Bound into Cavities Provide a Missing Link between Structure and Function. // *Front. Comput. Neurosci.*, 12 June 2017 | <https://doi.org/10.3389/fncom.2017.00048>.
30. Pesotskaya Elena N., Vera I. Inchina, Lyudmila A. Belova, Yulya A. Makarova, Anna A. Usanova, Tatiana A. Usanova Biomedical Rationality: Ontology, scientific grounds and reflexivity reflexivity (the aspects of paradigm of material and informational reality) // *Clinical Schizophrenia & Related Psychoses*. Volume 15:3, 2021. P. 2-8. DOI: 10.3371/CSRP.PEIV.072821 <https://www.clinicalschizophrenia.net/articles/biomedical-rationality-ontology-scientific-grounds-and-reflexivity.pdf>
31. The fluidity of biosocial identity and the effects of place, space, and time / Wiese D., Escobara J. R., Hsua Y., Kulathinalb R. J., Hayes-Conroya A. // *Social Science & Medicine*. – 2018. – T. 198. – C. 46-52. – DOI: doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.12.023
32. Simon M. Reader, and Kevin N. Laland. Coevolution of cultural intelligence, extended life history, sociality, and brain size in primates. *PNAS* July 25, 2017 114 (30) 7908-7914; first published July 24, 2017 <https://doi.org/10.1073/pnas.1620734114>.
33. Synaptic organization of visual space in primary visual cortex by M. Florencia Iacaruso, Ioana T. Gasler & Sonja B. Hofer in *Nature*. Published online July, 2017. doi:10.1038/nature23019.
34. Turrini M., Prainsack B. Beyond clinical utility: the multiple values of OTC genetics // *Applied & translational genomics*. 2016. Vol. 8. P. 4-8.

УДК 1(091)

DOI: 10.34670/AR.2022.66.11.005

Принцип религиозной свободы в русской философии: от абстрактного нигилизма к философской рефлексии

Фивейская Людмила Владимировна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2-а;
e-mail: liudfiv@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается утверждение и осмысление принципа религиозной свободы в русской философии. Вопрос о религиозной свободе ставится на отечественной почве в процессе формирования светской культуры в постпетровскую эпоху и связан с развитием в России внецерковной философской мысли и появлением общественных движений, проникнутых духом свободомыслия. На примерах деятельности «вольтерьянских» философских кружков и масонского движения показывается, что на начальном этапе отношение к религии в русской интеллектуальной среде приобретает характер абстрактного отрицания, либо зиждется на заимствованных западных религиозных мистических доктринах. И в том, и в другом случае основной вектор свободомыслия имеет явно выраженную антицерковную направленность. В XIX веке осмысление религиозной свободы выходит на уровень богословской и философской рефлексии. Анализ позиции славянофилов по рассматриваемому вопросу, их оценки, в том числе и критической, Вл. Соловьевым, а также его собственного учения о церковной и религиозной свободе позволяет не только выявить их достоинства и недостатки, но и показать различие религиозно-философского и собственно философского подхода к решению проблемы. Славянофилы, при всей их приверженности идее свободы вообще, ограничены в вопросах религиозной свободы ортодоксальной православной догматикой, тогда как Вл. Соловьев, как философ, христианское содержание осмысливает системно и всеобщим образом. Материалы статьи представляют интерес для специалистов в области истории философии, философии религии, а также могут быть использованы в образовательном процессе.

Для цитирования в научных исследованиях

Фивейская Л.В. Принцип религиозной свободы в русской философии: от абстрактного нигилизма к философской рефлексии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 49-58. DOI: 10.34670/AR.2022.66.11.005

Ключевые слова

Философия религии, религиозная свобода, свобода совести, секуляризм, церковь и государство, русское вольтерьянство, русское масонство, славянофилы, Соловьев Владимир.

Введение

Вопрос о религиозной свободе в самом себе уже содержит проблему, затрагивая интересы и базовые права не только людей, имеющих религиозные убеждения, но и тех, кто, как агностики, в силу невозможности верификации или фальсификации бытия бога, дистанцируются от религии, или, как атеисты, выступают открытыми ее противниками. Неоднозначно и отношение к истолкованию и решению этой проблемы: в светском сообществе религиозная свобода, или свобода совести, интерпретируется как правовой принцип и так или иначе закрепляется нормативно, в церкви религиозная свобода трактуется ортодоксально и нередко, если не отрицается, то существенно ограничивается. «Одни, – как пишет Н.А. Бердяев, – боятся веры и хотели бы охранить себя от ее притязательной силы, другие боятся неверия и также хотели бы охранить себя от его растущей силы» [Бердяев, Философия свободы, 1989, 192]. Всеобщность и мировоззренческая значимость проблемы ставит ее в ряд серьезных философских вопросов. В русской философии особую остроту вопрос о религиозной свободе приобретает еще и в силу особенностей генезиса русской культуры, инициированного сверху волевого слома исторически укорененной церковной духовной традиции. Первые, еще не вполне самостоятельные, шаги на пути формирования собственной философии отечественная мысль делает в противостоянии официальной церкви, порой вступая с ней в открытую конфронтацию. Пройдя период ученичества, вступив в пору зрелости, период формирования самобытных учений и систем, русская философия необходимым образом вновь обращается к религиозному духовному наследию собственной православной культуры. Вместе с этим перед ней ставятся вопросы: возможно ли совместить свободу человека с подчинением божественному авторитету, как далеко простираются границы религиозной свободы, совместима ли свобода философского поиска истины с признанием божественного Абсолюта. Анализ последовательности и логики решения этого круга вопросов в русской философии, представляет не только исторический, но и вполне актуальный интерес. Укрепление роли церкви в современной российской обществе, возрождение и популяризация религиозного мировоззрения и религиозных ценностей в общественном сознании необходимо порождает приобретающий все более устойчивые формы диалог науки и религии, философии и богословия. Вместе с тем, как справедливо замечает А.В. Усачев, в отечественной культурной истории в отношении философии и религии сложилась неравновесная ситуация: «Философское мышление в России не прерывало свою историю, лишь видоизменяясь с течением времени. Религиозное мировоззрение в нашей стране имело большой перерыв в течение восьми десятков лет» [Усачев, 2022, 4]. Обращение к историческому опыту религиозной русской философии поднимает общественный диалог с религией на философский уровень и вместе с тем позволяет «прояснить не конкурентный, а конструктивный характер религии», показать, что «наряду с философией... вера и религия, не отбирает свободу, а, напротив, дает ее» [там же].

Религиозное вольнодумство периода становления русской философии

Постановка проблемы религиозной свободы в русской общественно-политической и философской мысли в открытой форме стала возможной во второй половине XVIII века в общем контексте инициированного петровскими реформами процесса формирования светской культуры, сопровождающегося активной ассимиляцией идей и ценностей западноевропейского

Просвещения. К этому периоду относится и становление собственно русской внецерковной философской мысли, проникнутой характерным для культуры просвещения духом свободомыслия, или, если следовать принятой в отечественной духовной традиции терминологии, вольнодумства. Начальный этап развития русской философии еще ученический, мы не находим здесь по-настоящему оригинальных идей и тем более полноценных философских систем, но скорее стремление осмыслить и пересадить на русскую почву западную философскую культуру. Во второй половине XVIII века, как отмечает известный исследователь истории русской философии В.В. Зеньковский, Россия стоит лишь «на пороге» философии, однако именно тогда задается вектор движения отечественной философской мысли и в значительной мере оформляется ее тематическое поле: «...Различные течения XVIII века оказались очень типичными для всей будущей русской философии – в них проявились черты, которые позже выступили с большей отчетливостью и законченностью» [Зеньковский, 1991, 85]. Давая общий обзор философского движения в России этого периода, В.В. Зеньковский на фоне еще не устоявшегося в нем многообразия и даже, как он сам отмечает, присущего ему эклектизма выделяет три основных течения: «русское вольтерьянство», «русское масонство» и те направления, которые стремились «создать новую идеологию национализма, ввиду крушения прежней церковной идеологии» [там же]. При всей несхожести этих течений все они – направления секулярной мысли, положившие начало свободному философскому исследованию вне рамок церковной культуры. Однако следует заметить, что нигилизм в отношении церкви проявлялся по-разному.

Наиболее радикальную позицию занимали «русские вольтерьянцы», для которых имя Вольтера было символом беспощадной критики старой культуры, полного отвержения религиозной традиции. В деятельности популярных в то время «вольтерьянских» философских кружков религиозный нигилизм нередко приобретал крайние формы, порой доходящие, по замечанию Д.И. Фонвизина, до «богохульства и кощунства». В.О. Ключевский, другой современник этой эпохи, писал: «Потеряв своего бога, заурядный русский вольтерьянец не просто уходил из его храма как человек, ставший в нем лишним, а, подобно взбунтовавшемуся дворовому, норовил перед уходом набуянить, все перебить, исковеркать и перепачкать» [Ключевский, 1990, 34]. Именно отсюда ведет начало тот, по выражению В.В. Зеньковского «безбашенный нигилизм», который получил в России широкое распространение уже в XIX веке.

Иное понимание и осуществление религиозной свободы мы находим в «русском масонстве». Чуждое популизму и крайностям вольтерьянства, но вместе с тем противопоставившее себя ортодоксальной церкви, оно предлагало собственное религиозно-философское учение, центральное место в котором занимают размышления о смысле и предназначении жизни человека. Мистическая антропология масонов отвечала на духовные запросы русского общества, заполняла образовавшуюся в результате отказа от официальной христианской догматики лакуну внутреннего экзистенциального содержания человеческого существования. Для русского общества особую привлекательность масонству придавало не голое отрицание христианства, а стремление раскрыть его эзотерическую сущность, восстановить «истинное», отличное от застывшей ортодоксальной доктрины, христианское учение. Один из виднейших представителей русского масонства И.В. Лопухин в своем «Нравоучительном катехизисе истинных франкмасонов» на вопрос «Какая цель ордена истинных франкмасонов?» отвечает: «Главная цель его та же, что и цель истинного Христианства» [Приказчикова, 2022, 93]. Нельзя не отметить также переводческую и издательскую деятельность русских масонов, прежде всего Н.И. Новикова и его соратника С.И.

Гамалеи, которые много сделали для распространения и ознакомления русского читателя с обширной западноевропейской философско-религиозной литературой. Массонство, таким образом, не просто декларировало, но и практически осуществляло принцип религиозной свободы, приучало русское общество к инаковости мысли, в том числе и мысли религиозной.

Наконец, следует кратко сказать и о том направлении отечественной мысли, представители которого на фоне разрушения прежней церковной культуры пытались построить новую, секуляризованную, национальную идеологию. Их, по словам В.В. Зеньковского, вдохновляла уже не «святая Русь», а «Великая Русь» [Зеньковский, 1991, 94], а в общей картине мира божественное величие постепенно уступает место свободному человеку. Критический пафос идеологов «секуляризованного национализма» направлен не на религию вообще, он носит резко выраженный антицерковный характер. Так, например, еще у В.Н. Татищева, первого русского историка, лейтмотивом его гуманистической критики становится стремление церкви подчинить себе человека, запретить то, что человеку определено божественным законом, который, надо заметить, он понимает не сугубо теологически, а скорее в духе естественно-правовой доктрины. Подавление человеческой личности он квалифицирует как злоупотребление со стороны церкви и считает в связи с этим необходимым подчинить церковь контролю государства – идея понятная и популярная в постпетровскую эпоху. В действительности же в синодальный период русской церковной истории происходит сращение церкви и государства, последствиями которого стало, с одной стороны, укрепление деспотического характера русского самодержавия, а с другой – утрата церковной харизмы, падение авторитета церкви как общественного института. Другой представитель русского гуманизма XVIII века А. Н. Радищев подверг жесткой критике слияние церкви и государства, образующих альянс, в котором обе силы

«Союзно общество гнетут;

Одна сковать рассудок тщится,

Другая волю стерть стремится» [Радищев, 1992, 127].

Вопрос о роль церкви в жизни общества, ее действительном предназначении станет заглавным в религиозно-философских дебатах следующего XIX века. Россия в определенном смысле повторяет историю Запада: после многовекового доминирования церковной идеологии ее невозможно просто вытеснить из культурного пространства. Конечно, нельзя недооценивать влияние на умы русской интеллигенции набирающего в России силу материалистического философского мировоззрения, но в вопросах религиозных его приверженцы либо, подобно «русским вольтерьянцам» впадают в абстрактный нигилизм и атеизм – вспомним известный образ тургеневского Базарова, либо, как А.И. Герцен, уходят в сферу публицистики и социально-политического просветительства. «Могут ли говорить о религиозной свободе позитивисты, материалисты, атеисты? Зачем она им?» [Бердяев, 1989, 193], – писал Н.А. Бердяев. И действительно, самые интересные и глубокие мысли о природе религиозной свободы мы находим в трудах русских религиозных философов XIX века.

Философское осмысление религиозной свободы в XIX веке: славянофилы и Вл. Соловьев

В отличие от Запада формирование светской культуры в России происходило в условиях, когда официальная церковь не только не дистанцировалась от государства, но, напротив, приобрела статус государственного института, а православие позиционировало себя в качестве

государственной религии. К этому надо добавить, что в культурной истории Россия не знала собственного Ренессанса, подготовившего Западную Европу к культурной трансформации Нового времени. Духовные традиции русской культуры по-прежнему уходили корнями в культуру христианскую. Не удивительно поэтому, что в XIX веке, после относительно непродолжительного периода отрицания, русская общественно-политическая и философская мысль вновь серьезно обращается к религиозной проблематике. У истоков христианского ренессанса в русской философии, несомненно, стоят славянофилы. Именно с началом движения славянофилов В. В. Зеньковский связывает не только возврат русской мысли к религиозному содержанию, но более того – к церковному мировоззрению [Зеньковский, 1991, 185]. Учение славянофилов о религии и церкви имеет скорее богословский характер. В нем необходимым образом ставится проблема религиозной свободы, но ее решение непоследовательно и противоречиво. С одной стороны, свобода в учении славянофилов декларируется как «величайшее благо для народов» [Хомяков, 1988, 342]. Славянофилы твердо отстаивают свободу как базовый принцип христианства: «Не насилием посеяно христианство в мире; не насилием, а побеждая всякое насилие, возросло оно» [там же, 348]. Среди славянофилов, особенно старой школы, были люди не только интеллектуально, но и литературно одаренные, блестяще владеющие словом. На страницах их богословских, публицистических, литературно-критических произведений мы встречаем порой возвышенные панегирики свободе; они были страстными защитниками не только религиозной, но, по выражению Н.А. Бердяева, «всяких свобод». Последний, сам горячий приверженец идеи свободы, особенно высоко ценил богословские изыскания славянофилов о христианстве как о религии свободы: «Эту основную истину о христианской свободе удивительно сильно чувствовали и могущественно защищали лучшие славянофилы – А. Хомяков, Ю. Самарин, И. Аксаков» [Бердяев, Философия свободы, 1989, 195]. Христианство для славянофилов есть религия свободы не только в духе своем, но и в жизни церкви. Согласно учению А.С. Хомякова, церковь есть духовный организм, целостная духовная реальность, воплощенная в своей видимой, исторической, плоти и живущая «не под законом рабства, но под законом свободы». В вопросах церковной свободы А.С. Хомяков, как и его единомышленники, крайне категоричен, не зря Н.А. Бердяев называл его «рыцарем православной церкви». Славянофилы остро, если не болезненно, переживали зависимое положение, в котором оказалась русская православная церковь в результате петровских реформ. В.С. Соловьев в работе «Россия и Вселенская Церковь», критикуя официальную русскую церковь за то, что она «отказалась от своей церковной свободы, а государство взамен этого гарантировало ей существование и положение церкви господствующей, упразднив религиозную свободу в России» [Соловьев, 1991, 133-134]¹, замечает: «Никто не изложил этой грустной истины с большей силой и жаром, чем покойный И. Аксаков, последний выдающийся представитель старой славянофильской школы» [там же, 126]. Однако, занимая бескомпромиссную позицию в вопросах церковной свободы, славянофилы вовсе не так последовательны, когда речь идет о личной религиозной свободе: ни в лоне самой православной церкви, ни в отношении к лицам иных вероисповеданий. Как отмечает В. В. Зеньковский, в учении А.С. Хомякова о церкви «свобода принадлежит Церкви, как целому, а вовсе не каждому члену Церкви в отдельности» [Зеньковский, 1991, 203]. Ограничению, и даже поражению в правах, подлежат «совратившиеся с пути истинного» и иноверцы. В написанном А.С.

¹ Здесь и далее при цитировании указанного источника мною дана современная орфография.

Хомяковым обращении к сербам, в числе подписантов которого мы видим, помимо самого А.С. Хомякова, имена таких видных славянофилов, как Ю.Ф. Самарин, Иван и Константин Аксаковы и др., сразу же за декларативным призывом «Да будет же всем полная свобода в вере и в исповедании ее!» следуют рекомендации, как относиться к тем «несчастливым и ослепленным», кто отступает от «истинной» веры: «Да будет он вам все еще братом... Но да не будет уже он ни законодателем, ни правителем, ни судьей, ни членом общинного схода: ибо иная совесть у него, иная у вас» [Хомяков, 1988, 349]. Аналогичное отношение предписывается к любому иноверцу, который должен быть принят как «гость», но «не должен быть полноправным гражданином или сыном великого сербского дома, судящим с братьями в делах общественных» [там же]. Следует, наконец, сказать и о том, что, заявляя идею единой и свободной Вселенской Церкви, славянофилы видят воплощение своего идеала в церкви православной, а точнее в греко-русской. «Они, – пишет Вл. Соловьев, – провозглашают ее единственной Церковью Бога, истинной Вселенской Церковью, а на остальные исповедания смотрят как на антихристианские сообщества» [Соловьев 1991, 119]. Церковь, пишет Вл. Соловьев, сложный организм, имеющий в себе как божественную, так и земную сторону. Ее безусловной конечной целью является внутреннее единение людей с Богом. И если западные христианские конфессии – католики и протестанты – расходятся в понимании средств для достижения этой цели, то, полемизируя со славянофилами, остроумно замечает Вл. Соловьев «мнимые православные» полагают, что «лучший способ достигнуть гавани, это представить себе, что ты уже там» [там же, 116].

Сам Вл. Соловьев в работе «Россия и Вселенская церковь», приступая к рассмотрению проблемы свободы применительно к религии, вводит, по его мнению, важное терминологическое уточнение: «В области религии и церкви под свободой можно понимать две вещи весьма различные: во-первых, независимость церковного целого (как духовенства, так и верующих вообще) от внешней власти государства; и, во-вторых, независимость индивидов в деле религии» [Соловьев, 1991, 121]. Первое он называет церковной свободой, второе – свободой религиозной, под которой понимает, по существу, как это явствует из дальнейшего уточнения, свободу совести², а именно «право, дарованное каждому, открыто принадлежать к тому или другому вероисповеданию, свободно переходить из одного в другое или вовсе не принадлежать ни к какому вероисповеданию, а также безнаказанно исповедовать всякого рода верования и религиозные идеи, как положительные, так и отрицательные» [там же]. По мнению Вл. Соловьева вопрос о религиозной свободе имеет преимущественно политический характер и лишь отчасти входит в компетенцию церкви: только светское государство вправе непосредственно признавать или ограничивать религиозные свободы своих граждан, церковь же может лишь нравственно влиять на государство. Поэтому проблема религиозной свободы в философии Вл. Соловьева ставится и решается, прежде всего, в контексте общего понимания соотношения государства и церкви. Здесь уместно вспомнить, что в социальной доктрине Вл. Соловьева государство рассматривается как необходимая ступень в нравственном прогрессе человечества. Но, поскольку смысл нравственного миропорядка в философии Вл. Соловьева интерпретируется как поступательное осуществление добра, а последнее в абсолютном выражении выступает как христианский божественный замысел о мире, то и государство,

² Вл. Соловьев сознательно отказывается от употребления привычных терминов «свобода совести» и «свобода вероисповедания» в силу, как он сам поясняет, их неточности, поскольку, считает он, «совесть всегда свободна, и никто не может помешать мученику исповедовать свою веру» [Соловьев, 1991, 122].

понимаемое как необходимое условие и действенный инструмент нравственного прогресса, свою истинную форму обретает лишь как христианское государство. И церковь, и «истинное» государство, таким образом, вовлечены в общий процесс и, в конечном итоге, имеют общую цель. И церковь, и государство есть, по определению Вл. Соловьева, «богочеловеческая организация» с тем различием, что «в церкви божественное начало решительно преобладает над человеческим», а государство отмечено «преобладанием человеческого начала» [Соловьев, *Оправдание добра*, 1988, 531]. С позиции нравственной философии, пишет Вл. Соловьев, равно необходимо и самостоятельное действие человека, и его подчиненное отношение к божеству. Разрешение этой антиномии возможно только при условии различения, но, что важно, не разобщения, религиозной и политической сфер жизни. В этом различении церковь должна выступать как свободный от государства институт. При этом для Вл. Соловьева неприемлемо ни огосударствление церкви, когда она теряет собственные духовные основания и отдает себя на службу интересам государства, ни ее полное отделение от государства, имеющее двоякого рода последствия: со стороны церкви – утрата возможности деятельного служения добру либо, как альтернатива, обращение самой церкви к недолжным для нее мирским действиям; со стороны государства – отказ от духовных интересов либо узурпация ему не принадлежащего по сути высшего духовного авторитета в обществе. Между государством и церковью в обществе должно быть установлено «правильное разделение труда», при котором государство, действуя в мирской сфере, обеспечивает «минимум добра» в обществе и сдерживает в заданных правом пределах силы зла, а церковь выступает в обществе его духовным водителем, определяющим общее направление и окончательную цель исторического процесса. Церковная свобода и одновременно соработничество церкви и государства решают и проблему религиозной свободы отдельного человека: «Правило истинного прогресса состоит в том, чтобы государство как можно меньше стесняло внутренний нравственный мир человека, предоставляя его свободному духовному действию церкви, и вместе с тем как можно вернее и шире обеспечивало внешние условия для достойного существования и совершенствования людей» [там же, 533].

Философия религии Вл. Соловьева критически воспринималась многими его современниками. Его упрекали в мистицизме, в излишней увлеченности католицизмом, в эклектизме философского синтеза, в утопизме социальной модели. И по прошествии почти полутора столетий, в наше время, религиозные идеи Вл. Соловьева находят живой отклик – не только позитивный, но и негативный. Так, в большой и обстоятельной статье В.А. Фатеева «Философия религии Владимира Соловьева: критический анализ», опубликованной в двух выпусках (№ 4 (12) за 2021 г. и № 1 (13) за 2022 г.) журнала «Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии», автор, настойчиво проводя мысль о несостоятельности в целом попытки универсального религиозного синтеза в философии Вл. Соловьева, характеризует, в частности, его учение о «свободной теократии» как «фантастический проект» [Фатеев, 2022, 102] и «опасную утопию» [Фатеев, 2021, 131]. «Главная цель статьи, – пишет В.А. Фатеев, – лишь напомнить о тех опасных соблазнах философии Вл. Соловьева для молодых, зыбких и неокрепших умов, которые надо постоянно иметь в виду, обращаясь к изучению его творчества» [там же, 131]. Однако свободный поиск истины, творческий синтез, системность мышления, моделирование абсолютного идеала составляют не соблазн, а привлекательность философии, задачу которой сам Вл. Соловьев видел в том числе и в призвании «освободить христианскую истину от несоответствующей ей формы внешнего авторитета» [Соловьев, *Исторические дела...*, 1988, 123].

Заключение

Н. А. Бердяев говорит о двух видах свободы: негативной – «свобода "от"», и позитивной – «свобода "для"». Первую он определяет как «отрицательный произвол», вторую – как «положительную творческую мощь» [Бердяев, Смысл творчества, 1989, 371]. Философия в своем историческом развитии всегда есть единый возвратно-поступательный процесс, движущийся между этими двумя полюсами. Так и русская философия в поисках собственного пути движется от абстрактного отрицания предшествующей церковной православной культуры и религиозной мысли, выраженного в крайней форме вольтерьянского нигилизма и более продуктивного светского национального гуманизма, к содержательному религиозно-философскому синтезу в философско-богословском учении славянофилов и философии Вл. Соловьева. Анализ постановки и решения проблемы религиозной свободы на каждой из этих ступеней позволяет не только проследить логику, но и показать мировоззренческую и методологическую специфику ее осмысления. В учении славянофилов трактовка религиозной свободы имеет свои основания, прежде всего, в догматическом богословии и идеализированной доктрине церкви, по существу, присваивающей православной церкви статус вселенской. Для Вл. Соловьева религиозная свобода тоже есть атрибут церкви вселенской, но последняя не отождествляется с какой-либо исторически бытийствующей церковью, а как своего рода идеальный проект, подобный идеальному государству Платона, системно встроена в представленный в философии Вл. Соловьева нравственный миропорядок. Действительное осуществление свободы в философии Вл. Соловьева составляет историческое дело христианства, но не в силу конфессионального выбора, а потому, что сам дух христианства есть выражение свободы. Ортодоксальная замкнутость неизбежно ограничивает мысль, тогда как свободный философский синтез открывает простор для современного интеллектуального и нравственного диалога.

Библиография

1. Бердяев Н.А. Философия свободы // Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 12-250.
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 254-580.
3. Зеньковский В.В. История русской философии. В 4-х тт. Л.: ЭГО, 1991. Т. 1. Ч. 1. 221 с.
4. Ключевский В.О. Воспоминания о Н.И. Новикове и его времени // Соч. в 9-ти тт. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 28-55.
5. Приказчикова Е.Е. «Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов» И.В. Лопухина как путь формирования масонского идеала человека // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28. № 4. С. 88-99.
6. Радищев А.Н. Вольность // Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб.: Наука, 1992. С. 124-139.
7. Соловьев В.С. Исторические дела философии // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 118-125.
8. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч. в 2-х тт. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С.47-580.
9. Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. М.: Фабула, 1991. 448 с.
10. Усачев А.В. Философские аспекты современного религиозного мировоззрения // Культура и искусство. 2022. № 9. С. 1-16.
11. Фатеев В.А. Философия религии Вл. С. Соловьева: критический анализ. Ч. 1 // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 4 (12). С. 127-145.
12. Фатеев В.А. Философия религии Вл. С. Соловьева: Критический анализ. Ч. 2 // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 1 (13). С. 93-117.
13. Хомяков А.С. К сербам. Послание из Москвы // О старом и новом. М.: Современник, 1988. С. 341-368.

The principle of religious freedom in Russian philosophy: from abstract nihilism to philosophical reflection

Lyudmila V. Fiveiskaya

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Philosophy and History,
Vologda Institute of Law and Economics FSIN of Russia,
160002, 2-a, Shchetinina str., Vologda, Russian Federation;
e-mail: liudfiv@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of religious freedom in Russian philosophy. In Russia, the question of religious freedom is connected with the development of non-church philosophical thought and the emergence in the second half of the 18th century of social movements imbued with the spirit of freethinking. Using examples of the Voltairian philosophical circles and the Masonic movement, the article shows that at the initial stage of the formation of Russian philosophical thought, the attitude towards religion acquires the character of an abstract negation, or is based on borrowed Western religious mystical doctrines. In both cases, the main vector of freethinking has a clearly expressed anti-church orientation and does not contain a serious philosophical analysis. V.I. Solovyov distinguishes between religious and church freedom. The main place in his teaching is occupied by the question of church freedom. He puts and decides it in the context of the relationship between church and state. The religious freedom of individuals, in his opinion, is of a legal nature and depends on the place and role of the church in the state. The freedom of the church in society is a condition for the religious freedom of the individual. Comparison of the teachings of the Slavophiles and the teachings of V.I. Solovyov shows the difference between the theological and the philosophical approach to solving the problem.

For citation

Fiveiskaya L.V. (2022) Printsip religioznoi svobody v russkoi filosofii: ot abstraktnogo nigilizma k filosofskoi refleksii [The principle of religious freedom in Russian philosophy: from abstract nihilism to philosophical reflection]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 49-58. DOI: 10.34670/AR.2022.66.11.005

Keywords

Philosophy of religion, religious freedom, freedom of worship, secularism, church and state, Russian Voltairianism, Russian Freemasonry, Slavophiles, Solovyov Vladimir

References

1. Berdyaev N.A. (1989) *Filosofiya svobody* [The Philosophy of Freedom]. In: *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act]. Moscow: Pravda Publ.
2. Berdyaev N.A. (1989) *Smysl tvorchestva* [The Meaning of the Creative Act]. In: *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act]. Moscow: Pravda Publ.
3. Fateev V.A. (2021) *Filosofiya religii V.I. S. Solov'eva: kriticheskii analiz. Ch. 1* [On the Philosophy of Religion of

-
- Vladimir S. Solovyev: A Critical Analysis. Part 1]. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii* [Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy], 4 (12), pp. 127-145.
4. Fateev V.A. (2022) *Filosofiya religii Vl. S. Solov'eva: kriticheskii analiz. Ch. 2* [On the Philosophy of Religion of Vladimir S. Solovyev: A Critical Analysis. Part 2]. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii* [Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy], 1 (13), pp. 93-117.
 5. Khomyakov A.S. (1988) *K serbam. Poslanie iz Moskvy* [To the Serbs. Message from Moscow]. In: *O starom i novom* [On the Old and New]. Moscow: Sovremennik Publ.
 6. Klyuchevskii V.O. (1990) *Vospominaniya o N.I. Novikove i ego vremeni* [Memories of N.I. Novikov and his Time]. In: *Soch. v 9-ti tt.* [Op. in 9 vols]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 9.
 7. Prikazchikova E.E. (2022) "Nravouchitel'nyi katekhizis istinnykh frankmasonov" I.V. Lopukhina kak put' formirovaniya masonskogo ideala cheloveka ["The Moralizing Catechism of True Freemason" by I.V. Lopukhin as Way of Forming the Masonic Ideal of Man]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [News of the Ural Federal University. Ser. 1. Problems of education, science and culture], 28, 4, pp. 88-99.
 8. Radishchev A.N. (1992) *Vol'nost'* [Ode to Liberty]. In: *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. Vol'nost'* [A Journey from St. Petersburg to Moscow. Ode to Liberty]. St. Petersburg: Nauka Publ.
 9. Solov'ev V.S. (1988) *Istoricheskie dela filosofii* [Historical Affairs of Philosophy]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 8, pp. 118-125.
 10. Solov'ev V.S. (1988) *Opravdanie dobra. Nravstvennaya filosofiya* [Justification for Goodness. Moral Philosophy]. In: *Soch. v 2-kh tt.* [Op. in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ. Vol 1.
 11. Solov'ev V.S. (1991) *Rossiya i Vselenskaya tserkov'* [Russia and the Universal Church]. Moscow: Fabula Publ.
 12. Usachev A.V. (2022) *Filosofskie aspekty sovremennogo religioznogo mirovozzreniya* [Philosophical Aspects of the Modern Religious Worldview]. *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and art], 9, p. 1-16.
 13. Zen'kovskii V.V. (1991) *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Leningrad: YeGO Publ. Vol. 1. P. 1.
-

УДК 1(091); + 378; + 37.017; + 37.017.93

DOI: 10.34670/AR.2022.59.43.007

**Особенности интеграции традиционных христианских ценностей
в систему высшего образования Российской Федерации
(образовательные, психолого-педагогические, воспитательные,
духовно-нравственные аспекты)**

Неганов Владимир Владимирович

Кандидат философских наук,
Доцент,
Национальный исследовательский
Московский государственный строительный университет,
129337, Российская Федерация, Москва, Ярославское шоссе, 26;
e-mail: vladimir.neganov@gmail.com

Аннотация

В представленной научно - исследовательской работе автором актуализированы, систематизированы и обобщены некоторые насущные вопросы, связанные с особенностями интеграции традиционных христианских ценностей в систему высшего образования Российской Федерации. По мнению автора, психологический и культурно - исторический код личности неразрывным образом связан с мировоззрением человека. На основании анализа указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно - нравственных ценностей» и в целях его исполнения, автором научной статьи рассмотрены и обозначены существенные вопросы по реализации важнейших универсальных компетенций выпускников вуза; представлены актуальные мероприятия НИУ МГСУ, направленные на патриотическое, духовно - нравственное воспитание студентов; сформулированы конкретные предложения сохранения и утверждения традиционных христианских ценностей в системе высшего образования. Основными методами и процедурами научного исследования являются: анализ, обобщение, сопоставление, опрос, интерпретация.

Для цитирования в научных исследованиях

Неганов В.В. Особенности интеграции традиционных христианских ценностей в систему высшего образования Российской Федерации (образовательные, психолого-педагогические, воспитательные, духовно-нравственные аспекты) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 59-71. DOI: 10.34670/AR.2022.59.43.007

Ключевые слова

Философия; человек; высшее образование в Российской Федерации; студент; духовно - нравственное воспитание; история религий России; русская религиозная философия; традиционные христианские ценности; ценностный суверенитет; патриотизм; психология; педагогика; интеграция; НИУ МГСУ.

Введение

Актуальность и научная новизна данного научного исследования состоят в выявлении особенностей интеграции христианских ценностей в систему высшего образования Российской Федерации в связи с цивилизационными вызовами современности. **Объект исследования:** интеграция традиционных христианских ценностей в систему высшего образования Российской Федерации. **Предмет исследования:** способы формирования традиционных духовно - нравственных ценностных ориентиров у обучающихся в системе высшего образования. **Целью** научно - исследовательской работы является обозначение существующих проблем и своеобразия имплементации традиционных христианских ценностей в системе высшего образования Российской Федерации. **Основные задачи** научно - исследовательской работы: проанализировать основания, способы и особенности интеграции христианских ценностей в систему высшего образования Российской Федерации. **Основными выводами** представленной научно - исследовательской работы и основными её результатами являются актуализация проблемы выбора молодым человеком ценностных приоритетов, аксиологических доминант современного общества, а также формулировка возможных способов решения выявленных проблем.

Основная часть

В настоящее время проблема воспитания и сохранения традиционных ценностей является актуальной задачей, требующей своей реализации во всех сферах жизнедеятельности современного российского общества, поскольку существуют глубинные противоречия современного мировоззрения потребительского общества с традиционными христианскими ценностями, в том числе, и в системе высшей школы Российской Федерации. Формирование личности молодого человека, получающего высшее образование, во многом связано с системой образовательного и воспитательного процесса в высшем учебном заведении. В связи с этим, изучив Федеральный государственный образовательный стандарт, можно констатировать тот факт, что одним из важнейших требований к компетенции студентов, является способность обучающегося в вузе к самоидентификации, как в рамках собственной культуры, так и в рамках других культур, народов и цивилизаций. Одной из универсальных компетенций выпускника вуза устанавливается его способность «воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально - историческом, этическом и философском контекстах» [Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Приказ от 12 августа 2020 года № 966 <...> УК - 5]. Для того, чтобы решить эту важнейшую задачу, студенту нужно понимать основу и суть собственного мировоззрения, мировоззренческие основания нашего народа, православной культуры, русской цивилизации. При этом важно отметить, глава нашего государства – В. В. Путин в президентском Указе акцентирует внимание на том, что «особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию» [Указ Президента Российской Федерации <...> от 9 ноября 2022 года № 809]. Привлекая общественное внимание к данному вопросу, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отмечает: «и, хотя сегодня мы живём в иное время, время свободного религиозного выбора и отделения Церкви от государства, Русская Православная Церковь продолжает нести это великое служение, соединяя народ наш, сохраняя в единстве наше Отечество» [Святейший Патриарх Кирилл <...> 28 июня 2012 г.]. По нашему мнению, потребность в данной культурной, духовно - нравственной,

ценностной компоненте в настоящее время огромная, поскольку кризис современного мира, который проявляется, в том числе, и в ведении военных действий, требует от человека максимального понимания, для чего и ради чего он живёт: «Духовное бытие человека конструирует личность, составляя её подлинное единство, субстанциальную самобытность. Духовность, являясь основой бытия личности <...> [содействует] формированию духовных норм и ценностей, придавая смысл жизни» [Байдакова, 2008, 8]. <https://fgos.ru/fgos/fgos-47-03-01-filosofiya-966/V> в нашем государстве на законодательном уровне Указом Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина зафиксирован перечень традиционных ценностей, который включает в себя, прежде всего, «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [Указ Президента Российской Федерации <...> от 9 ноября 2022 года № 809]. Безусловно, за формирование и усвоение духовно - нравственных ценностей молодого человека несёт ответственность его семья, школа, круг общения, но особое место в этом ряду принадлежит вузу, поскольку именно из стен университета человек выходит не только дипломированным специалистом, но и сформировавшейся личностью. Именно во время обучения в вузе наиболее фактурно проявляется самость человека, его самоидентификация; становятся очевидны не только педагогические недоработки, но и пробелы в психологической адаптации и воспитании молодого человека. В этой связи, именно в высшей школе происходит целостное формирование и становление личности человека, исходя из его возрастных, профессиональных, социальных, нравственных, духовных, индивидуальных приоритетов и предпочтений. Вместе с тем, способность к самоидентификации человека посредством осознанного и свободного выбора пути развития, духовно - нравственного самоопределения в онтологической, аксиологической и эсхатологической перспективе является качественной характеристикой личности.

Однако, на сегодняшний день, можно констатировать тот факт, что именно русская культура в представлении студентов – это некий «винегрет», в который замешано немного от Запада, немного от Востока, и, приходится признать, что у многих из них нет понимания того, чем, собственно, является русская культура. Приведу простой и актуальный пример. Во время практических занятий по философии, на мой вопрос: «Являетесь ли вы русскими людьми, носителями русской культуры?», – студенты отвечали утвердительно, при этом даже представители разных национальностей самоидентифицировали себя как «русских», как носителей русской культуры. Однако, к сожалению, в процессе дискуссии стало очевидным, что вербализация понимания, чем именно характеризуется русская культура, в чём состоит ключевой аргумент их самоидентификации, вызывает у большинства студентов значительные затруднения. Для некоторых, понятие «русский» имеет только этническое, а не цивилизационное значение. Для многих, к сожалению, не очевидны культурные традиции, исторические, религиозные, ценностные основания русской культуры. И в этой связи, молодёжь, действительно, находится в состоянии дезориентации. Многие молодые люди нуждаются в самоопределении, и на педагогах высшей школы лежит ответственность за то, чтобы этот выбор был основан на традиционных конструктивных ценностях русской культуры: «всё это те ценности, которые будут работать на благо в будущем. Очень важно для нас всех, видеть конечную цель нашего труда, в данном случае, образовательного. К этому подключается

другая задача духовно - нравственного воспитания» – отметил митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн (Попов) [Высокопреосв. митр. Иоанн <...> 22 августа 2012 г.].

На основании вышеуказанных факторов, с сожалением, приходится сделать вывод о том, что философская картина мира современных студентов, в частности, технических вузов, представляет собой разрозненный набор постмодернистских идей, пропагандируемых интернет - пространством, сдобренный к тому же вульгарно материалистическими представлениями. Наука, философия и культура при таком взгляде на мир должны, как минимум, дистанцироваться от религии. Религия воспринимается как нечто непонятное и неприятное. Сфера жизненных смыслов секуляризируется, обмирщвляется. Система ценностей десокрализируется, примитивизируется, приобретает релятивный характер. В то же время, Святейший Патриарх Кирилл утверждает, что именно «Церковь <...> – это духовная скрепа, это линия самоидентификации нашей нации, это та общность, разрушив которую, мы разрушим своё Отечество» [Святейший Патриарх Кирилл <...> 28 июня 2012 г.]. Напротив, насаждение идеалов «Запада» обесценивает глубинные духовные смыслы культуры, в том числе, нивелирует зло и грех до уровня нормы. В связи с этим происходит тотальное разрушение традиционных устоев и ценностей. В результате чего молодой человек заполняет сферу жизненных смыслов примитивным набором стереотипов. Подмена понятий принимает характер всеобщего безумия, в результате которого, понимание традиционных для русской культуры ценностей утрачивается.

Реальность современного либерально - капиталистического мира и торжества постмодернизма состоит также в том, что человеку навязывается чуждая созидательной традиционной русской культуре мировоззренческая модель и поведение человека программируется на алгоритмы потребителя и разрушителя. В такой мировоззренческой модели те сферы жизнедеятельности общества, которые призваны к метафизическому пониманию служения Богу и ближним, например, медицина, безопасность, просвещение, образование и другие низводятся до уровня сферы услуг. Всё к чему должен стремиться человек - потребитель так или иначе можно измерить количественным эквивалентом, что, в конечном счёте, упирается в деньги, а все отношения трансформируются в товарно - денежные. На базе такого восприятия действительности возникают, выражаясь в терминологии философии постмодернизма, некие «симулякры», то есть подмены подлинных ценностей, ценностями мнимыми, которые не только активно транслируются, но и навязываются, в том числе, через интернет – пространство: «молодёжь попала под шквал информационных атак и оказалась в весьма уязвимом положении. Это информационное противоборство всегда имело место, но сейчас приобрело особенно острый характер» [Путин проводит заседание Госсовета по молодёжной политике. Трансляция 22 декабря 2022 г.]. Погружённые в современные социальные реалии молодые люди, не имея навыка критического восприятия, дифференциации информации и возможности отличать тех или иных трансляторов информации, известных блогеров и прочих «властителей дум» увлекаясь этим, зачастую, становятся лёгкими жертвами манипуляций. Для того, чтобы уберечь молодёжь от тех ошибок, которые можно совершить в молодости и затем очень сложно исправить, по нашему мнению, необходимо привносить в существующую систему, в том числе, и высшего образования те важные культурные компоненты, которые будут показывать преобладание традиционных духовных ценностей над материальными: «к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над

материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [Указ Президента Российской Федерации <...> от 9 ноября 2022 года № 809].

Итак, обобщая основные компоненты интеграции традиционных христианских ценностей в систему высшего образования Российской Федерации, следует отметить, что указанные программные положения российского законодательства непосредственным образом касаются системы высшего образования, когда люди получают свою специальность, определяют себя как самостоятельно мыслящих личностей, полноценных и полноправных членов общества. Именно в этот период молодые люди фиксируют и часто уже реализуют перспективы своей профессиональной деятельности, создания семьи, воспитания своих детей через привитие им своих ценностей, то есть тех ценностей, которые они считают для себя верными. Таким образом, актуальность вопроса о том, какими будут эти ценности, выходит из области только умозрительной. Вопрос выбора ценностных приоритетов становится важнейшим именно в сфере практической его реализации в частной жизни каждого конкретного человека.

В современной парадигме развития системы высшего образования существуют различные средства для реализации духовно - нравственного воспитания и формирования у современного российского студенчества конструктивных, традиционных, христианских ценностей. Так, например, в России вот уже несколько десятилетий осуществляют свою деятельность кафедры теологии в государственных вузах, которые, как показывает практика, дают глубокие систематические знания, поскольку «методической спецификой преподавания теологии становится её укоренённость в христианской системе ценностей, в переносе контекста этих ценностей в образовательную сферу. Смирение, надежда, любовь – это те доминанты, которые определяют особенности преподавания теологии: смирение в своих научно - образовательных «амбициях», надежда на откровение Божие в деле познания, любовь к иным позициям в науке и образовании» [Колесников, 2018, 79]. С другой стороны, при всех очевидных положительных эффектах подобное решение вопроса интеграции христианских ценностей в систему высшего образования Российской Федерации не является универсальным и единственно возможным, поскольку зачастую эти знания не получают широкого применения и практической реализации в общественной жизни.

Более универсальным и массовым в плане пробуждения интереса студентов и привлечения к основам традиционных ценностей русской цивилизации является, по нашему мнению, преподавание философских дисциплин в высших учебных заведениях. В частности, в качестве примера можно предложить преподавание спецкурсов или факультативных дисциплин по следующим направлениям: Русская религиозная культура, История религий России, Русская религиозная философия, Христианская культура и другие. Необходимо деятельное осознание того факта, что «наша задача», как это сформулировал Президент России В. В. Путин на заседании Государственного совета по вопросам реализации молодёжной политики в современных условиях, – «дать молодым людям России прочную опору в виде достоверных знаний и, с этой целью, в том числе, разработать и внедрить в учебные процессы отдельный академический курс, посвящённый истории и основам российской государственности» [Путин проводит заседание Госсовета по молодёжной политике. Трансляция 22 декабря 2022 г.].

По нашему мнению, вполне определённо можно констатировать, что более глубокое исследование, в том числе, в рамках учебных дисциплин по истории, культурологии и философии научных трудов русских религиозных мыслителей, таких как И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, А. С. Хомяков, С. Л. Франк, Н. Я. Данилевский и многих других раскрывает целый

спектр духовно - нравственных вопросов, решение которых помогает молодому поколению сформировать целостное мировоззрение, основанное на традиционных для русской культуры христианских ценностях. Так, например, А. С. Хомяков писал: «Выньте Христианство из истории Европы и Буддаизм из Азии, и вы уже не поймёте ничего ни в Европе, ни в Азии» [Хомяков, 1900, ПСС. Т. 5, с. 131]. Мысли классиков русской культуры и философии востребованы в индивидуально - личностном пространстве, в котором человек становится способным ответить себе на вопрос в чём смысл его конкретной жизни. Поскольку смысл жизни «в философской мысли зачастую ассоциируется с некоторой системой жизненных ориентаций, позволяющих человеку конструктивно развиваться в личностном и общественном плане» [Неганов, 2021 (а), 119 – 120], то базируясь на этом основании, человек получает способность осуществлять не спонтанный или навязанный извне, а осознанный выбор своих жизненных приоритетов. Спустя более полутора столетий, мысль А. С. Хомякова нашла воплощение в Указе Президента Российской Федерации: «Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан» [Указ Президента Российской Федерации <...> от 9 ноября 2022 года № 809]. В связи с этим, также большое значение для интеграции христианских ценностей в систему высшего образования Российской Федерации имеет осмысление творчества классиков русской литературы, чьи произведения неразрывным образом связаны с русской христианской духовной традицией, например, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов и другие. Произведения всех этих мыслителей внесены в формат школьного образования, поэтому знакомство с ними студенчества позволяет педагогам высшей школы адаптировать материал, связанный с разъяснением духовно - нравственных ценностей русской культуры, и дополнять его понятными и известными молодежи иллюстрациями. Так, например, анализируя творчество классиков русской литературы, вполне определенно можно утверждать, что большинство их произведений буквально пронизаны христианским миссионерским смыслом, который «состоит, прежде всего, в том, что, разоблачая ложные ценности мира [они предлагают] ценности духовные и конструктивные, которые раскрывают лучшее из того, что есть в человеке, и являются прочным фундаментом общественных отношений» [Неганов, 2020, 103]. Традиционные классические произведения русских писателей преподаются для изучения молодому поколению, ещё не сформировавшемуся лично для того, чтобы на основе прочтения этих произведений создавать почву для привития высоких идеалов, воспитания и укоренения молодых людей в духовных христианских ценностях, которые являются квинтэссенцией классической русской литературы. Исходя из всего вышеизложенного, наша ответственность, как преподавателей высшей школы, представителей интеллигенции показать молодежи всеобъемлющее, созидательное, нравственное, внеконфессиональное, наднациональное, всеобъединяющее величие русской культуры.

Тема введения стандарта духовно - нравственного воспитания уже поднималась прежде и вполне определённо, например, митрополитом Белгородским и Старооскольским Иоанном: «мы созрели для того, чтобы создать стандарт духовно - нравственного воспитания. Пусть это будет наш стандарт, но мы будем видеть оценку каждого труда, потому что будут существовать объективные критерии. Тот или иной процесс – образовательный, воспитательный, – будет в соответствии с этим стандартом развиваться. И тогда мы будем чётко видеть, где мы находимся, куда нам нужно двигаться, что исправить» [Высокопреосв. митр. Иоанн <...> 22 августа 2012

г.]. Для актуальной комплексной реализации указа президента Российской Федерации необходимо сосредоточить внимание на положительное объяснение, раскрытие, актуализацию, утверждение и интеграцию традиционных ценностных приоритетов в общественном и личностном пространстве человека: «наша задача, общая задача – нужно настроить именно все институты государственной власти, все структуры, все общественные организации, всех граждан на то, чтобы убедить всё общество в том, что суверенитет, будущее технологического развития, технологический суверенитет, промышленный, даже ценностный суверенитет может быть основан, и может состояться только на базе фундаментальной и прикладной науки, только на научной базе» [Стенограмма встречи Владимира Путина с молодыми учёными <...> от 1 декабря 2022 г.]. Именно в этом научном и практическом контексте, в области преподавания философских дисциплин в высших учебных заведениях особое внимание необходимо уделять синергии философии и религии, учитывая при этом, что «наиболее значимая точка пересечения религии и философии: понимание зла как греха» [Куренков, 2017, с. 187]. Задачей преподавателя философии в таком случае будет объяснение студентам сути наиболее популярных и распространяемых деструктивных мировоззренческих заблуждений и стереотипов поведения: «философские знания можно уподобить вакцине, которая содержит в себе болезнетворный вирус, в ослабленном виде, сопровождаемый необходимыми лекарственными веществами для выработки устойчивого иммунитета к самой болезни. Подобно этому исследование философии способно вскрыть суть того или иного индивидуального и социального заблуждения и продемонстрировать студентам всю пагубность увлечения этими нездоровыми учениями и освободить умы молодых людей от порабощения мифами и стереотипами, умело создаваемыми многочисленными профессиональными манипуляторами» [Неганов, 2021 (б), с. 187]. В контексте вышеизложенного, безусловно важнейшей задачей высшего образования вне зависимости от профессиональной специализации должно являться такое преподнесение и обоснование знания о христианских ценностях, чтобы оно не осталось для молодёжи только в области умозрительной теории, но было бы воспринято ими во всей полноте, принято и актуализировано в свою личную жизнь, стало бы прочным основанием их общественной жизни. Следовательно, университет должен стать тем местом, где студенты смогут не только познакомиться с системой традиционных нравственных идеалов и ценностей, но и реализовать их практически, актуализуя свой творческий потенциал и энтузиазм, «поскольку воспитательная система вуза – это комплекс форм, средств, методов и принципов, стимулирующих развитие духовно - нравственной культуры студента – будущего специалиста, то главной целью воспитания является формирование общей и профессиональной культуры студентов, понимание ими истории цивилизации, возвышение духовных потребностей и художественных интересов, приобщение к этическим нормам культуры общения, а также осознание своего места в диалоге культур, саморазвитие нравственного сознания» [Фазылыязнова, 2004, с. 3].

В области практической реализации вышеизложенных аспектов, можно упомянуть, в качестве конкретного примера, актуальные и перспективные проекты Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ) [Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение <...> (НИУ МГСУ) В НИУ МГСУ молодёжная политика осуществляется по следующим направлениям: гражданское, патриотическое, культурно - просветительское, научно - образовательное, профессионально - трудовое, экологическое, физическое, а также духовно - нравственное воспитание, поскольку «сейчас особенно важны проекты просветительской направленности» [Путин проводит

заседание Госсовета по молодёжной политике. Трансляция 22 декабря 2022 г.]. В частности, в НИУ МГСУ работа с молодёжью реализуется в рамках основных вузовских мероприятий, и в качестве наглядной иллюстрации можно упомянуть лишь некоторые примеры такой работы. Гражданское воспитание включает: круглый стол «Гражданское воспитание студентов. Практический аспект»; дискуссию «Межконфессиональный диалог как основа гражданского единства»; беседы с обучающимися по вопросам предотвращения религиозного и этнического экстремизма; образовательную олимпиаду по дисциплине «Государственное и муниципальное управление». Патриотическое воспитание осуществляется посредством: беседы «Кто такие патриоты Родины»; экскурсии «Дорога памяти»; участия студентов в патриотических акциях, приуроченных к 9 мая: «Георгиевская ленточка»; «Бессмертный полк». Сфера культурно - просветительского воспитания представлена: Лигой «КВН»; «Поэтическими вечерами»; Форумом «День Российских студенческих отрядов»; Интеллектуальной игрой Брейн - ринг; Концертом «Битва кураторов». В рамках научно - образовательного воспитания проводятся: конференции; круглые столы; лекции; семинары; мастер - классы; научные кружки; философские дискуссии; конкурсы; предметные олимпиады по различным техническим и гуманитарным дисциплинам. Профессионально - трудовое воспитание включает: беседу «Я выбираю профессию»; открытый диалог с работодателем; Школу кураторов; мастер - класс «Шаги в карьере»; форум «Твори добро»; конкурс видеороликов среди студентов «Твоя будущая профессия», квест «Посвящение в первокурсники». Экологическое воспитание – это акция сбора вторсырья; субботник «Чисто там, где мы»; фестиваль «Экология в строительстве». Физическое воспитание – это участие сборных команд НИУ МГСУ по различным видам спорта в соревнованиях Московских студенческих спортивных игр; спартакиада НИУ МГСУ; участие ведущих спортсменов НИУ МГСУ в спортивных соревнованиях разного уровня; турниры; соревнования; студенческий спортивный клуб. Духовно - нравственное воспитание, в том числе, включает взаимодействие с Русской Православной Церковью в системе высшего образования, затрагивая как образовательный, так и воспитательный аспекты, например: благотворительная акция «Добрая ёлка»; экскурсии, в том числе, в Свято - Троицкую Сергиеву лавру; проведение пленарного заседания окружных Рождественских образовательных чтений; молебны перед началом и в течение учебного года; беседы православного священника со студентами. Вышеперечисленные мероприятия, осуществляемые в рамках молодёжной политики вуза (НИУ МГСУ), носят творческий, конструктивный характер, их общая тенденция предполагает избегание формального отношения для «галочки» в отчёте. Именно к такому подходу и призывает Президент России, особо отмечая, что при «работе с молодёжью необходимо полностью исключить формализм и казёнщину, чутко слышать запросы ребят, учитывать, что молодёжь России многонациональна, и представляет разные конфессии, поэтому действовать здесь нужно тонко и в высшей и степени деликатно» [Путин проводит заседание Госсовета по молодёжной политике. Трансляция 22 декабря 2022 г.].

Заключение

Подводя итоги важно отметить, что интеграция традиционных христианских ценностей в систему высшего образования Российской Федерации является важнейшей жизненно важной задачей высшего образования России. Будущее нашего государства и общества во многом зависит от того, насколько стойким оно окажется перед лицом грозных вызовов современной стратегической глобальной нестабильности. Привить молодому поколению российских

студентов конструктивную систему традиционных ценностей могут помочь знания христианских духовных основ русской культуры, а также практическое применение этих знаний в собственной жизни: «нам необходимо поддержать сейчас наше государство своей любовью, своей гражданской позицией, защищая традиционные ценности. На Руси их ценность всегда определена от Бога» [Ответы на вызовы современности. 5 декабря 2022 г.]. Помимо сохранения исторической памяти и предотвращения попыток переписать и подменить историю России, по нашему мнению, необходимо особое внимание уделить изучению русской религиозной философии, истории религий России и русской религиозной культуры. Курсы по данным дисциплинам могут быть факультативными, но они должны быть доступны студентам, поскольку лежат в онтологическом основании понимания истории России: «Ведь отечественная история, культура – это база национальной идентичности, нашего менталитета, традиционных ценностей, воспитания подрастающих поколений и, что крайне важно, основа российской государственности» [Встреча с историками и представителями традиционных религий России. 4 ноября 2022 г.], – отметил Президент Российской Федерации на встрече с историками и представителями традиционных религий России, по итогам которой был утверждён Перечень поручений главы государства правительству России [Перечень поручений <...> 4 ноября 2022 г.]. Даже если подобные курсы дисциплин не будут превышать в своём объёме одной зачётной единицы они способны дать теоретическое понимание традиционного для русской цивилизации превосходства духовных ценностей над материальными. Соединившись же с различными видами конструктивной социальной практики в рамках воспитательной работы вуза, такими как, например, волонтерство, кураторство, стройотряды и многие другие, студенты, учась в университете, будут приобретать не только профессиональные навыки, но и формироваться в качестве цельных критически мыслящих личностей с осознанной гражданской позицией, настоящих патриотов нашей Родины – России.

Таким образом, проанализированные особенности интеграции христианских ценностей в систему высшего образования Российской Федерации неразрывно связаны с жизнеспособностью и развитием нашей страны и содержат духовно - нравственное основание, которое зиждется именно на укоренении и развитии традиционных ценностей: «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» [Указ Президента Российской Федерации <...> от 9 ноября 2022 года № 809]. В заключение данной научно - исследовательской работы можно вполне обоснованно констатировать, что интеграция традиционных христианских ценностей в систему высшего образования Российской Федерации является динамичным многокомпонентным процессом, который требует понимания, учёта и деятельного взаимодействия образовательных, педагогических, психологических, духовно - нравственных и воспитательных аспектов.

Библиография

1. Байдакова М. Ю. Проблема воли в философии и христианской антропологии: дисс. ... канд. философ. наук. Москва, 2008. 233 с.
2. Встреча с историками и представителями традиционных религий России. 4 ноября 2022 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69781> (дата обращения 25. 11. 2022).
3. Высокопреосвященнейший митрополит Иоанн принял участие в августовской областной педагогической

- конференции 22 августа 2012 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.beleparh.ru/novosti/item/1637-vysokopreosvyashchennejshij-mitropolit-ioann-prinyal-uchastie-v-avgustovskoj-oblastnoj-pedagogicheskoy-konferentsii> (дата обращения 25. 11. 2022).
4. Колесников С. А. Современная теология и современная наука: перспективы сотрудничества. // Христианское чтение. – Санкт - Петербург: Изд - во СПбПДА, 2018. – № 5. – С. 73 – 84.
 5. Куренков А. С. Религиозно - философское осмысление святоотеческого наследия в литературном творчестве Н. В. Гоголя. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – Белгород: Изд - во НИУ БелГУ, 2017. № 10 (259). С.185 – 191.
 6. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Приказ от 12 августа 2020 года № 966 Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 47.03.01 философия. [Электронный ресурс] – URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-47-03-01-filosofiya-966/> (дата обращения 25. 11. 2022).
 7. Неганов В. В. Историко - философские аспекты миссионерского смысла аксиологии Ф. М. Достоевского и христианская антропология. // Труды Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью). Сборник научных трудов. / По благословию Высокопреосв. Иоанна, митр. Белгородского и Старооскольского. – Белгород: Изд - во Белгородской и Старооскольской епархии, 2021. Вып. XIII. С. 116 – 128.
 8. Неганов В. В. Миссионерский смысл и значение понимания духовно - нравственных и антропологических аспектов наследия Ф. М. Достоевского выдающимися богословами Сербской Православной Церкви с точки зрения основных понятий христианской антропологии в историко - философской перспективе. // Труды Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью). Сборник научных трудов. / По благословию Высокопреосв. Иоанна, митр. Белгородского и Старооскольского. – Белгород: Изд - во «СКпресс», 2020. Вып. X. С. 93 – 106.
 9. Неганов В. В. О духовно - нравственных аспектах преподавания философии в Высших учебных заведениях. // Балтийский гуманитарный журнал. – Калининград: Изд - во «Ассоциация “Профессиональные аналитики аутопэйзисных систем” (Калининград)», 2021. Т. 10, № 1 (34). С. 186 – 188.
 10. Ответы на вызовы современности. 5 декабря 2022 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://beleparh.ru/novosti/item/otvety-na-vyzovy-sovremennosti> (дата обращения 05. 12. 2022).
 11. Перечень поручений по итогам встречи с историками и представителями традиционных религий России. 4 ноября 2022 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/70073> (дата обращения 13. 12. 2022).
 12. Полное собрание сочинений А. С. Хомякова. Том пятый. – Москва: Изд - во Университетской типографии на Страстном бульваре, 1900. – 588 с.
 13. Путин проводит заседание Госсовета по молодёжной политике. Трансляция 22 декабря 2022 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://iz.ru/1444876/2022-12-22/putin-provodit-zasedanie-gossoveta-po-molodezhnoi-politike-translyatsiia> (дата обращения 23. 12. 2022).
 14. Святейший Патриарх Кирилл: Церковь всегда была первой целью для тех, кто стремился разрушить страну. [Электронный ресурс]
 15. Стенограмма встречи Владимира Путина с молодыми учёными от 1 декабря 2022 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vstrechi-vladimira-putina-s-molodymi-uchyonymi-01-12-2022.html> (дата обращения 01. 12. 2022).
 16. Указ Президента Российской Федерации Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно - нравственных ценностей от 9 ноября 2022 года № 809. [Электронный ресурс] – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=2&rangeSize=1> (дата обращения 10. 11. 2022).
 17. Фазылзянова Г. И. Педагогические условия ориентации студентов на духовно-нравственные ценности средствами народного искусства: авт. дисс.... канд. пед. н. Казань, 2004. 19 с.
 18. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет" (НИУ МГСУ). [Электронный ресурс] – URL: <https://mgsu.ru/> (дата обращения 25. 11. 2022).

Features of the integration of traditional Christian values to the system of higher education of the Russian Federation (educational, psychological and pedagogical, spiritual and moral aspects)

Vladimir V. Neganov

Phd in Philosophy,
Docent of the Department of History and Philosophy,
National Research Moscow State University of Civil Engineering,
129337, 26, Yaroslavskoye highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: vladimir.neganov@gmail.com

Abstract

According to the author of this research work, the integration of traditional Christian values into the higher education system of the Russian Federation is the most important urgent task of higher education in Russia. At present, in the Russian Federation, the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values have been approved at the legislative level. Psychological and cultural-historical personality code is inextricably linked with a person's worldview. The ability to self-identify a person through a conscious and free choice of the path of development, spiritual and moral self-determination in an ontological, axiological and eschatological perspective is a qualitative characteristic of a person. The formation of the personality of a young person receiving higher education is largely connected with the system of educational and upbringing process in a higher educational institution. Based on the foregoing, the author formulated significant conclusions on the topic of scientific research and proposed possible solutions to the identified problems.

For citation

Neganov V.V. (2022) Features of the integration of traditional Christian values into the higher education system of the Russian Federation (educational, psychological, pedagogical, educational, spiritual and moral aspects) [Features of the integration of traditional Christian values to the system of higher education of the Russian Federation (educational, psychological and pedagogical, spiritual and moral aspects)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 59-71. DOI: 10.34670/AR.2022.59.43.007

Keywords

Philosophy; human; higher education in the Russian Federation; student; spiritual and moral education; history of religions in Russia; Russian religious philosophy; traditional Christian values; value sovereignty; patriotism; psychology; pedagogy; integration; NRU MGSU.

Reference

1. Baidakova M. Yu. (2008) *Problema voli v filosofii i khristianskoy antropologii*. [The problem of will in philosophy and Christian anthropology. Doct. Dis.]. Moscow.
2. *Vstrecha s istorikami i predstavitelnyami traditsionnykh religiy Rossii. 4 noyabrya 2022 g.* [Meeting with historians and representatives of traditional religions of Russia. November 4, 2022.]. [Electronic resource] – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69781> (Accessed 25. 11. 2022).

3. *Vysokopreosvyashchennyshiy mitropolit Ioann prinyal uchastie v avgustovskoy oblastnoy pedagogicheskoy konferentsii 22 avgusta 2012 g.* [His Eminence Metropolitan John took part in the August regional pedagogical conference August 22, 2012.]. [Electronic resource] – URL: <https://www.beleparh.ru/novosti/item/1637-vysokopreosvyashchennyshiy-mitropolit-ioann-prinyal-uchastie-v-avgustovskoy-oblastnoj-pedagogicheskoy-konferentsii> (Accessed 25. 11. 2022).
4. Kolesnikov S. A. (2018) *Sovremennaya teologiya i sovremennaya nauka: perspektivy sotrudnichestva.* [Modern theology and modern science: prospects for cooperation.]. *Khristianskoye chteniye.* [Christian reading], No. 5, pp. 73 – 84.
5. Kurenkov A. S. (2017). *Religiozno - filosofskoye osmysleniye svyatootecheskogo naslediya v literaturnom tvorchestve N. V. Gogolya.* [Religious and philosophical understanding of the patristic heritage in the literary work of N. V. Gogol.], *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo.* [Scientific statements of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right.], No. 10 (259), pp. 185 – 191.
6. *Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii. Prikaz ot 12 avgusta 2020 goda № 966 Ob utverzhenii Federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 47.03.01 filosofiya. UC - 5.* [Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Order dated August 12, 2020 No. 966 On approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's Degree in Philosophy 47.03.01. UC - 5.]. [Electronic resource] – URL: (Accessed 25. 11. 2022).
7. Neganov V. V. (2021), (a). *Istoriko - filosofskiy aspekty missionerskogo smysla aksiologii F. M. Dostoyevskogo i khristianskaya antropologiya.* [Historical and philosophical aspects of the missionary meaning of the axiology of F. M. Dostoevsky and Christian anthropology.], *Trudy Belgorodskoy Pravoslavnoy Dukhovnoy seminarii (s missionerskoy napravlennoy).* *Sbornik nauchnykh trudov.* [Proceedings of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary orientation). Collection of scientific papers.], Issue XIII, pp. 116 – 128.
8. Neganov V. V. (2020). *Missionerskiy smysl i znachenie ponimaniya dukhovno - npravstvennykh i antropologicheskikh aspektov naslediya F. M. Dostoyevskogo vydayushchimisya bogoslovami Serbskoy Pravoslavnoy Tserkvi s tochki zreniya osnovnykh ponyatiy khristianskoy antropologii v istoriko - filosofskoy perspektive.* [The missionary meaning and significance of understanding the spiritual, moral and anthropological aspects of the heritage of F. M. Dostoevsky by prominent theologians of the Serbian Orthodox Church from the point of view of the basic concepts of Christian anthropology in the historical and philosophical perspective.], *Trudy Belgorodskoy Pravoslavnoy Dukhovnoy seminarii (s missionerskoy napravlennoy).* *Sbornik nauchnykh trudov.* [Proceedings of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary orientation). Collection of scientific papers.], Issue X, pp. 93 – 106.
9. Neganov V. V. (2021), (6). *O dukhovno - npravstvennykh aspektakh prepodavaniya filosofii v Vysshikh uchebnykh zavedeniyakh.* [On the spiritual and moral aspects of teaching philosophy in higher educational institutions.]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal.* [Baltic Humanitarian Journal.], 2021. T. 10, No. 1 (34), pp. 186 – 188.
10. *Otvet na vyzovy sovremennosti. 5 dekabrya 2022 g.* [Answers to the challenges of modernity. December 5, 2022.]. [Electronic resource] – URL: <https://beleparh.ru/novosti/item/otvety-na-vyzovy-sovremennosti> (Accessed 05. 12. 2022).
11. *Perechen' porucheniy po itogam vstrechi s istorikami i predstavitel'yami traditsionnykh religiy Rossii. 4 noyabrya 2022 g.* [List of instructions following the meeting with historians and representatives of traditional religions in Russia. November 4, 2022.]. [Electronic resource] – URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/70073> (Accessed 13. 12. 2022).
12. (1900) *Polnoye Sobraniye Sochineniy A. S. Khomyakova. Tom pyatyy.* [Complete Works of A. S. Khomyakov. Volume five.]. Moscow: Publishing House of the University Printing House on Strastnoy Boulevard.
13. *Putin provodit zasedaniye Gossoveta po molodezhnoy politike. Translyatsiya 22 dekabrya 2022 g.* [Putin holds a meeting of the State Council on youth policy. Broadcast dated December 22, 2022.]. [Electronic resource] – URL: <https://iz.ru/1444876/2022-12-22/putin-provodit-zasedanie-gossoveta-po-molodezhnoi-politike-translyatsiia> (Accessed 22. 12. 2022).
14. *Svyateyshiy Patriarkh Kirill: Tserkov' vsegda byla pervoy tsel'yu dlya tekh, kto stremilsya razrushit' stranu. 28 iyunya 2012 g.* [His Holiness Patriarch Kirill: The Church has always been the first target for those who sought to destroy the country. June 28, 2012.]. [Electronic resource] – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2310686.html> (Accessed 25. 11. 2022).
15. *Stenogramma vstrechi Vladimira Putina s molodymi uchonymi ot 1 dekabrya 2022 g.* [Transcript of Vladimir Putin's meeting with young scientists dated December 1, 2022.]. [Electronic resource] – URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vstrechi-vladimira-putina-s-molodymi-uchonymi-01-12-2022.html> (Accessed 01. 12. 2022).
16. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno - npravstvennykh tsennostey ot 9 noyabrya 2022 goda № 809.* [Decree of the President of the Russian Federation On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values dated November 9, 2022 No. 809.]. [Electronic resource] – URL: (Accessed 25. 11. 2022).
17. Fazylyanova G. I. (2004) *Pedagogicheskiye usloviya oriyentatsii studentov na dukhovno - npravstvennyye tsennosti sredstvami narodnogo iskusstva.* [Pedagogical conditions for students' orientation to spiritual and moral values by means

of folk art. Abst. Doct. Dis.]. Kazan.

18. *Federal'noye gosudarstvennoye byudzhetnoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego obrazovaniya "Natsional'nyy issledovatel'skiy Moskovskiy gosudarstvennyy stroitel'nyy universitet" (NIU MGSU)*. [Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering" (NRU MGSU)]. [Electronic resource] – URL: <https://mgsu.ru/> (Accessed 25. 11. 2022).

УДК 167.7

DOI: 10.34670/AR.2022.96.16.025

Взаимосвязь процесса проектирования научного исследования и методов эмпирического и эмпирико-теоретического уровней

Сабирова Лиля Андреевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии,
Елабужский институт,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
423604, Российская Федерация, Елабуга, ул. Казанская, 89;
e-mail: slilja2006@rambler.ru

Аннотация

В статье исследуются структуры основ проектирования научного исследования; представлены дефиниция проектирования и дефиниция проектирования научного исследования; определения метода и метода научного исследования на основе библиографического анализа источников литературы за последние пять лет. В фокусе внимания – скоординированная взаимосвязь исследовательских этапов в процессе проектирования, с методами эмпирического и эмпирико-теоретического уровней. Процесс проектирования зависит от последовательной разработки проектных процедур и включает в себя определение темы, предмета, объекта, оборудования, составления плана, репрезентативной выборки, и адекватный подбор методов научного исследования. Автором представлена попытка анализа функционального, нисходящего, восходящего и инновационного проектирования. Автор подчеркивает важность взаимосвязи и научного взаимодействия с методами научного исследования эмпирического и эмпирико-теоретического уровней. Автор акцентирует особую роль методов анализа и синтеза в построении маршрута проектирования научного исследования и их зависимость от блочно-иерархического подхода. По нашему мнению, научная новизна данной статьи заключается в нашей инициативе проанализировать взаимосвязь и научное взаимодействие между проектированием научного исследования и методами эмпирического и эмпирико-теоретического уровней. Автором был произведен библиографический анализ научных статей по проблемам проектирования научного исследования и методов научного исследования. Информационный материал и выводы данной статьи могут быть полезными при планировании и организации научных исследований и в то же время могут служить дополнительным источником при составлении учебно-методических пособий и учебников, научных докладов, электронных образовательных ресурсов, справочных изданиях.

Для цитирования в научных исследованиях

Сабирова Л.А. Взаимосвязь процесса проектирования научного исследования и методов эмпирического и эмпирико-теоретического уровней // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 72-79. DOI: 10.34670/AR.2022.96.16.025

Ключевые слова

Абстрагирование, анализ, дедукция, индукция, измерение, метод, метод научного исследования, моделирование, наблюдение, опрос.

Введение

В современном научном дискурсе работ, посвященных проектированию, немало, каждая из них обладает своими достоинствами и недостатками. Однако, по мнению автора, в недостаточной мере остается изученным вопрос о взаимоотношении методов эмпирического и эмпирико-теоретического уровней научного исследования, этому вопросу уделяется мало внимания. На взгляд автора, эта проблема требует теоретического научного решения в связи с возрастающей востребованностью научных исследований и их грамотного проектирования. Цель этой статьи – описать подобные взаимоотношения.

Основная цель автора – нахождение взаимосвязи между проектированием научного исследования и методами эмпирического и эмпирико-теоретического уровней.

Методология статьи отчасти перекликается с ее содержанием. Автор статьи использует анализ, синтез, абстрагирование и сравнение. Содержание этих методов раскрывается по ходу изложения материала. Стоит остановиться отдельно на виде анализа, который мы используем – контент-анализе. Контент-анализ отвечает за обрабатывание текстового массива данных. Это метод применялся нами при изучении теоретического материала для статьи и его последующей обработки.

Основная часть

Проектирование научного исследования является проблемным полем. Исследователи, особенно молодые ученые, сталкиваются с трудностями при выборе типа проектирования научного исследования, при определении выборки, при постановке проблемной сферы в теме исследования. На наш взгляд, особое внимание стоит обратить на выбор методов научного исследования при проектировании как эмпирическом этапе.

Вопросами изучения проблем проектирования занимались П.И. Балобанов, Л.Т. Заурвайн (2020), Т.Д. Бояркова (2020), Е.В. Везетиу (2019), А. Г. Донской (2020), Т.В. Дрок (2018), О.А. Козырева (2018), А.Т. Мошегова, П.М. Пашков, П.И. Соловьев, (2018), Ю.М. Царапкина, С.А. Цыплакова, Н.В. Быстрова (2018).

В результате библиографического анализа особо выделяем работы П.И. Балобанова, Л.Т. Заурвайна (2020), Т.Д. Боярковой (2020), Е.В. Везетиу (2019), А. Г. Донского (2020), Т.В. Дрока (2018), О.А. Козыревой (2018),

А.Т. Мошеговой, П.М. Пашкова, П.И. Соловьева (2018), Ю.М. Царапкиной, С.А. Цыплаковой, Н.В. Быстровой (2018).

Сущность и структура методов научного исследования изучена в достаточной мере, тем не менее, на наш взгляд, стоит обратить внимание на работы С.Г. Господинова (2018), М.А. Сущина (2021).

Проектирование научного исследования – это процесс составления и разработки идеи, имеющих сформулированные цели и задачи, концепции, теории, исследования от замысла до воплощения в реальность. Проектирование научного исследования может рассматриваться как вид общего проектирования. Проектирование научного исследования бывает

автоматизированным, функциональным, техническим, оптимальным, системным, нисходящим и восходящим, инновационным. Функциональное, оптимальное, системное, нисходящее и восходящее, инновационное научные проектирования имеют универсальный характер и могут участвовать в работе гуманитарных дисциплин. В вопросе методологии в гуманитарных дисциплинах проектирование носит особый характер. Здесь применяются либо особые виды научного исследования (психологическое наблюдение, психологический, педагогический, социологический эксперименты, кейс-стади, контент-анализ и т.п.), либо такие методы, которые стоит выделять в отдельную группу. Мы относим сюда опрос и социометрию. Опрос – это метод сбора информации путем задавания вопросов респондентам в письменной или устной форме. Социометрия, в нашем понимании, представляет собой слияние наблюдения и опроса. Социометрия используется при проектировании научных исследований в области изучения межличностных отношений в социальных группах.

Функциональное, системное и оптимальное проектирование требуют коллективного решения задач с диспутами и дискуссией и задействованием методов эмпирико-теоретического уровня научного исследования [Мошегова, 2018]. Под методом научного исследования мы понимаем способ социальной и познавательной деятельности, соответствующий критериям верификации, фальсификации и бритве Оккама. По способу действия методы научного исследования делятся на теоретический (формализация, идеализация, аксиоматический, системный и гипотетико-дедуктивный методы, восхождение от абстрактного к конкретному. классификация), эмпирико-теоретический (абстрагирование, анализ-синтез, индукция-дедукция, историческое-логическое, моделирование, сравнение) и эмпирический уровень (наблюдение, измерение, опрос, эксперимент). На наш взгляд, при проектировании научного исследования стоит использовать методы последних двух уровней, так они больше всего подходят для эффективной реализации проектирования [Козырева, 2018].

Анализ предполагает разложение исследуемого объекта на части, а синтез – составление логического целого. Функциональное проектирование подразумевает общее описание систем, иногда требуется выделение и рассмотрение каждого элемента этих систем, а затем собирание этих элементов на группы по общим характеристикам. Эти процессы происходят по методам анализа и синтеза. Оптимальное проектирование, на наш взгляд, невозможно без учета каждого элемента системы научного исследования для поиска эффективных решений. Грамотный учет элементов целесообразно применять с методом анализа. Синтез и анализ необходимы также и при системном проектировании, потому что этот вид проектирования связывает отдельные объекты системы как между собой, так и с внешней средой. Системное проектирование вообще и системное проектирование научного исследования в частности требуют тщательного рассмотрения объекта в целом и в частности. Поэтому после грамотных процедур анализа и синтеза востребованы сравнение и абстрагирование. Под сравнением понимается установление сходства или различия между двумя объектами. Абстрагирование – процесс отвлечения от несущественных свойств исследуемого объекта или явления и сосредоточение на главных свойствах. В процессе системного проектирования внутренние элементы объекта сопоставляются между собой и с внешней средой с последующим сосредоточением на основных характеристиках объекта [Бояркова, 2020].

Как результат сравнения, абстрагирования, анализа-синтеза может выступать создание баз данных, документации, в том числе технической. Это все может составлять основу технического проектирования научного исследования, которое представляет собой совокупность документации с окончательными решениями по созданию проекта. Техническое

проектирование научного исследования может включать в себя построение неких моделей, исходящих из логически-выстроенного изучения предыдущей документации и научной литературы. Поэтому автор рекомендует при таком виде научного проектирования использовать методы моделирования и исторического-логического. Моделирование предполагает создание модели объекта исследования для воспроизведения характеристик проектируемого объекта. Метод исторического-логического предполагает изучение изменения объекта или предмета исследования в хронологическом процессе, изучение истории объекта или предмета и выстраивание логической связи.

Автоматизированное проектирование научного исследования представляет собой процесс взаимодействия человека и техники, или техники и техники для решения научных задач, получения новых научных данных. Так как этот вид проектирования включает в себя большой пласт работы по контролю за техническим объектом или по контролю с применением техники. Функцию контроля удобнее осуществлять с помощью наблюдения. Под ним мы понимаем целенаправленное восприятие действительности с целью изучения явлений, постижения их смысла и значения [Луценко, 2017].

Нисходящее проектирование научного исследования – введение научной разработки объекта, последовательно от общих черт к деталям. Этот вид работает по методу дедукции. Дедукция – восхождение процесса познания от общего к единичному, выведение частного из общего. В научном исследовании нисходящее проектирование представляет собой закономерный переход либо от универсальных качеств исследуемого объекта к частным, либо от общих понятий к более конкретным и т.д. Восходящее проектирование научного исследования – научная разработка совершается от деталей к общим чертам. Этот вид проектирования работает по индукции – методу, связанному с движением исследовательской мысли от частных данных опыта, фактов к их обобщению. Восходящее проектирование – это антипод предыдущему типу [Господинов, 2018].

Наиболее современным видом научного проектирования считается инновационное проектирование. Этому виду посвящены работы Кирдяжиной С.В., Новикова А.В., Мамаевой З.М., Дрок Т.Е., Буйного Н.С. [Кирдяжина, 2016; Новиков, 2012; Дрок, 2015; Буйный, 2011; Минат, Чепик, 2017; Балабанов, Зауэрвайн, 2020; Донской, 2020].

Проанализировав названные работы, мы приходим к выводу о том, что инновационное проектирование – это не просто процесс создания инновационного проекта. Этот вид научного проектирования вбирает в себя, на наш взгляд, все лучшее, в том числе и опыт взаимодействия с методами эмпирического и эмпирико-теоретического уровней научного исследования. Инновационное проектирование представляет собой процесс внедрения новой, проверенной и эффективной научной разработки, информации, методики и т.п.

Главная проблема инновационного проектирования научного проектирования – это пренебрежение верификацией и фальсификацией. Верификация – процесс эмпирической проверки полученных данных в результате проектирования, процесс проверки истинности данных. На этапе верификации рекомендуется применять эмпирические методы научного исследования параллельно с методами эмпирико-теоретического уровня для более успешной практической реализуемости. К основным методам эмпирического уровня относятся наблюдение, эксперимент, измерение. Определение понятию «наблюдение» мы дали выше. Эксперимент предполагает вмешательство в естественные условия существования предметов и явлений или воспроизведение определенных сторон предметов и явлений в специально созданных условиях для изучения их без осложняющих процесс сопутствующих обстоятельств.

Измерение – это процедура определения численного значения некоторой величины, которая осуществляется через единицу измерения. Измерение дает точные сведения о действительности.

Согласно фальсификации любые данные должны иметь возможность опровержения с помощью методов научного исследования, даже если эти данные не будут опровергнуты. Таким образом, подтверждается их истинность только путем постановки опровергающего исследования. Особое внимание изучению фальсификации уделяли Поппер К. и Лакатос И. [Везетиу, 2019].

Верификация и фальсификация универсальны и могут использоваться при любом виде проектирования, но в инновационном проектировании научного исследования они более актуальны. При обработке мало проверенных проектов и внедрение их в научный процесс есть большая вероятность ошибиться и получить неверные данные [Сущин, 2021].

Процесс проектирования и процесс проектирования научного исследования требуют получения решения с применением анализа, синтеза и верификации.

Анализ, синтез и верификация составляют основу маршрута проектирования научного исследования и увеличивают варианты решения задач и усложнения моделей для решения задач. Анализ и синтез строятся по блочно-иерархическому подходу к проектированию научного исследования по делению сложной задачи на части. Иерархия исследуемых и проектируемых элементов требует непротиворечивости, научной и методической строгости и воспроизводимости [Гнездилов, 2017; Жаксылыков, 2016]. Применение этого подхода способствует созданию блочных систем и упрощению их работы и модернизации. Сделаем оговорку, что такой подход возможно использовать не только в точных дисциплинах, но и в гуманитарных при составлении таблиц и блок-схем, при разработке планов исследования [Сериков, 2012].

Анализ, синтез и верификация обуславливаются грамотным планированием комплекса мероприятий проектирования научного исследования.

Процедура проектирования научного исследования делится на этапы. Этап проектной процедуры – это условно выделенная часть проектирования, сводящаяся к выполнению одной цели или нескольких проектных процедур, объединенных по признаку принадлежности получаемых решений [Боргест, 2013; Царапкина, Цыплакова, Быстрова, 2018]. Первый этап включает выбор методов научного исследования, составление плана, формирование выборки, формулирование целей, задач, предметов и объектов, определяется тема исследования.

Второй этап включает выполнение эмпирических и теоретических работ, активно применяется моделирование объектов исследования, проверяются, конкретизируются и корректируются принципы и положения, установленные на первой стадии, прописывается суть научного исследования, идет набор теоретической массы и вычитка научной литературы по теме исследования. На втором этапе внедряются такие методы эмпирико-теоретического уровня как моделирование и историческое-логическое.

На третьем этапе принимаются подробные технологические решения и прорабатываются все части проекта, выносится проектное решение по научному исследованию, осуществляется диагностика проблематики. Под проектным решением мы понимаем описание объекта или его составной части, достаточное для рассмотрения и принятия заключения об окончании проектирования и путей его решения. На четвертом этапе формируется четкая модель проекта научного исследования. На пятом этапе начинается процедура реализации проекта научного исследования. На шестом этапе производится оценка результатов проекта научного

исследования, переход к построению научной работы, публикации и анонсированию результатов научного исследования.

Заключение

Поэтапное проектирование научного исследования с грамотным применением методов эмпирического и эмпирико-теоретического уровня способствует разумному распределению человеческих и финансовых ресурсов, снижению затрат на проведение научного исследования, повышению качества результатов научного исследования.

Плоскость дальнейших научных изысканий лежит в области изучения применения методов теоретического уровня в проектировании научного исследования, а также во внедрении его результатов.

Библиография

1. Балабанов П.И., Зауэрвайн Л.Т. Исследование и творение в науке и проектировании // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 51. С. 22-29.
2. Боргест Н.М. Научный базис онтологии проектирования // Онтология проектирования. 2013. № 1 (7). С. 7-25.
3. Бояркова Т.Д. Управление проектами в условиях риска // Риск-ориентированное управление в государственном и корпоративном секторе экономики города Москвы. М.: КноРус, 2020. С. 292-299.
4. Буйный Н.С. Инновации. Проектирование и конструирование // Вестник КузГТУ. 2011. № 1. С. 85-89.
5. Везетиу Е.В. Теоретические основы педагогического проектирования // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 64-2. С. 36-38.
6. Гнездилов В.А. Проектирование научного исследования как направление повышения качества подготовки кадров высшей квалификации // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 54-5. С. 122-129.
7. Господинов С.Г. Логическое обоснование в научных исследованиях // Информационные технологии в науке, образовании и управлении. 2018. № 6 (10). С. 41-48.
8. Донской А.Г. Проектирование научной работы как инструмент неформального повышения квалификации педагогов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2020. № 2 (43). С. 52-63.
9. Дрок Т.Е. Инновационный проект как исходный элемент инновационной деятельности предприятия: понятие, содержание и прединвестиционные исследования // Молодой ученый. 2015 № 10.2. С. 60-64.
10. Жаксылыков Е.К. Анализ современных методов и программных средств автоматизированного анализа объекта проектирования // Молодой ученый. 2016. № 25 (129). С. 30-32.
11. Кирдянкина С.В. Инновационное проектирование образовательных систем // Педагогический Имидж. 2016. № 3 (32). С. 46-55.
12. Козырева О.А. Теоретизация в дидактическом и научно-педагогическом знании // Вестник Мининского университета. 2018. № 4 (25). С. 5.
13. Кузнецова О.А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4 (26). С. 254-270.
14. Луценко Е.В. Проблемы и перспективы теории и методологии научного познания и автоматизированный системно-когнитивный анализ как автоматизированный метод научного познания, обеспечивающий содержательное феноменологическое моделирование // Научный журнал КубГАУ. 2017. № 127. С. 1-60.
15. Минат В.Н., Чепик А.Г. Использование научных методов исследования в аграрном секторе экономики // Вестник сельского развития и социальной политики. 2017. № 3 (15). С. 114-116.
16. Мошегова А.Т. Проектирование научного знания в условиях цифровой экономики // Инжиниринг предприятий и управление знаниями. М., 2018. С. 286-294.
17. Новиков А.В. Инновационное проектирование производственных систем // Креативная экономика. 2012. № 1. С. 57-61.
18. Сериков В.В. Начальный этап педагогического исследования: идея, замысел, проект // Образование и наука. 2012. № 2. С. 3-13.
19. Сушин М.А. Фальсифицируемость как регулятивный принцип // Научно-исследовательские исследования. 2021. № 2021. С. 25-42.
20. Царапкина Ю.М., Цыплакова С.А., Быстрова Н.В. Педагогическое проектирование информационной образовательной среды // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-4. С. 334-337.

The interaction between design process of the scientific research and methods of the empirical and empirical-theoretical levels

Lilya A. Sabirova

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology,
Yelabuga Institute,
Kazan (Volga Region) Federal University,
423604, 89, Kazanskaya str., Yelabuga, Russian Federation;
e-mail: slilja2006@rambler.ru

Abstract

Our paper studies structures of the foundations of a scientific research design and presents a definition of the design and a definition of scientific research design; method definitions and a method of scientific research based on the bibliographic analysis of literature sources over the past five years. Our scientific paper focuses on coordinated interaction of research grades in a design process with methods of empirical and empirical-theoretical levels. The process in designing depends on consistent development of design procedures and includes theme determination, subject, object, equipment, scheduling, representative sampling, and sufficient selection of scientific research methods. An attempt to analyze functional, descending, ascending and innovative design is presented by an author in this paper. The author emphasizes the importance of interaction and scientific collaboration with methods of scientific research of empirical level and empirical-theoretical level. The author underlines a special role of analysis and synthesis in construction of scientific research design route and their dependence on the block-hierarchical approach. In our opinion, scientific originality of this paper concludes in our initiative to analyze interaction and scientific collaboration between scientific research design and methods of empirical level and empirical-theoretical level. The information material and the results of this paper may be useful while planning and organizing scientific research and at the same time it may serve as an additional source in compiling tutorials and textbooks, scientific reports, electronic educational resources, reference publications.

For citation

Sabirova L.A. (2022) Vzaimosvyaz' protsessa proektirovaniya nauchnogo issledovaniya i metodov empiricheskogo i empiriko-teoreticheskogo urovnei [The interaction between design process of the scientific research and methods of the empirical and empirical-theoretical levels]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 72-79. DOI: 10.34670/AR.2022.96.16.025

Keywords

Abstraction, analysis, deduction, induction, measurement, method, method of scientific research, modeling, observation, survey.

References

1. Balabanov P.I., Zauervain L.T. (2020) Issledovanie i tvorenie v nauke i proektirovanii [Research and creation in science and design]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 51, pp. 22-29.
2. Borgest N.M. (2013) Nauchnyi bazis ontologii proektirovaniya [Scientific basis of design ontology]. *Ontologiya proektirovaniya* [Design ontology], 1 (7), pp. 7-25.
3. Boyarkova T.D. (2020) Upravlenie proektami v usloviyakh riska [Project management under risk]. In: *Risk-orientirovannoe upravlenie v gosudarstvennom i korporativnom sektore ekonomiki goroda Moskvy* [Risk-oriented management in the public and corporate sector of the economy of the city of Moscow]. Moscow: KnoRus Publ.
4. Buinyi N.S. (2011) Innovatsii. Proektirovanie i konstruirovaniye [Innovations. Design and construction]. *Vestnik KuzGTU* [Bulletin of KuzSTU], 1, pp. 85-89.
5. Donskoi A.G. (2020) Proektirovanie nauchnoi raboty kak instrument informal'nogo povysheniya kvalifikatsii pedagogov [Designing scientific work as a tool for informal advanced training of teachers]. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov* [Scientific support for the system of advanced training of personnel], 2 (43), pp. 52-63.
6. Drok T.E. (2015) Innovatsionnyi proekt kak iskhodnyi element innovatsionnoi deyatel'nosti predpriyatiya: ponyatie, sodержanie i predinvestitsionnye issledovaniya [Innovative project as an initial element of the innovative activity of an enterprise: concept, content and pre-investment research]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 10.2, pp. 60-64.
7. Gnezdilov V.A. (2017) Proektirovanie nauchnogo issledovaniya kak napravlenie povysheniya kachestva podgotovki kadrov vysshei kvalifikatsii [Designing scientific research as a direction for improving the quality of training of highly qualified personnel]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 54-5, pp. 122-129.
8. Gospodinov S.G. (2018) Logicheskoe obosnovanie v nauchnykh issledovaniyakh [Logical substantiation in scientific research]. *Informatsionnye tekhnologii v nauke, obrazovanii i upravlenii* [Information technologies in science, education and management], 6 (10), pp. 41-48.
9. Kirdyankina S.V. (2016) Innovatsionnoe proektirovanie obrazovatel'nykh sistem [Innovative design of educational systems]. *Pedagogicheskii Imidzh* [Pedagogical Image], 3 (32), pp. 46-55.
10. Kozyreva O.A. (2018) Teoretizatsiya v didakticheskom i nauchno-pedagogicheskom znanii [Theorization in didactic and scientific-pedagogical knowledge]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of Minin University], 4 (25), p. 5.
11. Kuznetsova O.A. (2014) Metody nauchnogo issledovaniya v tsivilisticheskikh dissertatsiyakh [Methods of scientific research in civil dissertations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Perm University. Legal Science], 4 (26), pp. 254-270.
12. Lutsenko E.V. (2017) Problemy i perspektivy teorii i metodologii nauchnogo poznaniya i avtomatizirovannyi sistemno-kognitivnyi analiz kak avtomatizirovannyi metod nauchnogo poznaniya, obespechivayushchii sodержatel'noe fenomenologicheskoe modelirovanie [Problems and prospects of the theory and methodology of scientific knowledge and automated system-cognitive analysis as an automated method of scientific knowledge that provides meaningful phenomenological modeling]. *Nauchnyi zhurnal KubGAU* [Scientific journal of KubSAU], 127, pp. 1-60.
13. Minat V.N., Chepik A.G. (2017) Ispol'zovanie nauchnykh metodov issledovaniya v agrarnom sektore ekonomiki [The use of scientific research methods in the agrarian sector of the economy]. *Vestnik sel'skogo razvitiya i sotsial'noi politiki* [Bulletin of rural development and social policy], 3 (15), pp. 114-116.
14. Moshegova A.T. (2018) Proektirovanie nauchnogo znaniya v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki [Designing scientific knowledge in a digital economy]. In: *Inzhiniring predpriyatii i upravlenie znaniyami* [Engineering enterprises and knowledge management]. Moscow.
15. Novikov A.V. (2012) Innovatsionnoe proektirovanie proizvodstvennykh sistem [Innovative design of production systems]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economics], 1, pp. 57-61.
16. Serikov V.V. (2012) Nachal'nyi etap pedagogicheskogo issledovaniya: ideya, zamysel, proekt [The initial stage of pedagogical research: idea, idea, project]. *Obrazovanie i nauka* [Education and science], 2, pp. 3-13.
17. Sushchin M.A. (2021) Fal'sifitsiruemost' kak regulyativnyi printsip [Falsifiability as a Regulatory Principle]. *Naukovedcheskie issledovaniya* [Scientific research], 2021, pp. 25-42.
18. Tsarapkina Yu.M., Tsypalakova S.A., Bystrova N.V. (2018) Pedagogicheskoe proektirovanie informatsionnoi obrazovatel'noi sredy [Pedagogical design of information educational environment]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 59-4, pp. 334-337.
19. Vezetiu E.V. (2019) Teoreticheskie osnovy pedagogicheskogo proektirovaniya [Theoretical foundations of pedagogical design]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 64-2, pp. 36-38.
20. Zhaksylykov E.K. (2016) Analiz sovremennykh metodov i programmykh sredstv avtomatizirovannogo analiza ob'ekta proektirovaniya [Analysis of modern methods and software tools for automated analysis of the design object]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 25 (129), pp. 30-32.

УДК 101.1:316"312

DOI: 10.34670/AR.2022.63.94.008

Социально-философский анализ взаимодействия культур Востока и Запада

Быховец Марина Владимировна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории,
Сибирский университет потребительской кооперации,
630073, Российская Федерация, Новосибирск, пр. Карла Маркса, 26;
e-mail: bihm@yandex.ru

Турсунов Фаррух Акбарович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории,
Сибирский университет потребительской кооперации,
630073, Российская Федерация, Новосибирск, пр. Карла Маркса, 26;
e-mail: farrukh.tursunov@inbox.ru

Сапегин Алексей Петрович

Старший преподаватель кафедры маркетинга и сервиса,
Новосибирский государственный технический университет,
630064, Российская Федерация, Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20;
e-mail: vertero@bk.ru

Аннотация

В данной статье предпринята попытка социально-философского анализа ключевых проблем взаимодействия культур Востока и Запада. Подчеркивается, что, стремясь найти культурные различия между народами Востока и Запада, многие востоковеды упускают из виду общие, объединяющие факторы духовной и материальной культуры. Указывается, что при всем различии традиций и культур народов Востока и Запада, в них есть много общего, и прежде всего, это гуманистические начала понимания места и роли личности в обществе. Авторы рассматривают исторические, культурные факторы взаимодействия и взаимовлияния рассматриваемых регионов. Обращение к философскому наследию позволяет определить онтологическое единство данных культур, представляющих два полюса единого мира. Стремясь найти культурные различия между народами Запада и Востока, многие мыслители упускают из виду, что при имеющихся различиях в традиции, философии и культуре народов Запада и Востока, в них есть много общего, прежде всего, гуманистическое понимание личности. Все вышесказанное определяет глубинное единство культур, открывает возможности для взаимодействия цивилизаций Запада и Востока, включая ситуацию политических и идеологических трансформаций, сложившуюся в современном мире.

Для цитирования в научных исследованиях

Быховец М.В., Турсунов Ф.А., Сапегин А.П. Социально-философский анализ взаимодействия культур Востока и Запада // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 80-87. DOI: 10.34670/AR.2022.63.94.008

Ключевые слова

Восток, Запад, социокультурное взаимодействие, духовная и материальная культура, гуманистическое начало, личность, культура, история, философия.

Введение

Современный мир находится в ситуации интеграции и глобализации, постепенно пронизывающей все сферы жизни. Взаимодействие культур становится нормой жизни, при этом порой все жестче проявляются отличия политических позиций, идеологий, включая столкновение Востока и Запада. Разница культур и менталитета создает основания для выводов о принципиальной несовместимости этих двух традиций, политических систем и социально-философских взглядов. Но так ли это в действительности? Ведь пересечения культур Востока и Запада уходят в глубину веков, в связи с этим возникает необходимость социально-философского анализа развития контактов европейской и восточных цивилизаций, взаимовлияния и формирования специфических общих и отличительных культурно-мировоззренческих основ.

Цель работы – дать социально-философский анализ взаимодействия цивилизаций Востока и Запада. Достижение поставленной цели, решается посредством реализации следующих *задач*: 1) выявить основные этапы взаимодействия Востока и Запада; 2) рассмотреть специфику культурного взаимовлияния, включая философские, религиозные и этические идеи; 3) представить уникальность и общность в понимании ценности личности; 4) охарактеризовать возможности современного взаимодействия в условиях социально-политической неопределенности.

В процессе исследования были использованы следующие *научные методы*: диалектический, метод системного анализа, сравнительно-исторический метод и др.

Основная часть

Истоки современной европейской цивилизации уходят в древнегреческую культуру. Активное мореплавание, торговля способствовали взаимодействию греков с народами, населявшими территорию Средиземноморья. Среди народов, с которыми греки взаимодействовали, особое место принадлежит египтянам и персам. Регулярные торговые связи между Древним Египтом и полисами Древней Грецией породили мощное социокультурное взаимодействие. Например, древнеегипетская мифология подарила грекам множество сюжетов, переосмысленных в древнегреческой мифологической традиции, включая идею понимания мира как единого целого, трансформирующуюся в концепцию космоцентризма в мифологии и философии Древней Греции. Зачатки научных знаний, включая геометрию, также были заимствованы греками из Египта, да и греческое законодательство, особенно реформы Солона, во многом были сформированы под влиянием египетских законов.

Однако персам и их влиянию на развитие Древней Греции принадлежит особое место.

Греко-персидские войны, продолжавшиеся с 499 по 449 гг. до н.э., способствовали формированию общности греческого самосознания, как национального, политического и социокультурного единства. Впоследствии греки тесно взаимодействовали с персами, и их культура оказала заметное влияние на них. Усиление взаимовлияния мы наблюдаем в процессе и после завоеваний Александра Македонского (334–324 гг. до н.э.), когда территории бывшей Персидской империи оказались включенными в греческий мир, что обусловило еще более активное социокультурное взаимодействие Запада и Востока в рамках эллинизма.

Ныне многие исследователи едины во мнении, что духовная и материальная жизнь Древней Персии, в частности нерелигиозная концепция философии, политики и этики, имела существенное влияние на формирование философской мысли Древней Греции [Беккер, 2002, 94]. Речь идет об эпосах, повествованиях и наставлениях Древней Персии, которые посредством переводов проникали в Древнюю Грецию. Этот исторический факт настолько был известным, что отразился и в поэзии Средних веков. Но греки переняли не только религиозно-философские и этические воззрения персов. В их повседневной жизни также очень заметны элементы материальной и духовной традиции персов. Дело дошло до того, что придворные Александра Македонского обвинили его в усердном копировании культурных традиций и канцелярского делопроизводства при дворе. Существует версия, что одним из причин нападения Александра Македонского на Персию, было то что он этим хотел вернуть доверие своих придворных [там же, 97].

Греко-македонские завоевания Персии форсировали расширение контактов Востока и Запада. В работе советского исследователя академика Б. Гафурова «Александр Македонский и Восток», опираясь на широкую базу источников, представлен обстоятельный анализ процесса и итогов завоеваний, связанный с развитием эллинистической империи. Взаимовлияния в области социально – экономических отношений, политической системы и культурных трансформаций с одной стороны уникальны, но с другой во многом вписываются в систему отношений между побежденными и покоренными народами [Гафуров, Цибукидис, 1980, 81]. Происходит активное развитие торговли между Востоком и Западом, формируются новые формы государственности, разрушаются традиционные замкнутые полисные политические и этнические системы, развиваются новые формы религиозных верований. Но при этом единого политического и культурного пространства, о котором мечтал Александр Македонский, так и не сложилось, как общеизвестно империя распалась практически сразу после его смерти. Хотя процесс активного взаимодействия продолжился. Но единства, по мнению большинства исследователей, и не могло сложиться, слишком велика разница культур и ментальности. Впрочем, на наш взгляд, мы можем говорить о дихотомии, когда за ощутимо воспринимаемыми различиями, скрыто внутреннее глубокое единство.

Например, анализируя онтологические концепции древнего мира, мы обнаруживаем поразительное сходство в натурфилософских построениях Востока и Запада. Как известно, в научно-интеллектуальной парадигме древних греков появляется идея гармоничности, целостности и шарообразности Космоса. Космогоническое представление о шарообразности вселенной было не чуждо и для восточных учений. Достаточно сказать, что в самой Авесте упоминается об этом. Абу Муин Насир Хосров аль-Кабадияни аль-Марвази, который считался одним из знатоков зороастрийской религии в своей книге «Зод-ул-мусофирин», что в переводе означает «Книга припаса путешественников», писал, что «Вселенная подобна шару, которая вращается» [Ашуров, 1960, 57].

Представляется интересным проанализировать концепции времени, представленные на

Западе и Востоке, во многом определяющие темпы развития цивилизаций и отношение к деловой активности людей. Весьма распространенным убеждением является, то, что в западных культурах время понимается линейно и прогрессивно, интенсивно текущее от прошлого к будущему, на Востоке же сохраняется цикличность понимания времени, отсюда его «медлительность» и до определенного исторического момента «затишье» в развитии [Льюи, www].

Однако цикличность времени присуща не только восточному миропониманию и философским учениям. Например, в античной культуре подобное понимание времени также было одним из определяющих. Например, в «Диалогах» Платона, присутствует многоплановое понимание круговорота времени, представленное в цикличности построения диалогов, отражающих принцип познания мира, а также в представлениях о душе человека и социально-политическом развитии [Светлов, 2000]. И это было неспроста. Дело в том, что научное познание того времени еще не знало категорию безвозвратности времени. Неслучайно античная мысль греков приняла именно учение Аристотеля о застывшей Вселенной. В последующие века европейцы оставались в плену взглядов о круговороте времени, не смотря на внесенное христианством линейное понимание, они не восприняли полностью и абсолютно идею безвозвратности времени. Хоть акт распятия Христа трактовался как общекосмическое событие, тем не менее, если на это взглянуть с точки зрения христианского вероучения, речь идет о круговороте времени. То есть подчеркивается мысль о том, что хотя историческое время имеет свою определенную направленность, на самом деле она зажата с двух сторон, то есть время протекает в том пространстве, которое определяет сам Бог. Отсюда идея Второго Пришествия Христа, а учение о наступлении Царствия Небесного имеет сходство с идеей мифологического сознания о цикличности истории, гибели и рождении мира заново. Цикличность времени доминировала и в традиционалистском сознании западноевропейского средневековья, что блестяще проанализировано в работе известного отечественного медиевиста А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры» [Гуревич, 1984, 103-167].

Изменения в сознании и культуре Запада, начинаются, как известно, с эпохи Возрождения, но она во многом была подготовлена тем, что Запад в Средние века, в результате крестовых походов, перенял многие научные и технические открытия именно у Ближнего и Среднего Востока. Впоследствии эти знания дали толчок бурному развитию философии и науки в Новое время, породив современную европейскую цивилизацию. Именно в эпоху Возрождения и с началом периода Нового времени, начинается ее доминирование на мировой политической арене, формируются многие понятия и представления современного западного мира, включая кристаллизацию понимания личности и ее роли в общественно-политическом развитии. При этом пути Запада и Востока все больше расходятся, формируется европоцентристский взгляд, получивший свое оформление в работах Гегеля и вслед за ним, западные мыслители долго сомневались в самобытности и значимости, как восточной философской мысли, так и ценности понимания личности на Востоке. По замечанию Зумруда Кулизаде: «Видение и определение свободы самосознания, как греко-западного явления, приводит Гегеля к выводу о том, что начало философии, являющейся результатом свободного самосознания, в Греции. “Философия в собственном смысле начинается на Западе. Лишь на Западе восходит эта свобода самосознания... в блеске Востока индивидуум только исчезает”» [Кулизаде, www].

Под влиянием заявленной позиции формируется ряд стереотипов в понимании личности, взаимоотношений личности и общества на Востоке, которые до настоящего времени транслируются рядом современных востоковедов и исследователей истории философской

мысли.

В первую очередь речь идет, о социально-этическом аспекте и он сводится к следующей мысли: на Востоке личность преимущественно не имеет права сомневаться в традиционном укладе своей жизни, а в социально-культурном пространстве Запада постепенно формируется иное отношение к личности, предоставляя все больше возможностей и свобод.

Второй аспект рассматриваемой проблемы, имеет социально-политический характер. Утверждается, что на Востоке, как в теории, так и на практике, личность привязана к семье и установившемуся укладу общества и государства. А на Западе все устроено так, что личность имеет свои приоритеты, которые могут идти в противоречие с общественными установками и, что личность свободна в своем социально-политическом выборе.

Третий вопрос имеет религиозный аспект: утверждается, что на Западе Бог более милостив, он ценит духовную автономность личности и при духовном общении оставляет за личностью его собственный выбор. А на Востоке наоборот наблюдается духовная поработченность, что противоречит самому понятию свободной личности.

Данные формы понимания, которые, как уже было отмечено, укоренились в западной культурной традиции и философской мысли, имеют идеологизированную окраску, упрощенность логической конструкции и наталкивают на определенные размышления.

Во-первых, те понятия, которые послужили основой для вышеприведенных умозаключений, давно потеряли свое первоначальное историко-культурное значение. Так, понятия «восток», «восточная культура», «восточная ментальность», «восточный человек» в отрыве от конкретного исторического и культурного контекста не имеют научной значимости, да и понятие «западная культура» является весьма абстрактным.

С одной стороны, если посмотреть, на культуру Запада, то мы видим культурно-историческую общность, которая начинается с духовно-культурной традиции Древней Греции и Рима. Также хорошо известно, что в формировании этой культурной традиции разных европейских народов особое место и значение имеет их религиозное единство, обусловленное распространением христианства и усилением его позиций в средневековье. В то же время, внутри христианства, начиная с XI века, мы наблюдаем конфессиональное деление на католиков и православных, а с XVI века еще и протестантов. Эти направления определяют не только культурную составляющую, но и систему общих мировоззренческих взглядов, повлиявших, как на социокультурное, так и экономическое, политическое развитие народов, принявших то или иное направление. К тому же разделение на Западную и Восточную Римскую империю в 395 году, после падения последней; тысячелетнее существование Византии, благодаря которой в сферу христианской, европейской культуры был включен славянский мир; становление в средние века европейских государств как самостоятельных образований, – все это позволяет говорить о единстве западного мира весьма условно. Но, однако, оно было большим, чем на Востоке и объединяющим началом при этом оказалось христианство, отличавшееся в культовой практике, но имеющее практически единый догматический базис, а установка: «мы европейцы – мы христиане», до сих пор является порой несознаваемым, но значимым маркером.

В Азии же никогда не было единой культурной традиции. Если даже цивилизацию византийцев, иранцев и индийцев со времен нашествия арабов, можно условно скрепить в единое исламское культурное пространство, все равно в стороне остаются такие классические цивилизации, как китайская и египетская, которые имеют свои отличительные культурно-религиозные традиции. Правда, между этими цивилизациями существовали синхронные и диахронные связи, но эти связи были не в той степени, и такого масштаба, чтобы можно было

бы говорить о едином культурном и историческом феномене. В данном ракурсе можно говорить преимущественно о едином географическом пространстве.

Во-вторых, некоего «базового» понимания человека и личности на Западе и Востоке никогда не было. Концепция прав и свобод человека создана новоевропейской социально-философской и политической мыслью, на базе возрожденческого гуманизма. К месту будет сказано, что, эпоха Ренессанса представлена европейскими исследователями как «уникальный культурно – исторический феномен», но берет он свое духовное начало, в том числе и на Востоке. Например, европейцев того времени поразила мысль Авиценны об активном разуме. Он трактовался как духовная субстанция, которая присуща всем людям, и что она проявляется в каждом разуме индивида по-своему [Богоутдинов, 1961, 77]. Идея автономности разума, которая лежит в основе рационализма Запада, берет свое начало именно с данного понимания Авиценны.

Таким образом, модель восприятия личности человека на Востоке европейскими мыслителями как интроверта, подчиненного нормам семьи, государства, не имеющего собственной ярко выраженной личностной позиции, является весьма поверхностной и не обоснованной, так как в каждой исторической и культурной традиции понимание о человеке и личности менялись, в частности и в гуманистическом контексте. Порой те социально-философские и «культурологические модели», посредством которых западные мыслители описывали «восточного человека» подобны тому, как пытаться вдохнуть жизнь в скульптуру человека.

Западная востоковедческая наука, в частности исламоведческая, имеет еще одну методологическую установку, которая заключается в приравнивании культурных традиций Востока с теми или иными религиозными системами. По их мнению, каждый социально-культурный феномен, приобретая религиозную окраску, теряет свою культурную идентификацию. Правда, нельзя сбрасывать со счета воздействие идеологии ислама на духовную жизнь мусульманских стран, в частности во времена арабского халифата, а также в ряде современных стран, но ставить знак равенства между ними также было бы ошибочным. Культурная самобытность стран Востока не обусловлена только религиозной принадлежностью, безусловно, необходимо учитывать и множество других факторов, определяющих их облик, в том числе, в современной реальности.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что, стремясь найти культурные различия между народами Запада и Востока, многие мыслители упускают из виду, что при имеющихся различиях в традиции, философии и культуре народов Запада и Востока, в них есть много общего, прежде всего, гуманистическое понимание личности. Как отмечает Е.У Байдаров: «Специфика Востока и Запада, их отличие друг от друга, онтологически укоренено. Вместе с тем Восток и Запад укоренены не в разных, а в одной и той же объективной онтологии. Это – онтология Универсума и Человека, Космоса и Макрокосмоса. Поэтому по своей универсальной сущности и Человек Востока, и Человек Запада один и тот же; равно один и тот же предстоит и тому и другому. В то же время, Восток и Запад представляют собой лишь два модуса единого Целого, различающиеся противоположными модальностями (как Инь и Янь в китайской философии). Они как «сиамские близнецы», неслиянно-нераздельны, и в качестве таковых присутствуют во всем» [Байдаров, www]. Все вышесказанное определяет глубинное единство культур, открывает возможности для

взаимодействия цивилизаций Запада и Востока, включая ситуацию политических и идеологических трансформаций, сложившуюся в современном мире.

Библиография

1. Ашуров Г. Философский трактат Носира Хисрава «Зод-ал-Мусофирин» // Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. 1960. Вып. 2. С. 53-60.
2. Байдаров Е.У. Проблемы дихотомии «Запад-Восток», «Восток-Запад» в глобалистике. URL: <http://credonew.ru/content/view/644/59/>
3. Беккер К. История древнего мира; Восток; Греция. М.: Ulma-Press, 2002. 448 с.
4. Бертельс А.Е. Насир-и Хосров и исмаилизм. М., 1959. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005452635?ysclid=18n5n2pb7z424881281>
5. Богоутдинов А.М. Очерки по истории таджикской философии. Душанбе: Таджикгосиздат, 1961. 332 с.
6. Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М.: Наука, 1980. 456 с.
7. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
8. Кулизаде Э. Восток в гегелевской концепции истории философии. URL: <https://zumrudquluzade.wordpress.com/2014/03/16/45/>
9. Льюис Р. Как разные культуры понимают время. URL: <https://www.businessinsider.com/how-different-cultures-understand-time-2014-5?IR=T>
10. Светлов Р.В. Платон и идея круговорота времен (фрагмент). 2000. URL: http://platoakademeia.ru/index.php/ru/academeia/item/55-academeia_3_26

Socio-philosophical analysis of the interaction of cultures of East and West

Marina V. Bykhovets

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy and History,
Siberian University of Consumer Cooperation,
630073, 26, Karla Marksa ave., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: bihmv@yandex.ru

Farrukh A. Tursunov

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy and History,
Siberian University of Consumer Cooperation,
630073, 26, Karla Marksa ave., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: farrukh.tursunov@inbox.ru

Aleksei P. Sapegin

Senior Lecturer of the Department of Marketing and Service,
Novosibirsk State Technical University,
630064, 20, Karla Marksa ave., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: vertero@bk.ru

Abstract

This article attempts a socio-philosophical analysis of the key problems of interaction between the cultures of East and West. It is emphasized that, seeking to find cultural differences between the peoples of the East and West, many orientalists lose sight of the common, unifying factors of spiritual and material culture. It is indicated that with all the differences in the traditions and cultures of the peoples of the East and West, they have much in common, and above all, these are the humanistic principles of understanding the place and role of the individual in society. The authors consider the historical, cultural factors of interaction and mutual influence of the regions under consideration. Appeal to the philosophical heritage allows us to determine the ontological unity of these cultures, representing the two poles of a single world. In an effort to find cultural differences between the peoples of the West and the East, many thinkers lose sight of the fact that, despite the differences in the traditions, philosophy and culture of the peoples of the West and the East, they have much in common, first of all, a humanistic understanding of the individual. All of the above determines the deep unity of cultures, opens up opportunities for interaction between the civilizations of the West and the East, including the situation of political and ideological transformations that have developed in the modern world.

For citation

Bykhovets M.V., Tursunov F.A., Sapegin A.P. (2022) Sotsial'no-filosofskii analiz vzaimodeistviya kul'tur Vostoka i Zapada [Socio-philosophical analysis of the interaction of cultures of East and West]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 80-87. DOI: 10.34670/AR.2022.63.94.008

Keywords

East, West, socio-cultural interaction, spiritual and material culture, humanistic principle, personality, culture, history, philosophy.

References

1. Ashurov G. (1960) *Filosofskii traktat Nosira Khisrava «Zod-al-Musofirin»* [Philosophical treatise of Nosir Khisrav "Zod-al-Musofirin"]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoi SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk* [Proceedings of the Academy of Sciences of the Tajik SSR. Department of social sciences], 2, pp. 53-60.
2. Baidarov E.U. *Problemy dikhonomii «Zapad-Vostok», «Vostok-Zapad» v globalistike* [Problems of the dichotomy "West-East", "East-West" in global studies]. Available at: <http://credonew.ru/content/view/644/59/> [Accessed 12/12/2022]
3. Becker K. (2002) *Istoriya drevnego mira; Vostok; Gretsia* [Ancient history]. Moscow: Ulma-Press Publ.
4. Bertels A.E. (1959) *Nasir-i Khosrov i ismailizm* [Nasir-i Khusraw and Ismailism]. Moscow. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005452635?ysclid=l8n5n2pb7z424881281> [Accessed 12/12/2022]
5. Bogoutdinov A.M. (1961) *Ocherki po istorii tadzhikskoi filosofii* [Essays on the history of Tajik philosophy]. Dushanbe: Tadzhikgosizdat Publ.
6. Gafurov B.G., Tsibukidis D.I. (1980) *Aleksandr Makedonskii i Vostok* [Alexander the Great and the East]. Moscow: Nauka Publ.
7. Gurevich A.Ya. (1984) *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo Publ.
8. Kulizade E. *Vostok v gegelevskoi kontseptsii istorii filosofii* [East in the Hegelian conception of the history of philosophy]. Available at: <https://zumrudquluzade.wordpress.com/2014/03/16/45/> [Accessed 12/12/2022]
9. Lewis R. *Kak raznye kul'tury ponimayut vremya* [How Different Cultures Understand Time]. Available at: <https://www.businessinsider.com/how-different-cultures-understand-time-2014-5?IR=T> [Accessed 12/12/2022]
10. Svetlov R.V. (2000) *Platon i ideya krugovorota vremen (fragment)* [Plato and the idea of the cycle of time (fragment)]. Available at: http://platoakademeia.ru/index.php/ru/academeia/item/55-academeia_3_26 [Accessed 12/12/2022]

УДК 01

DOI: 10.34670/AR.2022.18.72.010

Проблема обоснования наличия у Российской Федерации национальной идеи

Кражан Анастасия Сергеевна

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: Krazhan@mail.ru

Шелест Алексей Алексеевич

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: Krazhan@mail.ru

Аннотация

Национальная идея играет важную роль в политике Российской Федерации. Однако споры о ее существовании не утихают по сей день. В данной статье авторы рассуждают о том, существует ли на сегодняшний день национальная идея в России. Отмечается, что без национальной идеи государство не может существовать. Она является инструментом объединения общества, особенно в тяжелые для страны времена. Государство транслирует в массовое сознание определенный набор положений, принимаемый социумом, который можно назвать национальной идеей. Российская национальная идея апеллирует к гражданам России, дает им «историческую миссию», суть которой заключается в защите и сохранении таких ценностей, как традиционная семья, единство народов, память о Великой Отечественной войне и т.д.

Для цитирования в научных исследованиях

Кражан А.С., Шелест А.А. Проблема обоснования наличия у Российской Федерации национальной идеи // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 88-93. DOI: 10.34670/AR.2022.18.72.010

Ключевые слова

Национальная идея, патриотизм, Специальная военная операция, Великая Отечественная война.

Введение

Любая нация нуждается в систематизированном, обобщенном национальном самосознании, которое определяет смысл ее существования, выражающийся в искусстве, гуманитарных науках, философии и т.д. В современном информационном обществе очень важно наличие хорошо проработанной национальной идеи, позволяющей способствовать развитию гражданского общества, каждый член которого будет чувствовать личную ответственность за свою нацию и государство. Российская Федерация не является исключением. Уже сейчас политические элиты российского государства во время проведения Специальной военной операции на территории Украины ради сохранения общественного единства и стабильности пытаются оформить патриотические ценности в единую систему.

Объектом исследования является национальная идея, предметом – российская национальная идея.

Цель статьи – обосновать наличие у Российской Федерации национальной идеи.

Задачи: 1) дать определение понятию «национальная идея»; 2) рассмотреть историю формирования национальной идеи в России; 3) установить, в чем выражается национальная идея современной Российской Федерации.

Основная часть

Авторы исследования считают, что у современной Российской Федерации, как и у многих других сильных государств, есть национальная идея. Для того чтобы установить, в чем она выражается, для начала стоит дать ей определение и рассмотреть историю ее формирования в России.

В современной литературе дано довольно много определений понятия «национальная идея». Рассмотрим некоторые из них:

1. Большая актуальная политическая энциклопедия: национальная идея – систематизированное, устойчивое ко времени обобщение национального самосознания, представленное чаще всего в форме социально-философских или общественно-политических, художественных произведений, т.е. могущее иметь как рациональный, так и образный вид.

2. Игорь Борисович Орлов: национальная идея – это устойчивое представление индивида об основополагающем в прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия, а также соответствующее состояние общественного сознания.

3. Введение в историю и теорию культуры. Словарь: национальная идея – совокупность понятий, ценностей, идеалов, составляющих самобытное содержание и определяющих перспективы развития духовной культуры и мировоззрения отдельного этноса, народа или группы народов, объединенных в единое государство.

Интересный подход к определению понятия «национальная» идея предлагает исследователь Тураев Вадим Анатольевич. Он разделяет его на два отличающихся друг от друга понятия:

1) национально-государственная идея – продукт творчества политической элиты, ее идеологических ориентаций, может меняться в зависимости от исторических обстоятельств.

2) национальная идея народа – продукт народной культуры в ее историческом развитии, она живет в нем во все времена, при всех политических режимах; чаще всего она может не иметь яркой формулировки, но всегда существует, пока жив тот или иной народ.

Вадим Тураев делает важное замечание о том, что государство и его персоналии не являются

единственными субъектами формирования национальной идеи. Оно посредством административного ресурса, введения государственной идеологии и т.п. может оказывать влияние на этот процесс, но на него также оказывает немалое воздействие негосударственная творческая активность социума. Влиять на формирование национальной идеи также способны различные обстоятельства национальных масштабов, вроде успеха или неуспеха страны в каких-либо областях деятельности, боевые действия, принятие и развитие религиозной концепции и т.д. [Тураев, 2022].

В целом, представленные дефиниции национальной идеи свидетельствуют о том, что они очень схожи. Имеющегося уровня схожести будет достаточно для того, чтобы выделить неотъемлемые черты этого явления:

- 1) определенный набор символов и ценностей, вокруг которых могут объединяться граждане;
- 2) апеллирование к этносу, народу, нации;
- 3) артикуляция принципов, лежащих в основе национальных интересов;
- 4) определенная идеологическая программа, построенная на патриотизме, отвечающая на исторические национальные вопросы и имеющая долгосрочный план действий на будущее, наличие «исторической миссии»;
- 5) ориентация на сохранение своей актуальности в течение десятилетий, столетий и т.д.

История развития национальной идеи России также разнообразна, как и ее понятийный аппарат, и имеет несколько исторических эволюционных этапов:

- 1) Киевский период, в котором Древняя Русь, став частью православного мира, получила представление своеобразного религиозного, культурного и социально-политического устройства, где народ стала объединять вера в Бога;
- 2) Русь Монгольская, которая у большинства историков расшифровывается как «период распада единства»;
- 3) Московское Царство, в котором Русь становилась новой Византией. Вследствие возникает идея о русских как о «богоносном народе»;
- 4) романо-германское иго – период расслоения национальной идеи России на «романовщину» для элиты (поворот на Европу) и «немая ностальгия масс по Московскому царству» для народа;
- 5) советский период, который идентифицируют как победу московского начала над Санкт-петербургским и как несение человечеству вести о «социальном спасении» [Орлов, 2012].

Есть ли у современной Российской Федерации национальная идея? Прежде всего, стоит отметить, что на этот вопрос однажды утвердительно ответил Президент РФ Владимир Владимирович Путин на встрече с активом Клуба лидеров в 2016 году. Он назвал патриотизм действующей национальной идеей, которая способствует улучшению всех сфер жизнедеятельности российского социума, а также работы государства.

Специалист Л.Г. Фишман считает, что на формирование современной российской национальной идеи большое влияние оказывает память о победе в Великой Отечественной войне. С этой точки зрения государство консолидирует социум с помощью постоянного апеллирования к событиям Второй мировой войны, подчеркивая положительный итог патриотического единения народа в этот тяжелый для страны период истории. Власть стремится сделать господствующей в массовом сознании одну единственную интерпретацию тех событий, которая наиболее выгодна для поддержания стабильности в сегодняшней России и сохранения лояльности большей части населения. Это можно проследить, например, в таких

государственных решениях, как введение 354.1 статьи («Реабилитация нацизма») в Уголовный кодекс Российской Федерации [Фишман, 2021].

В год начала Специальной военной операции на Украине для поддержания патриотического духа с первого сентября каждая учебная неделя школьников будет начинаться с торжественной церемонии поднятия флага и исполнения российского гимна. При этом удостоены поднятия флага будут лучшие ученики.

Немаловажная роль в поддержании патриотической идеи среди молодежи отводится всероссийскому детско-юношескому военно-патриотическому движению «Юнармия», основателем которого является министр обороны Российской Федерации Сергей Шойгу. По его словам, цель движения заключается в том, чтобы каждый юнармеец верил в свою Родину, знал ее историю, гордился подвигами отцов и дедов и понимал, к чему можно и нужно стремиться [Шойгу: Цель Юнармии – воспитать патриотов, а не кадры для вооруженных сил, [www](http://www.vestnik-putin.ru)].

Важным моментом в рассматриваемом вопросе также являются поправки в Конституцию Российской Федерации, которые были, помимо прочего, связаны с закреплением за русскими статуса «государствообразующего народа», утверждением традиционных семейных ценностей, провозглашением единства на основе общей тысячелетней истории всех народов на территории страны и т. д.

Заключение

Без национальной идеи государство не может существовать. Она является инструментом объединения общества, особенно в тяжелые для страны времена. Сегодня, когда Российская Федерация вступила в конфронтацию с Западным миром, проводя Специальную военную операцию, целями которой являются демилитаризация и денацификация Украины, патриотизму отведена особая роль как механизму объединения и сплочения россиян.

По итогу государство транслирует в массовое сознание определенный набор положений, принимаемый социумом, который можно назвать национальной идеей. Российская национальная идея апеллирует к гражданам России, дает им «историческую миссию», суть которой заключается в защите и сохранении таких ценностей, как традиционная семья, единство народов, память о Великой Отечественной войне и т.д. Специальная военная операция в определенной мере помогла в развитии этого явления, в укреплении его набора идеалов в массовом сознании, в более системной трансляции ценностей со стороны государства в информационное поле.

Библиография

1. Беляков А.В., Матвейчев О.А. Большая актуальная политическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2009. 412 с.
2. Борисенко В.И., Чернышева Е.Н. Поправки в Конституцию Российской Федерации (2020 год) // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 1.
3. Встреча В.В. Путина с активом Клуба лидеров // Официальное интернет-представительство Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51263#sel=233:28:Fff,234:46:afX>.
4. Дугин А. Эволюция национальной идеи Руси (России) // Русский толстый журнал как эстетический феномен. URL: gorky.media.
5. Орлов И.Б. Национальная идея России. В 6 т. Т. 2. М.: Научный эксперт, 2012. 752 с.
6. Тураев В.А. Национальная идея как смысл существования и стратегия развития этноса // Россия и АТР. 2022. № 1. С. 7-15.
7. Фишман Л.Г. Идеология и победа. Журнал политической философии и социологии политики // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2021.

8. Шойгу: Цель Юнармии – воспитать патриотов, а не кадры для вооруженных сил // Информационное агентство «РИА Новости». URL: ria.ru.

The problem of substantiating the existence of a national idea in the Russian Federation

Anastasiya S. Krazhan

Student,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: Krazhan@mail.ru

Aleksei A. Shelest

Student,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: Krazhan@mail.ru

Abstract

The national idea plays an important role in the politics of the Russian Federation. However, disputes about its existence do not subside to this day. In this article, the authors discuss whether there is a national idea in Russia today. It is noted that without a national idea, the state cannot exist. It is a tool for uniting society, especially in difficult times for the country. The state translates into the mass consciousness a certain set of provisions adopted by society, which can be called a national idea. The Russian national idea appeals to the citizens of Russia, gives them a "historical mission", the essence of which is to protect and preserve such values as the traditional family, the unity of peoples, the memory of the Great Patriotic War, etc.

For citation

Krazhan A.S., Shelest A.A. (2022) Problema obosnovaniya nalichiya u Rossiiskoi Federatsii natsional'noi idei [The problem of substantiating the existence of a national idea in the Russian Federation]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 88-93. DOI: 10.34670/AR.2022.18.72.010

Keywords

National idea, patriotism, Special military operation, Great Patriotic War.

References

1. Belyakov A.V., Matveichev O.A. (2009) *Bol'shaya aktual'naya politicheskaya entsiklopediya* [Great topical political encyclopedia]. Moscow: Eksmo Publ.
2. Borisenko V.I., Chernysheva E.N. (2022) *Popravki v Konstitutsiyu Rossiiskoi Federatsii (2020 god)* [Amendments to the Constitution of the Russian Federation (2020)]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 1.

3. Dugin A. Evolyutsiya natsional'noi idei Rusi (Rossii) [Evolution of the national idea of Rus' (Russia)]. *Russkii tolsty zhurnal kak esteticheskii fenomen* [Russian thick magazine as an aesthetic phenomenon]. Available at: gorky.media [Accessed 12/12/2022].
4. Fishman L.G. (2021) Ideologiya i pobeda. Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki [Ideology and victory. Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics]. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz* [Politiya. Analysis. Chronicle. Forecast].
5. Orlov I.B. (2012) *Natsional'naya ideya Rossii. V 6 t. T. 2* [National idea of Russia. In 6 vols. Vol. 2]. Moscow: Nauchnyi ekspert Publ.
6. Shoigu: Tsel' Yunarmii – vospitat' patriotov, a ne kadry dlya vooruzhennykh sil [Shoigu: The goal of the Yunarmiya is to educate patriots, not personnel for the armed forces]. *Informatsionnoe agentstvo «RIA Novosti»* [Information agency "RIA Novosti"]. Available at: ria.ru [Accessed 21/12/2022].
7. Turaev V.A. (2022) Natsional'naya ideya kak smysl sushchestvovaniya i strategiya razvitiya etnosa [National idea as the meaning of existence and strategy for the development of an ethnos]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region], 1, pp. 7-15.
8. Vstrecha V.V. Putina s aktivom Kluba liderov [Putin with the members of the Leaders Club]. *Ofitsial'noe internet-predstavitel'stvo Prezidenta Rossii* [Official website of the President of Russia]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/51263#sel=233:28:Fff,234:46:afX> [Accessed 23/12/2022].

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2022.62.44.011

Феномен патриотизма: элемент социальности или же симулякр?**Кучуков Магомед Мусаевич**

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры истории и философии,
Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет,
360030, Российская Федерация, Нальчик, пр. Ленина, 1В;
e-mail: kuchukovm@mail.ru

Кучукова Жанета Магомедовна

Доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории и философии,
Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет,
360030, Российская Федерация, Нальчик, пр. Ленина, 1В;
e-mail: kuchukova.1976@mail.ru

Аннотация

Интерес к исследуемой проблеме вызван процессами депатриотизации социокультурной жизни современного социума, распространением неадекватных интерпретации патриотизма, его роли в общественной жизни; ситуацией неопределенности в понимании внутреннего содержания патриотизма, перспектив видоизменения. Реальной предпосылкой происходящих трансформаций стало парадигмальное перестроение евразийского социально-этнического, политического пространства; десоверенизация и размывание государственной политической субъектности в современном мире. Патриотизм функционален в создании условий для интегративных процессов в обществе и реализуется в формировании социального механизма взаимосвязей и отношений отдельного члена общности с социальным целым (государством). В то же время, патриотизм существует как сложное и системное образование, имеющее в своей структуре субъект-объектные и субъект-субъектные отношения, идеологию и явления сознания, психики. Методологической основой исследования являются принципы системности и историзма, используются методы сравнительно-исторического и структурно-функционального анализа, сравнения и аналогии. Позитивное значение статьи: в определении социального содержания феномена, в обосновании предопределяющей роли патриотизма в становлении и развитии социального организма; в аргументации существования патриотизма в качестве элемента базовых структур, формирующих социумное существование человека; в обосновании существования патриотизма на основе реализации охранительной функции по отношению к социальному организму и собственной безопасности.

Для цитирования в научных исследованиях

Кучуков М.М., Кучукова Ж.М. Феномен патриотизма: элемент социальности или же симулякр? // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 94-103. DOI: 10.34670/AR.2022.62.44.011

Ключевые слова

Социальность, патриотизм, государственный патриотизм, отечество, родина, симулякр, история, политика.

Введение

Распад в конце прошедшего века Великой евразийской цивилизации произошел, в том числе, и в результате генерируемого кризиса социальности, затронувшего все узловые механизмы, скрепляющие социум в деятельностном существовании. Значительную роль при этом сыграли манипуляции общественным сознанием, мировоззрением, дискредитация наработанных многими поколениями жизненных ценностей. Целенаправленно и последовательно меняли понимание сущности и существования патриотического сознания и деятельности. В общественное сознание вводились представления о вредности и ненужности патриотизма в условиях происходящей глобализации. Создавались симулякры патриотизма, как изображения, образа явления у которого нет реального подлинника. В общественную жизнь вносились потребительские формы взаимоотношений, все духовное оказалось отодвинутым на второй план. За прошедшие десятилетия возник лавинообразный поток публикации разного формата с целью разложения существующих форм общественных отношений, замещение их явлениями индивидуализма и эгоизма, безнравственностью как нормы жизни, отказа от идей служения Родине и Отечеству. Так в обстоятельной статье журнала «Логика прогресса» (более 60 только ссылок) был дан ответ на вопрос «Что такое патриотизм и полезен ли он». Утверждается, что патриотизм стимулирует развитие вражды между странами, тормозит прогресс «... является ложью и порождает ложь...» [Родионов, www]. В другом материале указывается, что: «Патриотизм – как опиум. Он может быть полезен в некоторых критических ситуациях и под его влиянием люди могут испытывать положительные чувства, эффективно мобилизовываться. Однако в долгосрочной перспективе он вреден и смертельно опасен» [Сендер, www]. Такое же уничижительное отношение к феномену проявляет В.С. Львов, используя при этом некоторые суждения П.Я. Чаадаева и Л.Н. Толстого о патриотизме [Львов, www].

Проблема определения сущности и роли патриотизма в формировании и развитии социальности становится актуальной. Возникла необходимость в теоретико-методологическом анализе патриотизма, в определении социального содержания и природы исследуемого феномена. В статье верифицируется гипотеза генезиса патриотизма как элемента формирующейся и развивающейся социальности, как формы духовности, стимулирующей центростремительные процессы в социуме, как явления социально-исторического порядка, существующего с необходимостью.

Основная часть

Патриотизм – это явление, известное с начала цивилизационного развития человеческого общества. Патриотизм связан с деятельным существованием человека во всех возможных структурах человеческого бытия. Патриотизм существует и как явление определенной сферы общественной жизни (политической, социальной или же духовной), и в то же время, является социальным феноменом, имеющим свое место в базовых структурах социальности и культуры,

человеческого личностного существования. Патриотизм это один из элементов бытия, возникшего вместе с формированием отдельного общества, государства, живущего в отношениях с подобными образованиями. Но проявляется, в первую очередь, на поверхности общественной жизни как феномен политической жизни, стимулирующий защиту интересов общности. Существует в идеях и представлениях, чувствах и поступках, формирующих тип деятельности, играющий значимую роль в периоды социальных трансформации. Определение патриотизма в современных словарях многовариантно. Анализ существующих определений патриотизма свидетельствует о том, что представления о патриотизме менялись в зависимости от исторических, цивилизационных, этнических, личных представлении и убеждении автора определения. В то же время, существует некий общепринятый, выработанный в прошлом, смысл, который отражен в различных источниках. Словарь В. Даля определяет патриота как любителя «отечества, ревнителя о благе его...» [Даль, 1978, 24]. В современном энциклопедическом словаре так же указывается что слово «патриотизм» обозначает любовь к отечеству, деятельность во благо родины, а также привязанность к месту своего рождения, месту жительства [Новый энциклопедический словарь, 2002, 88]. Патриотизм традиционно понимается как социально-политический и моральный принцип, отражающий содержание и особенности отношения индивида к своей стране. Но в современных словарях (философских, политологических, политических) понятие патриотизма часто не рассматривается.

Анализ патриотизма начинается с определения феномена как любви к Отечеству и Родине и это предопределяет дальнейший ход рассуждений. Многие исследователи строят свои суждения о патриотизме на основе анализа патриотизма как одной из форм любви человека. Этим самым феномен патриотизма упрощается, сводится к одной из эмоциональных сфер человеческого существования. Патриотизм более сложное явление и в современном обществе существует на всех уровнях мотивационной структуры человеческой деятельности. Более всего, патриотизм проявляется как феномен политической жизни, функционирует и во внутренней и внешней политике. Политологический анализ сущности и существования патриотизма необходимо предварить решением более общей теоретической проблемы, выявляющей ее социокультурную природу. Необходимо определиться с объективными основаниями появления патриотизма в общественной жизни, в историческом существовании человека. Необходимо при этом иметь ввиду что, получаемые результаты в исследовании патриотизма как феномена политической жизни зависят от исходных принципов понимания форм и способов социального существования человека. Принципы понимания общественной жизни выработаны многовековым развитием философской рефлексии социального мира в многообразных формах проявления и существования. Различие подходов создает возможность для всестороннего рассмотрения феномена. В то же время, каждая концепция в отдельности имеет как преимущества, так и недостатки и, вместе с тем, имеет право на интерпретацию исследуемого феномена патриотизма. Понимание патриотизма, его интерпретация зависит, в немалой степени, от интерпретации общества как конкретно исторического образования. В теоретическом социальном познании было в основном выработано два подхода к пониманию общества. Основой понимания общественной жизни является интерпретация отношении индивида и общества, определения степени субстанциональности каждой из них. Исторически первая точка зрения была выражена еще в античной философии. Аристотелю принадлежит суждение о соотношения человека и общества: «государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку...» [Аристотель, 1983, 379]. Эта традиция имеет многих последователей по настоящее время. В то же время, новомодными являются

индивидуалистические трактовки общественной жизни, возникновение которых во многом было обусловлено стремлением противостоять марксистской социальной философии. Сжато и полно о сути двух подходов было сказано в предисловии к работе Ф. Хайека, где указано: «Коллективисты (Сен-Симон, Конт, Гегель, Маркс, неомарксисты, структуралисты) утверждают, что коллективистским понятиям соответствует некая определенная реальность, автономная и независимая от людей. Сторонники методологического индивидуализма (А. Смит, Д. Юм, К. Поппер, Хайек – ближе к ним Р. Будон) утверждают, что коллективным понятиям не соответствует никакая специфическая реальность. Классов, обществ, партий, ни даже вооруженных сил не существует.» [Хайек, 1999, 43]. Появление патриотизма в общественной жизни, корректно интерпретировать возможно на основе идеи существования надындивидуальных социальных субъектов (государств и цивилизации, стран и социально-групповых общностей). Генезис и изменения патриотизма происходило вместе с колебаниями и развитием надындивидуальных, коллективных субъектов, частью которых осознавал себя человек. М. Шелер, утверждая о существовании аксиом социологии знания, определил первую из них в следующей форме: «...нет никакого "я" без "мы", и "мы" генетически всегда раньше наполнено содержанием, чем "я"» [Малинкин, 1999, 87]. В начале человеческой истории патриотизм возникает в форме предпосылок, явлений, выполняющих такие же функции. У социализирующегося человека такую роль выполняли инстинкты, стадный и инстинкт самосохранения, они вызывали коллективные действия. Далее, в становлении социальности патриотизм проявляется в форме деятельности во имя защиты членов своего рода и племени, их собственности. О патриотизме как феномене политического процесса можно говорить, отталкиваясь от познания его социально исторического содержания, проявляющегося во многих событиях и странах, при интерпретации истории тех или иных государств. Патриотизм, и как явление, и как идеологема, «работает» при рассмотрении жизнедеятельности конкретно-исторических стран как реальных субъектов истории, определяющих жизнедеятельность индивидов, членов общества. Обособленный социум представляет собой целостное образование, не сводимое к существованию составляющих его людей. Социальный смысл патриотизма и проявляется при интерпретации основ и причин целостности общества, особого субъекта, развивающегося по собственным, только ему присущим законам.

Каждое такое общество существует, будучи государственно-организованной целостностью. История и судьбы общностей определяются качествами существующей государственности власти на этой территории. Патриотизм на поверхность общественной жизни выходит в первую очередь как явление сферы политических отношений и процессов. В то же время, существует как многогранное явление, «прописанное» во всех сферах общественной жизни. Свидетельством чему может быть и то, что патриотизм является предметом многих обществоведческих дисциплин и теории. Исследование патриотизма через призму политики и политической деятельности должно быть в корреляции с пониманием его существования в других сферах общественной жизни. В зависимости от методологических установок созданы различные интерпретации природы патриотизма. Это и вульгарно-биологическое определение патриотизма как явления, обусловленного видовыми особенностями человеческого существования, это и субъективно-идеалистические, и психологические интерпретации патриотизма как нечто определяемого особенностями человеческой психики, инстинктов и самосознания. Имеются и религиозные, и объективно-идеалистические концепции патриотизма.

Мы исходим из традиционной, общей для многих концепции, где патриотизм трактуется:

а) как один из результатов формирования социумной жизнедеятельности, возникновения социального организма, пришедшего на смену родоплеменным общностям. Патриотическое сознание, чувства – это явления духовной жизни, возникающей с необходимостью, объединяя общность надприродного характера, мотивируя существующую коллективность созданными ценностями общности. В существующей реальности обыденной жизни патриотизм предстает элементом общественного сознания, содержащим характер отношений индивида к исторически сложившемуся обособленному социуму, воспринимаемому как Отечество, Родина; б) патриотическое сознание проявляется и функционирует в деятельности личности и иных социальных субъектов во имя самоопределяемого и самодостаточного бытия общности.

Патриотизм – это явление общественного сознания, структурируемая патриотической идеологией и психологией, мифологией и патриотическими чувствами. Патриотизм всегда имеет индивидуальные, особенные черты и они формируются в отношениях с особенностями социально-экономической, политической и духовной среды его существования. Патриотизм возникает в процессе освоения созданной многими поколениями культуры социального существования. Требование патриотизма образуется в общественной жизни, отражая единение людей в коллектив, способный обеспечить необходимый уровень удовлетворения потребностей и интересов у членов общности. Такая коллективность в целостности материальных и духовных факторов для индивида выступает как Отечество, Родина. Социальные общности возникли и существуют вместе с человеком разумным, но в роли отечества и родины они выступали не всегда. Образование отдельных социальных организмов, государственно-территориальных образований присуще конкретным периодам истории, детерминированным развитием социальности и культуры. Род человеческий осуществляет свою жизнедеятельность, будучи целостностью, в отношениях с остальным миром. Но достижение такого единства во внутренних общностных связях происходит на основе становления единой системы социального существования в пределах жизнедеятельности мирового сообщества. До этого человечество существует разделенное государственными границами, охвачено противоречиями, различиями этническими, цивилизационными и т.д. И в современности, и в начале своей истории человечество составляло общность, где элементарным составом является совокупность индивидов. Но дихотомия индивид – и род человеческий опосредовано историческим развитием социума. На цивилизационной стадии развития социальности и культуры возникают объективные условия для формирования патриотического сознания и деятельности. Патриотизм возникает естественно-исторически в процессе развития форм общественной жизни и в первую очередь политики как деятельности по поводу власти внутри сложившихся исторических социальных общностей и между такими образованиями. На определенном этапе развития социальности и культуры человечество формируется в систему сосуществующих социально-политических общностей. Формирование такой системы имеет определенную логику, раскрывающую и необходимый характер появления феномена патриотизма. Схематично эту логику можно определить исходя из развития кооперации жизнедеятельности индивидов, способов саморегуляции.

Человечество в начале своей истории было скреплено естественно-природными видовыми признаками, свойствами. Становление социальности и культуры происходило в процессе возникновения кооперации устойчивой деятельности. Социум – это всегда единение людей в коллективы разных масштабов. Первой исторической формой объединения людей было образование родовых общин.

Следующей ступенью кооперации людей было становление коллективов, связанных

отношением к государству, борьбой за власть. Такие общности и стали на определенном этапе развития для индивида Родиной и Отечеством. Человечество с появления первых цивилизации и по настоящее время существует как система сосуществующих государственно-территориальных этносоциальных образований. Развитие человечества как совокупности социально-политических общностей лежит в основе появления разнообразных интересов, политики и политических процессов, идеологии. Судьба каждого государства во многом определяется характером отношения с другими общностями, государствами. Развитие человечества есть неразрывная связь взаимодействия и взаимовлияния различных стран. Необходимо исходить из того, что: «Ни одна страна», ни один даже «самый маленький и удаленный народец» не находится вне этой цепной связи, и даже на ранних ступенях истории человечества «из этой цепи не было изъято ни одно даже самое дикое самое первобытное племя» [Поршнева, 1960, 15, 108]. Существование всякого социального организма реализуется в возникновении и развитии как внутриобщественных, так и межобщностных отношений. Человек же в результате долгого исторического развития, с возникновением индустриального общества становится человеком политическим, который осуществляет свою жизнедеятельность сообразно пониманию потребностей социума, частью которой он является.

Социальные организмы существуют, имея механизмы единения и консолидации, отвечая на имеющиеся интересы и потребности. В обществе возникает сознание необходимости деятельности личности во имя страны, государства, как в решении проблем организации общественной жизни, так и в отношениях с другими сосуществующими общностями. Эти идеи, теории, декларирующие защиту интересов общности и выраженные в определенных установках, идеальных целях, создающих групповое единство, определенную форму коллективной жизнедеятельности, и есть патриотизм. Каждая личность в структуре социальности, при наличии многих иных функций, выступает, в первую очередь, в роли субъекта развития социума. Патриотизм всегда апеллирует к интересам развития всей общности и проявляется механизмом единения личных интересов с общественными. В обществе создаются представления и идеи, психологические установки и стереотипы поведения, определяющие и актуализирующие социально значимые проблемы, обосновывающие цели субъектной деятельности и пути их решения. Эти идеальные феномены и составляют содержание патриотизма в каждую историческую эпоху. Патриотизм выражает принадлежность человека к данной социально-политической общности и обособляет от других подобных общностей. Развитие человечества в форме сосуществующих цивилизации и, позднее, национальных государств и есть исторические рамки существования патриотического феномена.

Патриотизм, в различной степени выраженности, появляется в рамках, возникших в различных регионах человеческой ойкумены цивилизации. В то же время, в близком к сегодняшнему содержанию и форме, впервые патриотизм проявляется в греко-римской цивилизации. Формирование цивилизации разваливает взаимоотношения между индивидами, основанными на кровном родстве, и заменяет отношениями, основанными на праве, на законах. Появляется феномен социальных и политических интересов, разделяющих общество на многие социальные группы. И появляется феномен патриотизма, иницирующий и оправдывающий человеческую активность ссылкой на высшие общественные интересы. Патриотизм является следствием выросшей в значительной мере социальности в осуществлении жизненного процесса. Патриотизм, как правило, существует, обладая конкретными историческими и цивилизационными характеристиками, вплетенными в жизнедеятельность того или иного

государства. Государство как отдельный социальный организм, территориально-политическая и культурная общность в мир личности входит в качестве Отечества и Родины, отстаивающие его интересы, и в интересах которых он обязан действовать. Патриотизм имеет единую социальную сущность и, в то же время, имеет исторические особенности, форму и содержание. Особенности патриотического сознания, психологии зависят от объекта отражения, т.е. от того, что отражается в сознании индивида как отечество и родина. Отечество, Родина – это понятия, которые вбирают в себя основные условия, явления, определяющие жизнь человека. Отечество и Родина в течение многих поколений для человека существовали в мистифицированной форме, опираясь на символы и знаки, мифы. Исследование объекта патриотизма предполагает рационализацию чувственно-образных представлений отечества и родины, анализ отечества и родины как совокупности социальных образований, структуры общества, в котором существует родина и отечества человека. В философии аксиоматическим стали представления, что окружающий нас мир разделен, но вместе с тем континуален. Общество характеризуется как система, имеющая сложную структуру, организацию. Структура общества включает в себя не только отдельные элементы, части в виде отдельных людей и их объединений, но также их свойства и отношения, позволяющие нам отделить одни социальные объекты от других. Человек обрел свои основные родовые качества как существо коллективное. Социальная система предстает перед человеком как совокупность условий социализации и деятельности, в процессе которой изменяются эти условия и общество в целом. Традиционно в отечественном обществоведении отечество определяется как социальная, политическая и культурная (духовная) среда. Оправданным является выделение элементов отечества в соответствии с основными сферами общественной жизни. В основных сферах общественной жизни складывается человеческая жизнь и, вместе с тем, возникают идеи и представления об их оптимальности или же необходимости изменения. В то же время, и сама социально-политическая общность, сферы общественной жизни, политика и государство существуют, имея предварительным условием формирование и длительное развитие этнической общности (народа). На индустриальной стадии развития человеческой цивилизации этнос-народ становится нацией, т.е. народом, осознавшим свою политическую субъектность. Такой же незыблемой основой бытия является этническая территория (родина), культура, история, принятая идея существования народа.

Заключение

Социальная, политическая деятельность, активность порождается и определяется коренящимися в ее основе различными материальными и духовными потребностями, интересами, мотивами, ценностными ориентациями. В определенных отношениях человеческая деятельность происходит на основе сознания необходимости служения отечеству и родине.

Такая деятельность формируется, имея вполне реальные цели и притязания, существующие в основных формах и сферах общественной жизни. Отечество, родина для индивида является одним из основных условий его жизнедеятельности. В данных понятиях отражаются: во-первых, природно-этнические, «вечные», исторически мало изменяющиеся условия существования личности, определяющие его бытие. В сознании они отражаются в понятиях родная земля, родной язык, обычаи, традиции, народ и т.д.; во-вторых, общественные условия бытия индивида, наиболее изменчивые, отражающие историческое развитие общества и выступающие для индивида в качестве среды деятельности, обуславливающие потребности

человека, его интересы и цели. Все эти феномены оказываются взаимосвязанными. Патриотизм с адекватным содержанием, как правило, генерирует субъектное самосознание. В то же время, изменение содержания патриотического сознания происходит на основе процессов, протекающих в основных сферах общественной жизни. Жизнедеятельность личности осуществляется в многообразии социальной деятельности, и условия бытия воздействуют на сознание и поведение личности через деятельность, в которую эта личность вовлечена. Деятельность – это активное связывающее звено между личностью и средой обитания. Деятельность человека складывается в соответствии с условиями, и существуют в определенных формах. Существует как явление менталитета и коллективного бессознательного, проявляется в инстинктах и структурируется в систему рационально созданных представлений и идеи, формирующих цели патриотической деятельности и определяющих методы их достижения. Патриотизм функционален в создании условий для интегративных процессов в обществе и реализуется в формировании социального механизма взаимосвязей и отношений отдельного члена общности с социальным целым (государством). В то же время, патриотизм существует как сложное и системное образование, имеющее в своей структуре субъект-объектные и субъект-субъектные отношения, идеологию и явления сознания, психики. Содержание патриотизма детерминировано: прошлым социума, исторической памятью и фольклорными образами; реальной ситуацией и традициями взаимоотношения сложившихся в системе сосуществующих социальных организмов (отдельных обществ, государств); содержанием и особенностями функционирующего общественного сознания, характером и качеством накопленных социумом общих жизненных ценностей.

Библиография

1. Аристотель. Политика // Соч. в 4-х т. М., 1983. Т. 4. С. 379.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 3. 894 с.
3. Львов В.С. Патриотизм как архетип. Концептуальный анализ понятия патриотизм. URL: http://samlib.ru/l/lxwow_w_s/patriotizmkakarhetip.shtml
4. Малинкин А.Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // Социологический журнал. 1999. № 1-2. С. 87-117.
5. Новый энциклопедический словарь. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. С. 488.
6. Поршнев Б. Социальная психология и история. М., 1960. С. 528.
7. Родионов А. Что такое патриотизм и полезен ли он? URL: <https://logikaprogressa.com/antifashizm/patriotizm.html>
8. Сендер М. Почему патриотизм вреден для общества. URL: <https://antimif.com/>
9. Толстой Л.Н. Христианство и патриотизм // Полное собрание сочинений. М., 1956. Т. 39. С. 457.
10. Хайек Ф.А. Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений. СПб., 1999. С. 434.

Phenomenon of patriotism: element of sociality or simulacrum?

Magomed M. Kuchukov

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of History and Philosophy,
Kabardino-Balkarian State Agrarian University,
360030, 1B, Lenina ave., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: kuchukovm@mail.ru

Zhaneta M. Kuchukova

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of the Department of History and Philosophy,
Kabardino-Balkarian State Agrarian University,
360030, 1B, Lenina ave., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: kuchukova.1976@mail.ru

Abstract

The interest in the problem under study is caused by: the processes of depatriotization of the socio-cultural life of modern society, the spread of inadequate interpretations of patriotism, its role in public life; a situation of uncertainty in understanding the inner content of patriotism, the prospects for modification. The real prerequisite for the ongoing transformations was the paradigm restructuring of the Eurasian socio-ethnic, political space; desovereignization and erosion of state political subjectivity in the modern world. Patriotism is functional in creating conditions for integrative processes in society and is realized in the formation of the social mechanism of interconnections and relations of an individual member of the community with the social whole (the state). At the same time, patriotism exists as a complex and systemic formation, having in its structure subject-object and subject-subject relations, ideology and phenomena of consciousness, psyche. The methodological basis of the research is the principles of consistency and historicism, methods of comparative historical and structural-functional analysis, comparison and analogy are used. In the argumentation of the existence of patriotism as an element of the basic structures that form the social existence of a person; in substantiating the existence of patriotism on the basis of the implementation of a protective function in relation to the social organism and one's own security.

For citation

Kuchukov M.M., Kuchukova Zh.M. (2022) Fenomen patriotizma: element sotsial'nosti ili zhe simulyakr? [Phenomenon of patriotism: element of sociality or simulacrum?]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 94-103. DOI: 10.34670/AR.2022.62.44.011

Keywords

Sociality, patriotism, state patriotism, fatherland, motherland, simulacrum, history, politics.

References

1. Aristotle (1983) *Politika* [Politics]. In: *Soch. v 4-kh t.* [Op. in 4 vols.]. Moscow. Vol. 4.
2. Dal' V. (1978) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow: Russkii yazyk Publ. Vol. 3.
3. Hayek F.A. (1999) *Poznanie, konkurentsia i svoboda. Antologiya sochinenii* [Knowledge, competition and freedom. Anthology of compositions]. St. Petersburg.
4. L'vov V.S. *Patriotizm kak arkhetyp. Kontseptual'nyi analiz ponyatiya patriotizm* [Patriotism as an archetype. Conceptual analysis of the concept of patriotism]. Available at: http://samlib.ru/l/lxwow_w_s/patriotizmkakarhetip.shtml [Accessed 12/12/2022]
5. Malinkin A.N. (1999) *Ponyatie patriotizma: esse po sotsiologii znaniya* [The concept of patriotism: an essay on the sociology of knowledge]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Journal of Sociology], 1-2, pp. 87-117.
6. (2002) *Novyi entsiklopedicheskii slovar'* [New encyclopedic dictionary]. Moscow: RIPOL KLASSIK Publ.
7. Porshnev B. (1960) *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya* [Social psychology and history]. Moscow.
8. Rodionov A. *Chto takoe patriotizm i polezen li on?* [What is patriotism and is it useful?]. Available at:

-
- <https://logikaprogressa.com/antifashizm/patriotizm.html> [Accessed 12/12/2022]
9. Sender M. *Pochemu patriotizm vreden dlya obshchestva* [Why patriotism is harmful to society]. Available at: <https://antimif.com/> [Accessed 12/12/2022]
10. Tolstoy L.N. (1956) *Khristianstvo i patriotizm* [Christianity and Patriotism]. In: *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow. Vol. 39.

УДК 130.1

DOI: 10.34670/AR.2022.35.21.012

О характере современных социальных элит (опыт философской рефлексии)

Стожко Дмитрий Константинович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры креативного управления и гуманитарных наук,
Уральский государственный экономический университет,
620144, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62;
e-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Шиловцев Андрей Владимирович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

Емельянова Светлана Ивановна

Старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
620075, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42;
e-mail: eva_vodzinska@mail.ru

Макарова Татьяна Николаевна

Старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
620075, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42;
e-mail: rowanta@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен современной социальной элиты, изучаются ее специфика и трансформация. Целью исследования является определение характера и особенностей современной социальной элиты. Для выявления характерологических признаков феномена социальной элиты использованы методы диалектики, герменевтики, структурно-функционального и программно-целевого подходов. Особое внимание уделяется критериям определения элитарности и их верификации. На примере политических, экономических и интеллектуальных элит выявляется их идеологическая и аксиологическая метаморфоза в контексте формирования нового качества самого

общества. В контексте известной идеологемы Э. Фромма «иметь или быть» авторы формулируют идею «казаться или быть» о новом тренде в развитии феномена социальны элит в условиях новой социальной реальности. В качестве мейнстрима в генезисе современной социальной элиты рассматривается хайп как сравнительно новая форма репрезентации. Аргументируется тезис о господстве редукционного, релятивистского и позитивистского подходов к постановке и исследованию теории элит в современной гуманитарной науке. На основе философского анализа феномена социальной элиты формулируется представление о духовной доминанте, определяющей ее социальный статус и, в свою очередь, определяемой силой авторитета, уважения веры и любви.

Для цитирования в научных исследованиях

Стожко Д.К., Шиловцев А.В., Емельянова С.И., Макарова Т.Н. О характере современных социальных элит (опыт философской рефлексии) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 104-114. DOI: 10.34670/AR.2022.35.21.012

Ключевые слова

Аксиология, власть, идеология, интеллект, культура, номенклатура, потребление, привилегии, социальный класс, элита.

Введение

Теория элит появилась на рубеже XIX-XX вв. благодаря работам Гаэтано Моска и Вильфредо Парето. Кстати, именно В. Парето, который был экономистом и лидером Лозаннской экономической научной школы, и ввел в научный лексикон термин «элита». В дальнейшем теория элит получила свое развитие в сочинениях французских философов Ж. Делеза, Ж. Деррида, М. Фуко, благодаря которым она стала постмодернистской. Именно благодаря этим авторам были определены основные критерии элиты, к числу которых относились критерий качества (элита – это лучшее) и критерий власти (элита – это нечто, обладающее властью). Но уже на этом этапе развития теории элиты возникло серьезное внутреннее противоречие, связанное с тем, что оба критерия далеко не всегда сосуществуют вместе. На практике оказалось, что лучшая часть общества, например с точки зрения культуры, образования, науки, не обладает властью и таким образом оказывается какой-то полуэлитой. С другой стороны, лица, находящиеся у власти, лучшие они или худшие с точки зрения качества, также оказываются полуэлитой.

Что касается отечественной теории элит, то до 1980-х гг. ее практически не существовало, а сама данная категория в науке не изучалась. Это и понятно, поскольку в обществе действовал принцип «Коммунистическая партия Советского Союза – ум, честь и совесть нашей эпохи». Несмотря на заявленные высокие нравственные приоритеты, высшие партийные и политические функционеры подвели СССР к саморазрушению, ввергнув народы страны в конце 1980-х гг. в бедность, а нередко и в братоубийственные военные конфликты.

В Св. Писании сказано: есть время разбрасывать камни, а есть время их собирать. Время собирать эти самые «камни», или, иначе говоря, восполнять упущения в науке, в том числе и изучая элиту, наступило. Более того, изучение элиты стало даже модным, о чем свидетельствуют многочисленные публикации по данной проблематике [Дука, 2014, т. 1, 56].

Результаты исследования

Нынешний этап научного изучения проблематики элиты свидетельствует о колоссальном разбросе мнений по поводу самой сущности элиты как явления социальной и духовной жизни. Элитарность часто связывается либо с уровнем потребления («человек в лимузине»), либо с властью («человек во власти»), либо с престижем («человек из богемы»), либо с таинственностью («человек-тайна»), либо с информированностью («компетентный человек») и т. д. Иными словами, перечень критериев отнесения к элите разросся до больших масштабов, что свидетельствует о редукционизме и релятивизме в самой современной гуманитарной науке, ее позитивистской направленности. Мы говорим «элита», подразумевая под этим почти все. Точно так же, как говорим о богатстве, включая сюда счет в банке, стоимость жилья, автомобиля, яхты, доходы, уровень потребления, качество жизни и т. д.

Как в известной притче о том, «что такое мир», в современной науке ведутся споры и дискуссии, в результате которых набор признаков элитарности постоянно перетасовывается, перетряхивается. В упомянутой притче Бог спросил всех живых тварей и получил ответ: от рыбы, что мир – это когда много воды и водорослей; от верблюда, что мир – это когда много песка и вкусных колбасок; от медведя, что мир – это когда много леса, грибов и ягод; от птиц, что мир – это когда много воздуха и т. д. Единственное, что объединяло всех живых существ в их представлениях о сущности мира, – это наличие еды.

Человек также является живым существом. Соответственно, в его представлении о мире момент потребления присутствует самым очевидным образом. Поэтому Ж. Бодрийяр назвал современное общество обществом потребления. Но в вопросе об элитарности момент потребления оказывается верифицированным и дифференцированным. О первом свидетельствует наличие других критериев элитарности, а о втором – разное качество и уровень потребления социальных субъектов.

Важным критерием элиты является общественное признание. Авторитет, имидж, репутация также служат признаками принадлежности человека к элите, как и названные выше характеристики. Измерять смысл жизни исключительно размером счета в банке или собственного кошелька, портмоне – большая ошибка. Сведение высшего к низшему, духовного к материальному – это все тот же редукционизм, о котором мы говорили выше.

Однако неуклонно растущая в последние три десятилетия политическая, макроэкономическая и культурная нестабильность, неопределенность, турбулентность привели к тому, что возникло внутреннее фрондирование в самой элите, которая стала дробиться на части, на фракции, противостоящие друг другу, критикующие друг друга и, что самое главное, разрушающие друг друга. В соответствии с этим в науке стали появляться рассуждения о разных элитах: глобальных (мировых), национальных, региональных, местных, экономических, политических, культурных, духовных, интеллектуальных и т. д.

Наряду с качественными критериями элиты все более актуальным становятся и ее количественные параметры. Может ли элита насчитывать сто человек, сто тысяч человек, сто миллионов человек или считаться «золотым миллиардом» в общей численности населения планеты? Вопрос далеко не надуманный, если учитывать ограниченность ресурсов, потребляемых человечеством.

В связи с данной ограниченностью в экономической науке появилось такое течение, как мальтузианство. Его родоначальник Т.Р. Мальтус даже сформулировал, как ему казалось, отдельный экономический закон, согласно которому численность населения на Земле растет в

геометрической пропорции, а производительность труда и масштаб средств, необходимых для существования людей, – в арифметической прогрессии. Соответственно, со временем между этими прогрессиями возрастает несоответствие и отдельные люди оказываются в числе элиты, а другие, которых большинство, на дне социальной лестницы. Выход из ситуации – войны, которые сокращают численность населения и совокупный спрос на ресурсы. Однако военные конфликты – это предельный или даже запредельный способ выживания одних за счет других. Само общество придумало и другие вполне себе даже сносные способы такого выживания, например льготы и привилегии. Именно наличие льгот и привилегий стало со временем способом выживания одних за счет других и тем самым принадлежности к элите.

Так, в советское время благодаря таким льготам и привилегиям появилось даже нечто, напоминавшее особый социальный класс, – номенклатура [Андреев, 1988, 284]. Рассматривая номенклатуру как социальную элиту, многие авторы (М.С. Восленский, М. Джилас¹ и др.) связывали принадлежность к ней именно с привилегиями и льготами, а уже потом с правом принимать ключевые решения и т. д. Свидетельством правомерности такого понимания номенклатуры является тот факт, что не только сами чиновники, но и члены их семей и даже родственники могли пользоваться различными льготами и привилегиями. Это состояние напоминает средневековый nepotism (от лат. *nepotis* – «внук, племянник»), являясь, по сути, разновидностью фаворитизма, кумовства, блатом. Это явление в полной мере сохраняется и в постсоветской России. Следовательно, говорить о новой элите или об изменении ее качества вряд ли уместно, а если и говорить, то это нужно делать с оговорками и поправкой на реальность, а не на отвлеченные рассуждения.

Современная элита, в отличие от элит прошлого, в большей степени вульгарная, т. е. пошлая, грубая, непристойная. Она стремится в большей степени казаться, чем быть, напоминая этим Чичикова из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Это объясняется распространением в обществе идеи потребления: стяжательства, накопительства, мотовства, «показухи». В качестве одного из примеров такой «показухи» является современный хайп.

Новая социальная реальность, сложившаяся в условиях затяжного глобального социально-экономического кризиса, фиаско политики мультикультурализма, распространения пандемии COVID-19, перехода к новому технологическому укладу и действия ряда других факторов, стала фактом [Новая социальная реальность..., 2020, 108]. Одним из наиболее характерных проявлений этой новой социальной реальности стал усилившийся процесс социального отчуждения между людьми, то, что называлось прежде социальным одиночеством. Это явление чем-то напоминает стокгольмский синдром: человек привыкает к тому, что объективно вредно и несвойственно ему, а затем даже начинает испытывать к этому некое влечение и определенное удовольствие.

Переход от коллективистского формата жизни к индивидуальному и виртуальному, отчасти даже изоляционному ее формату облегчили компьютерные сети: многие люди перешли к работе «на удаленке», к встречам в социальных сетях и даже продукты питания и лекарства теперь заказывают через Интернет. Как тут не вспомнить слова Г. Маркузе о том, что «комфорт, бизнес и обеспеченная работа в обществе, готовящемся к ядерному уничтожению, могут служить универсальным примером поработанного довольства» [Маркузе, 1994, 319]. Написано, по

¹ См.: Восленский М.С. Номенклатура. М.: Захаров, 2016; Джилас М. Новый класс: анализ коммунистической системы. Нью-Йорк, 1957.

нашему мнению, как для сегодняшнего дня. Сегодня кардинально меняется сам образ жизни современного человека. Формируется то, что принято называть «жизнь соло» [Кляйненберг, 2017, 79].

В условиях растущего одиночества, преимущественно виртуальной системы общения человек оказывается подвержен многим опасностям, о которых ранее он и не подозревал. И такие опасности обусловлены растущим бескультурьем, которое распространяется через разного рода кич-культуры и прочие «изыски попсы».

Состояние современного общества можно охарактеризовать как глубинную трансформацию его традиционной культуры. Суть этого явления определяется кризисом современного глобализма, системы ценностей, а также политической, экологической и макроэкономической нестабильностью, неопределенностью и турбулентностью. Именно эти обстоятельства стимулируют экстремизм в культуре, который выступает в различных формах. Одной из таких форм служит самопрезентация, которая строится на основе фейков и инсинуаций, раздутого эго и амбиций. Достаточно распространенным способом такой самопрезентации является тот же хайп.

В переводе с английского языка *hype* означает «преувеличение». В разговорном смысле его чаще всего используют в значении «истерия» [Самарин, 2019, 84]. Трудно не заметить в проявлениях современной культуры, причем не только молодежной, но и медиакультуры, политической культуры, экономической культуры, такую истеричность. В принципе слово «хайп» – это жаргонное слово, оно еще не нашло своей постоянной «прописки» в научном лексиконе. Но поскольку явление, которое обозначается этим термином, существует и распространяется, такая «прописка» становится лишь делом времени.

Принято считать, что в основе хайпа как самопрезентации лежит элементарная амбициозность [Мельникова, 2017, 78]. С таким упрощенным подходом вряд ли можно согласиться, поскольку амбициозность порождается многими причинами. Следовательно, именно эти причины и являются основаниями хайпа. Среди них, по нашему мнению, особую роль играют «греховные» свойства человека: властолюбие, алчность, зависть, карьеризм, человеконенавистничество. Стремление к власти над другими людьми проявляется в одном из правил хайпа – создании сообщества своих сторонников (фанатов, агентов, апологетов). Алчность проявляется в другом «правиле» хайпа – первоначальной заинтересованности людей и последующем ее использовании в своих корыстных целях. Зависть также находит свое отражение в нормативистике хайпа, в частности в изменении своего внешнего вида и в создании нового (лучшего) облика (имиджа). Кроме того, хайп связан с нигилизмом и опровержением уже существующих авторитетов. Выступить против авторитета или подвергнуть сомнению то, что многие считают само собой разумеющимся, для хайпа является нормой.

Для этого можно использовать так называемую «философию отмены». Суть ее состоит в обосновании естественности неограниченного мировоззренческого плюрализма, позволяющего использовать так называемую «культуру отмены» по своему усмотрению, как заблагорассудится. Формально «культура отмены» представляет собой способ привлечь к ответственности за правовые, социальные или этические нарушения каких-либо субъектов путем отказа им в поддержке или через публичное обсуждение. В основном такое осуждение осуществляется в социальных сетях.

Однако, как это часто бывает, хорошее дело оказалось скверно организованным. Остракизм – одно из проявлений такой скверной организации. Если посмотреть на такой остракизм, которому сегодня подвергаются целые страны и народа (а Российская Федерация в

этом отношении – яркий пример), то становятся понятными ущербность и вредоносность хайпа, превратившегося из невинного увлечения в социальную эпидемию. Его сторонники часто рассуждают о новой этике, о допустимости публичных скандалов и разбирательств, о том, что, поскольку этические нормы «не стоят на месте», вполне резонно допускать их нарушение (обновление) по любому поводу и без него (так как повод всегда найдется). Так некоторым сторонникам хайпа видится его диалектика.

Массированная атака на аудиторию, будь то группа зрителей, читателей или целый этнос, часто сопровождается со стороны инициаторов хайпа обвинениями своих потенциальных «клиентов» в аутсайдерстве, заскорузлости, лузерстве и др. Принимая на себя «просветительскую» функцию, инициаторы и организаторы хайпа в действительности не столько преследуют высокие цели (справедливости, правды, возмездия), сколько решают свои вполне «шкурные» и тривиальные задачи. Таким образом, хайп – это новая форма антрепренерства, продюсерства, в которой размыты нравственные ценности и подвергнуты дискредитации нормы общественной морали. Быть хайпистом практически означает быть социопатом. Глубинной почвой для распространения хайпа служит нигилизм (от лат. *nihil* – «ничто»), так точно обрисованный И.С. Тургеневым в романе «Отцы и дети» (1862 г.).

Первоначально словом «нигилист» называли «ниспровергателей существующего строя», революционно настроенную молодежь. Но со временем это значение как бы стерлось в понимании термина, его стали использовать просто как синоним отрицания для всякого рода скептиков и атеистов. Новое слово было подхвачено в обществе сразу же после выхода романа. Его очень точно определил М.Е. Салтыков-Щедрин. Нигилист – это человек, который «на красоту не взирает», «не тоскует по истине», «не волнуется по эстетическим вопросам». Долгие десятилетия это слово считалось ругательным и даже бессмысленным. Иногда даже утверждалось, что это чуждое, пустое, мертвое слово [Колесов, 1988, 170]. Но жизнь показала, что оно вполне содержательно и конкретно обозначает того, кто отрицает опыт прошлого или чьи-то достижения.

Нигилизм свойственен и современной гуманитарной мысли. Так, сегодня предпринимаются попытки «преодоления», «отмены», «закрытия» даже философии [Розов, 2008, 50], не говоря уже о попытках «переписывания» истории или аксиологическом выхолащивании экономической науки. Пытаясь обосновать необходимость такой отмены с позиций интеллектуализма, сторонники данной идеи предлагают использовать замалчивание, игнорирование, диффамацию и иные способы решения задачи. Сложилась даже устойчивая специальная практика такой «отмены» – *канселлинг*, с помощью которого обществу навязываются новое мышление, новые ценности, а традиционные ценности и их живые носители дискредитируются, подвергаются шельмованию. Чего только стоят распространение в западных странах идей квир-сообщества или призывы компании «Meta» убивать русских людей потому, что они русские.

Наиболее распространенным вектором развития хайпа является формирование репутации, а точнее ее разновидности – имиджа, искусственно создаваемого мнения о достоинствах и недостатках того или иного человека (или организации). Ловко манипулируя сознанием человека, организатор хайпа на высокой эмоциональной волне апеллирует к его чувствам, эмоциям, страстям, находит его слабые места для последующего внушения своего месседжа (скрытого послания). С помощью различных методов социальной инженерии хайпист осуществляет свою суггестию, в результате которой адресант (публика, электорат, индивид) некритически воспринимает предоставляемую ему информацию. Список конкретных

технологий здесь довольно широкий [Поварницына, 2016, 124]. Наиболее часто используются манипуляция словами и образами, размывание имени и предмета, подмена понятий, манипуляция числами и мерой, создание ситуации некогерентности [Кара-Мурза, 2005, 415-464, 489-495].

В процессе осуществления хайпа не только его субъект, но и сам объект становятся своеобразным «проектом», неким «брендом» [Тульчинский, 2011, 265]. Иными словами, вместо «быть» они начинают «казаться», их реальное «я» оказывается скрыто под маской, под личиной. Собственно говоря, само слово «личность» является производным от слова «личина» (т. е. маска). Процесс хайпа – это не просто гипербола факта или домысла, это еще и определенный код, алгоритм воздействия на аудиторию с целью формирования определенного «бренда». Здесь-то и проявляется алчное происхождение хайпа, потому что бренд необходим для последующей продажи формируемого имиджа, образа, мифа.

«В мифологическом поле коды играют роль проводников мышления, интегрируют семантику на участках сгущений, обеспечивают логическую двойственность аналогий и в целом задают интенциональность (направленность) движения мысли» [Островский, 2000, 15]. Поэтому мифологизация – «родная сестра» хайпа.

Важным элементом хайпа, наряду с формированием образа, имиджа, бренда, являются их презентация и репрезентация. Известно, что репрезентация позволяет видеть нечто отсутствующее, т. е. то, чего нет. Иначе говоря, в хайпе действительность подменяется кажимостью, нечто лишь выдается за реальность. Но эту кажимость, эту мистификацию необходимо внушить и, наконец, продать. Поэтому осуществляется еще и презентация, способы которой также весьма разнообразны – от создания новой учетной записи или открытия сайта в сетях до рассылки спама и рекламных текстов. Хайп не может обходиться без целевой аудитории, с которой субъект хайпа должен находиться в постоянном контакте. Любой перерыв в таком контакте чреват обвалом подобно тому, как это происходит при прерванном гипнозе.

Именно поэтому хайпист создает свою клиентскую базу. И такой клиентской базой становится именно *целевая* аудитория, которую хайпист подбирает исходя из своих целей и представлений о возможностях сбыта своего продукта. Бескорыстие в этом вопросе неуместно, поскольку оно является проявлением элементарного нарциссизма. А хайпист затрачивает на свою деятельность время, деньги, силы, которые необходимо окупить, да еще извлечь из этого выгоду. Поскольку он должен превращать свои контакты в «звонкую монету» и настроить себя на успех, он формирует собственную клиентскую базу, определяет территорию, на которой ему предстоит осуществлять свой проект [Ли, 2008, 158].

Понятие «целевая аудитория» часто отождествляется с каким-то общим критерием, например с возрастом (молодежная аудитория, пенсионеры), интеллектом (научная аудитория, студенчество), правовым статусом (избирательный электорат) и т. д. Но для хайпа в последнее время стали характерными диверсификация аудитории, обращение к широким массам (пользователей, слушателей, подписчиков и т. д.). Собственно говоря, это явление имеет свою историю. В свое время первый канцлер Германской империи Отто Бисмарк, стремясь объединить разрозненные княжества в единое государство, а жителей разных регионов – в единую нацию, понял, что для этого лучше всего подойдет угроза со стороны внешнего врага, с которым можно начать войну. Таким врагом была объявлена Франция. Во многих отношениях эта ситуация повторяется и теперь, когда Россию сегодня изображают внешним врагом (агрессором, «империей зла» и т. д.) для всей западной цивилизации. Очевидно, что в текущих условиях политический хайп достиг своего апогея.

Рост масштабов хайпа и его усиливающееся влияние на людей требуют серьезной правовой и философской оценки и научного изучения данного явления.

Популяризируется хайп и на современном Западе, свидетельством чего стал выход специального учебника по хайпу. В этом учебнике его автор М. Шейн подробно излагает двенадцать различных стратегий хайпа². Не отстает от него и другой западный автор А. Клэй, выпустившая аналогичную работу, в которой утверждает, что у хайпа есть свои «живительные силы»: отсутствие формализма и самоуправление [Клэй, Филипс, 2018, 46-50]. Из наиболее перспективных направлений развития хайпа она видит умение вовремя определиться с направлением, подражательство, хакерский взлом, осуществление провокаций и т. д.

Думается, все это вполне ясно говорит о моральном облике не только самого хайписта, но и современной социальной «элиты». В связи с этим возникает резонный вопрос о том, есть ли в современном обществе социальная элита как таковая. Или проще и точнее называть то, что считалось элитой, истеблишментом – правящими кругами?

В начале XX в. русский философ С.Н. Булгаков назвал современную ему интеллектуальную элиту педократией – «властью младенцев», подразумевая под эти дилетантизм и нигилизм [Булгаков, 1991, 61]. Много лет спустя другой известный ученый, американский социолог Э. Тоффлер назвал современную ему элиту практопией, связав ее с распространением индивидуализма и либерализма (плюрализма) [Тоффлер, 1999, 56].

Как ни называй элиту («аппарат», «номенклатура», «богема», «режим», «верхи» и т. д.), понятно, что этот феномен эволюционирует. Эволюционирует и само общество, которое называют ныне то «обществом риска» (У. Бек), то «хорошим обществом» (В.Г. Федотов), то «обществом травмы» (Ж.Т. Тощенко) и т. д.

Заключение

Опыт философской рефлексии позволяет сделать следующее умозаключение: исторически настоящая элита всегда была обусловлена силой авторитета, уважения, веры и любви. Любой человек может быть с полным основанием причислен к элите только в том случае, если в общественном мнении он служит идеалом, образцом, которому люди стремятся следовать в своей повседневной жизни. То обстоятельство, что в условиях современного общества – «одномерного универсума» (Г. Маркузе) – идеалами часто становятся «отрицательные ценности» (термин Н.О. Лосского), а образцами – «успешные люди», свидетельствует о глубинной трансформации социальных элит. И в той мере, в какой «маленькие люди» выбирают себе элиту, сама элита состоит из «маленьких людей».

Библиография

1. Андреев С. Причины и следствия // Разорванный круг. Свердловск, 1988. С. 202-284.
2. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия, 1991.
3. Дука А.В. (ред.) Власть и элиты: в 2 т. СПб.: Интерсоцис, 2014. Т. 1. 456 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
5. Клэй А., Филипс К.М. Зарабатывать на хайпе: чему нас могут научить пираты, хакеры, дилеры и все, о ком не говорят в приличном обществе. М.: Эксмо, 2018. 248 с.
6. Кляйненберг Э. Жизнь соло: новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 279 с.

² См.: Schein M. The hype handbook. New York, 2021.

7. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. Л., 1988. 271 с.
8. Ли К. Создание клиентской базы: пошаговое руководство по превращению контактов в деньги. М.: Вершина, 2008. 360 с.
9. Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
10. Мельникова А.Ю. Хайп как способ презентации молодежи в виртуальной среде // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 4. С. 78-81.
11. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносоциальном пространстве. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 208 с.
12. Островский А.Б. Обоснование антропологии мышления // Леви-Стросс К. Путь масок. М.: Республика, 2000. С. 3-18.
13. Поварницына М.В. Манипуляция, суггестия, аттракция и фасцинация в креолизованном тексте // Известия Волгоградского государственного политехнического университета. 2016. № 2. С. 117-124.
14. Розов Н.С. Социологическая «отмена философии» – вызов, заслуживающий размышления и ответа // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 38-50.
15. Самарин Д.А. Хайп как современный медиафакт в пространстве языка и культуры: за и против // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 4. С. 83-88.
16. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.
17. Тульчинский Г.Л. Личность как проект и бренд // Наука телевидения. 2011. № 8. С. 250-265.

On the nature of modern social elites (the experience of philosophical reflection)

Dmitrii K. Stozhko

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of creative management and the humanities,
Ural State University of Economics,
620144, 62 8 Marta st., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Andrei V. Shilovtsev

PhD in History,
Associate Professor at the Department of philosophy,
Ural State Agrarian University,
Associate Professor at the Department of the theory and history of state and law,
Ural Federal University,
620002, 19 Mira st., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

Svetlana I. Emel'yanova

Senior Lecturer at the Department of philosophy,
Ural State Agrarian University,
620075, 42 Karla Libknekhta st., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: eva_vodzinska@mail.ru

Tat'yana N. Makarova

Senior Lecturer at the Department of foreign languages,
Ural State Agrarian University,
620075, 42 Karla Libknekhta st., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: rowanta@mail.ru

Abstract

The nature of modern society is changing rapidly. Social elites are also undergoing transformation processes in the context of steadily growing geopolitical and macroeconomic instability and uncertainty. The study aims to identify the nature and characteristics of the modern social elite. Taking into account the existing theoretical and methodological concepts of studying the phenomenon of social elites, the authors of the article give a historical and retrospective assessment of the evolution of scientific ideas about this phenomenon against the background of the evolution of character and the qualities of society itself. Special attention is paid to the criteria for determining elitism and their verification. Using the example of political, economic and intellectual elites, the authors reveal their ideological and axiological metamorphosis, associated with a change in the role of various signs of elitism (material, cultural, ideological). Hype as a mainstream in the genesis of the modern social elite is viewed as a relatively new form of representation. The article substantiates the idea of the negative impact of hype on the attitude of society to social elites and gives a critical assessment of the existing theories of hype. The authors argue the thesis about the dominance of the reductive, relativistic and positivist approaches to the formulation and study of the theory of elites in the modern humanities. The idea of the key role of spiritual and moral characteristics that determine its social status and the attitude of society towards it is formulated on the basis of the philosophical analysis of the phenomenon of the social elite.

For citation

Stozhko D.K., Shilovtsev A.V., Emel'yanova S.I., Makarova T.N. (2022) O kharaktere sovremennykh sotsial'nykh elit (opyt filosofskoi refleksii) [On the nature of modern social elites (the experience of philosophical reflection)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 104-114. DOI: 10.34670/AR.2022.35.21.012

Keywords

Axiology, power, ideology, intelligence, culture, nomenklatura, consumption, privileges, social class, elite.

References

1. Andreev S. (1988) Prichiny i sledstviya [Causes and consequences]. In: *Razorvannyi krug* [The broken circle]. Sverdlovsk, pp. 202-284.
2. Bulgakov S.N. (1991) Geroizm i podvizhnichestvo [Heroism and selfless devotion]. In: *Vekhi. Intelligentsiya v Rossii* [Milestones. The intelligentsia in Russia]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.
3. Clay A., Phillips K.M. (2015) *The misfit economy: lessons in creativity from pirates, hackers, gangsters, and other informal entrepreneurs*. Simon & Schuster. (Russ. ed.: Clay A., Phillips K.M. (2018) *Zarabatyvat' na khaipe: chemu nas mogut nauchit' piraty, khakery, dilery i vse, o kom ne govoryat v prilichnom obshchestve*. Moscow: Eksmo Publ.)
4. Duka A.V. (ed.) (2014) *Vlast' i elity: v 2 t.* [Power and elites: in 2 vols.], Vol. 1. St. Petersburg: Intersotsis Publ.
5. Kara-Murza S.G. (2005) *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow: Eksmo Publ.

6. Klinenberg E. (2013) *Going solo: the extraordinary rise and surprising appeal of living alone*. Penguin Books. (Russ. ed.: Klinenberg E. (2017) *Zhizn' solo: novaya sotsial'naya real'nost'*. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ.)
7. Kolesov V.V. (1988) *Kul'tura rechi – kul'tura povedeniya* [Culture of speech – culture of behavior]. Leningrad.
8. Lee K. (2005) *Selling against the goal: how corporate sales professionals generate the leads they need*. Kaplan Business. (Russ. ed.: Lee K. (2008) *Sozdanie klientskoi bazy: poshagovoe rukovodstvo po prevrashcheniyu kontaktov v den'gi*. Moscow: Vershina Publ.)
9. Marcuse H. (1991) *One-dimensional man: studies in the ideology of advanced industrial society*. Beacon Press. (Russ. ed.: Marcuse H. (1994) *Odnomernyi chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva*. Moscow: REFL-book Publ.)
10. Mel'nikova A.Yu. (2017) Khaip kak sposob prezentatsii molodezhi v virtual'noi srede [Hype as a way of youth presentation in a virtual environment]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural studies. The Russian South], 4, pp. 78-81.
11. *Novaya sotsial'naya real'nost': sistemoobrazuyushchie faktory, bezopasnost' i perspektivy razvitiya. Rossiya v tekhnosotsial'nom prostranstve* [The new social reality: system-forming factors, security and development prospects. Russia in the technosocial space] (2020). Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.
12. Ostrovskii A.B. (2000) Obosnovanie antropologii myshleniya [Justifying the anthropology of thinking]. In: Levi-Strauss C. *Put' masok* [The way of the masks]. Moscow: Respublika Publ., pp. 3-18.
13. Povarnitsyna M.V. (2016) Manipulyatsiya, suggestiya, attraktsiya i fastsinatsiya v kreolizovannom tekste [Manipulation, suggestion, attraction and fascination in a creolized text]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State Polytechnic University], 2, pp. 117-124.
14. Rozov N.S. (2008) Sotsiologicheskaya "otmena filosofii" – vyzov, zasluzhivayushchii razmyshleniya i otveta [The sociological "abolition of philosophy" as a challenge that deserves reflecting and answering]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 3, pp. 38-50.
15. Samarin D.A. (2019) Khaip kak sovremennyyi mediafakt v prostranstve yazyka i kul'tury: za i protiv [Hype as a modern media fact in the space of language and culture: pros and cons]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 4, pp. 83-88.
16. Toffler A. (1980) *The third wave*. Bantam Books. (Russ. ed.: Toffler A. (1999) *Tret'ya volna*. Moscow: AST Publ.)
17. Tul'chinskii G.L. (2011) Lichnost' kak proekt i brend [Personality as a project and brand]. *Nauka televideniya* [The art and science of television], 8, pp. 250-265.

УДК 101.1; 130.2; 304.2; 316.752

DOI: 10.34670/AR.2022.92.95.013

Влияние современных социокультурных условий на политическое сознание молодежи: социально-философский анализ

Хисматуллин Сергей Александрович

Аспирант,
Уфимский университет науки и технологий,
450076, Российская Федерация, Уфа, ул. Заки Валиди, 32;
e-mail: sergei.hismatull@mail.ru

Аннотация

В последнее время в России в результате изменений в общественной и политической жизни произошла активизация политической и духовной жизни общества. Благодаря этому выросла роль политического сознания. Если воспитание молодежи основывать на принципах толерантности, политкорректности, гражданственности, патриотизма, ответственности, доверительному отношению к действиям и к самой государственной власти, то это поможет упростить интеграцию молодых людей в политическое и социальное пространство, поможет с усвоением ценностей и норм общества. Эти принципы будут для общества залогом стабильности. Можно сделать вывод о том, что зарубежные манипулятивные технологии создания протестных настроений посредством культуры отмены не оказывают сильного воздействия на политическое сознание молодежи, но не по причине сформированности и непоколебимости базовых патриотических ценностей, а по причине плюральности и отстраненности молодого поколения от политической сферы. Но надо понимать, что игнорирование опасности технологического воздействия, направленного на формирование деструктивных социально-политических настроений среди молодежного сегмента, может привести к необратимым последствиям. Противостоять социокультурным угрозам может только консолидированное российское общество, где основу составляет молодежь, у которой устойчивая и непротиворечивая картина мира, основанная на четкой системе ценностей, в том числе и политических.

Для цитирования в научных исследованиях

Хисматуллин С.А. Влияние современных социокультурных условий на политическое сознание молодежи: социально-философский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 115-120. DOI: 10.34670/AR.2022.92.95.013

Ключевые слова

Социокультурная глобализация, политическое сознание и ценности молодежи, идейно-политические установки, культура отмены, политическая культура.

Введение

При возникновении вопросов государственной безопасности, в первую очередь, приходят идеи военной, технической, экологической безопасности, а социокультурные угрозы уходят на второй план. Но такая позиция является в корне неверной, поскольку именно социокультурные условия могут инициировать деструктивные процессы в обществе. Особенно это касается политического сознания молодежи, поскольку это самая активная социальная группа, на которую оказывают огромное влияние культурные условия. Стабильность и развитие российского государства, в целом, основывается на характере формирования ценностной картины, идейно-политических установках молодежи. Актуальность изучения проблемы влияния социокультурных условия на политическое сознание молодежи обусловлена политической обстановкой на мировой арене, которая несет в себе разнонаправленные тенденции по отношению к российскому обществу, в том числе, и деструктивного характера, как например «культуру отмены», воздействие которой будет подробно изучено далее.

Основная часть

Основной чертой современных политических процессов является социокультурная глобализация. Происходящее в одной точке мира мгновенно становится известно широкому кругу лиц на другом конце планеты благодаря ежедневно развивающимся информационно-коммуникационным технологиям. Влияние на культуру данного процесса многогранно: с одной стороны, стираются грани между государствами, увеличивается влияние американской и европейской культур на содержание и направленность ценностного сознания людей по всему миру, но с другой стороны, происходят уникальные трансформационные процессы национальных культур, их самоидентификация, как например, корейская культура, которая привлекает к себе все больше и больше внимания своей уникальностью.

Политическое сознание молодежи является отражением групповых политических интересов, проявляющихся в политических взглядах и мнениях к органам и представителям власти, к политическим партиям и институтам. При этом формирование политического сознания – это сложный процесс со множеством проблемных точек и противоречий, которые возникают, в том числе, из-за особенностей развития российского общества. В советское время были четко определены ориентиры восприятия мира, социокультуры, политических ценностей. Молодежь того времени императивно знала, каких целей придерживаться, какое будущее их ожидает, к чему нужно стремиться, не задумываясь о глубинных социокультурных процессах и имея в качестве ориентира патерналистски установленную государством позицию. Постсоветская молодежь в переходный период была в идеологическом вакууме, так как представители государственных органов были заняты, скорее, распределением власти, чем политической социализацией молодого поколения. В современной России социокультурные условия сложились таким образом, что молодые люди столкнулись, в целом, с самостоятельным определением ценностной шкалы и определения ориентиров: нет строгих установок, но все же остается сильным влияние социокультурных ориентиров, сформировавшихся у старших поколений, то есть у родителей, поэтому часто возникают межпоколенческие конфликты даже в рамках одной семьи.

При отсутствии строгих внутригосударственных мировоззренческих установок и возрастании роли вышеупомянутой социокультурной глобализации и влияния мировых тенденций. Более того, в глобальной сети Интернет практически невозможно регулировать

поток поступающей информации, ведь запреты и блокировки технически возможно обойти. Учитывая данные факты, можно утверждать, что проводимая на мировой арене политика по отношению к России оказывает огромное влияние на сознание молодежи. При этом общемировые политические события поспособствовали созданию таких социокультурных условий, при которых российские граждане оказались под воздействием культуры отмены.

Канселинг, или культура отмены – это форма общественного бойкота, при котором человек или группа людей исключается из социальных и профессиональных кругов в качестве выражения негативной оценки определенным действиям или высказываниям [Быков, Ахмедова, 2021]. Такое исключение может распространяться на неограниченный круг лиц: отдельная знаменитость, компании, общественные движения и даже государства, как это случилось с Россией. Несмотря на то, что это социальное явление считается новым, подобные механизмы действовали еще в давние времена. Например, действовавший в Древних Афинах отсракизм, в процессе которого народное голосование определяло вопрос об изгнании политического деятеля опасного для государственного строя. В некоторых религиях, также, можно найти примеры отлучения от церкви, что приравнивалось к гражданской смерти человека [Былевский, Цацкина, 2022].

Развитие интернета сделало процесс консолидации общественного мнения более простым и быстрым, поэтому культура отмены стала эффективным способом выражения гражданской позиции. Первым массовым проявлением культуры отмены можно назвать движение #MeToo, результатом которого стало лишение должностей многих политических и культурных деятелей, изъятие из продаж произведений искусства с определенными артистами. Еще одним ярким проявлением считается движение Black Lives Matter. Оно стало более широким, так как затронуло не только современных деятелей, но и исторических: были, например, разрушены памятники Томасу Джефферсону, Джорджу Вашингтону, Христофору Колумбу, которые были связаны с рабовладением или уничтожением коренного населения. Пришлось даже переименовывать улицы, учреждения, компания, которые каким-то образом были причастны к использованию труда рабов [Былевский, Цацкина, 2022].

Как и любой механизм, оказывающий влияние на общественное мнение, культура отмены не осталась вне политики. Политические деятели эффективно используют данный инструмент для своих целей: будь то дискредитация конкурента, привлечение внимания или поддержки, в том числе и финансовой. Культура отмены возможна для применения не только на региональном или государственном уровне, но и на мировом. Когда с инициативой отмены выступают не просто общественные деятели, но и властные структуры, в руках которых еще и экономические ресурсы, канселинг становится тотально блокирующим. Примером является текущее положение России в системе международных отношений. Культура отмены направлена не просто на определенных деятелей, как это было в примерах ранее, а является полномасштабной кампанией, проводимой во всех сферах жизнедеятельности:

- политическая сфера, где Россия исключается из международных организаций, российские представители высылаются или объявляются персонами нон грата;
- в экономической сфере российские банки отключаются от системы SWIFT, иностранные компании уходят с российского рынка, расторгаются контракты и др.;
- в культурной сфере деятелей, которые прямо не высказали антироссийскую позицию, отстраняют от культурной деятельности;
- спортивная сфера, также, полна примеров, где российские спортсмены подверглись сильнейшему давлению.

Вопрос о том, насколько указанные социокультурные условия повлияли на политическое

сознание молодежи наталкивает на вопрос о ценностных ориентациях, преобладающих среди молодежи до указанных событий. Согласно результатам анализа политических предпочтений среди молодежи, проводимым ВЦИОМ, результаты выборов 2018 г. демонстрируют отсутствие широко протестных настроений. А исследование политических ценностей российской молодежи, проведенное на базе ГУУ, показало, что протест в восприятии молодежи выглядит несформированным. В степени готовности отстаивать свои права и интересы молодежь неоднородна, и зачастую эта готовность носит декларативный характер. Более того, большинство представителей молодого поколения тяготеет к ключевым ценностям российского государства – справедливости, патриотизму, уважению к традициям, равенству [Чуев, Тимохович, Гришаева, 2017].

Современные социокультурные условия, в которые поставлена Россия, направлены на изменение отношения российского населения к действиям власти, в особенности среднего класса и молодежи. Но, помимо ценностей, преобладающих в сознании молодежи, необходимо, также, учитывать реальный уровень политической активности российских граждан. Так, тенденцией политической активности молодежи, выделяемой современными исследователями, является мозаичность, деполитизация и деидеологизация политического сознания молодежи. Все чаще наблюдаются гражданская пассивность, апатичное поведение и снижение роли идейно-политических взглядов среди молодежи [Гатиева, 2019]. Только около 14% молодежи интересуются политической сферой, однако и это носит эпизодический характер. Более того, в течение 10 лет доля тех, кто перестал полностью интересоваться политическими новостями, увеличилась с одной трети до 50% [Расторгуев, 2022]. Безусловно, есть доля молодежи, на кого сложившиеся социокультурные условия оказали негативное влияние, часть из них даже была вынуждена уехать из страны, но это, скорее обусловлено, экономическими причинами, нежели идеологическими.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что зарубежные манипулятивные технологии создания протестных настроений посредством культуры отмены не оказывают сильного воздействия на политическое сознание молодежи, но не по причине сформированности и непоколебимости базовых патриотических ценностей, а по причине плюральности и отстраненности молодого поколения от политической сферы. Но надо понимать, что игнорирование опасности технологического воздействия, направленного на формирование деструктивных социально-политических настроений среди молодежного сегмента, может привести к необратимым последствиям. Противостоять социокультурным угрозам может только консолидированное российское общество, где основу составляет молодежь, у которой устойчивая и непротиворечивая картина мира, основанная на четкой системе ценностей, в том числе и политических. При этом важно уделять внимание не просто политическим установкам, а ценностным ориентациям, факторами формирования которых являются не столько социальные, сколько культурные, к которым относятся тип воспитания, культурная принадлежность, группы общения, вид досуга.

Библиография

1. Быков И.А., Ахмедова Ю.Д. Культура отмены в политическом дискурсе современной России // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1. № 1. С. 14-26.

2. Былевский П.Г., Цацкина Е.П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 162-169.
3. Гатиева А.М. Основные тенденции политической социализации молодежи в современном социокультурном пространстве // Инновационные проекты и программы в образовании. 2019. № 1 (61). С. 40-43.
4. Попова С.Ю., Селезнева А.В. Социально-политическая и гражданская активность молодежи: между массовизацией и индивидуализацией // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10. № 1 (37). С. 12-22.
5. Расторгуев С.В. Современные исследования политической идентичности российской молодежи // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (4). С. 89-96.
6. Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 3. С. 20-32.
7. Чуев С.В., Тимохович А.Н., Гришаева С.А. Политические ценности российской молодежи: материалы исследования // Власть. 2017. Том 25. № 11. С. 54-60.

Influence of modern socio-cultural conditions on the political consciousness of young people: socio-philosophical analysis

Sergei A. Khismatullin

Postgraduate,
Ufa University of Science and Technology,
450076, 32, Zaki Validi str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: sergei.hismatull@mail.ru

Abstract

Recently in Russia, as a result of changes in public and political life, there has been an intensification of the political and spiritual life of society. Thanks to this, the role of political consciousness has grown. If the education of young people is based on the principles of tolerance, political correctness, citizenship, patriotism, responsibility, trust in actions and in the state power itself, then this will help to simplify the integration of young people into the political and social space, help with the assimilation of the values and norms of society. These principles will be the guarantee of stability for the society. It can be concluded that foreign manipulative technologies for creating protest moods through a culture of cancellation do not have a strong impact on the political consciousness of young people, but not because of the formation and steadfastness of basic patriotic values, but because of the plurality and detachment of the younger generation from the political sphere. But one must understand that ignoring the danger of technological impact aimed at creating destructive socio-political sentiments among the youth segment can lead to irreversible consequences. Only a consolidated Russian society, where the basis is young people, who have a stable and consistent picture of the world based on a clear system of values, including political ones, can resist sociocultural threats.

For citation

Khismatullin S.A. (2022) Vliyanie sovremennykh sotsiokul'turnykh uslovii na politicheskoe soznanie molodezhi: sotsial'no-filosofskii analiz [Influence of modern socio-cultural conditions on the political consciousness of youth: socio-philosophical analysis]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 115-120. DOI: 10.34670/AR.2022.92.95.013

Keywords

Socio-cultural globalization, political consciousness and values of youth, ideological and political attitudes, cancellation culture, political culture.

References

1. Bykov I.A., Akhmedova Yu.D. (2021) Kul'tura otmeny v politicheskom diskurse sovremennoi Rossii [The culture of cancellation in the political discourse of modern Russia]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnalistika. Obrazovanie. Slovesnost'* [Bulletin of the Kabardino-Balkarian State University: Journalism. Education. Literature], 1 (1), pp. 14-26.
2. Bylevskii P.G., Tsatskina E.P. (2022) Fenomenologicheskii analiz yavleniia «kul'tura otmeny» [Phenomenological analysis of the «cancellation culture» phenomenon]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences], 2 (857), pp. 162-169.
3. Chuev S.V., Timokhovich A.N., Grishaeva S.A. (2017) Politicheskie tsennosti rossiiskoi molodozhi: materialy issledovaniia. [Political values of the Russian youth: research materials] *Vlast'* [Power], 25 (11), pp. 54-60.
4. Gatieva A.M. (2019) Osnovnye tendentsii politicheskoi sotsializatsii molodezhi v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve [The main trends in the political socialization of youth in the modern socio-cultural space]. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii* [Innovative projects and programs in education], 1 (61), pp. 40-43.
5. Popova S.Yu., Selezneva A.V. (2021) Sotsial'no-politicheskaya i grazhdanskaya aktivnost' molodezhi: mezhd massovizatsiei i individualizatsiei [Socio-political and civic activity of youth: between massovization and individualization]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniia. Psikhologiya razvitiya* [Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Acmeology of Education. Psychology of development], 1 (37), pp. 12-22.
6. Rastorguev S.V. (2022) Sovremennye issledovaniya politicheskoi identichnosti rossiiskoi molodezhi [Modern studies of the political identity of Russian youth]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University], 12 (4), pp. 89-96.
7. Selezneva A.V. (2020) Politicheskie tsennosti rossiiskoi molodezhi: sotsiokul'turnye osobennosti i identifikatsionnyy potencial [Political values of Russian youth: sociocultural features and identification potential]. *Obshchestvo. Kommunikatsiya. Obrazovanie* [Society. Communication. Education], 11 (3), pp. 20-32.

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2022.23.73.009

Этическое измерение метода трансдисциплинарности в решении социальных проблем

Чашина Жанна Вячеславовна

кандидат философских наук, доцент,
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, Большевикская ул., 68;
e-mail: chashina.j@yandex.ru

Мочалов Евгений Владимирович

доктор философских наук, профессор,
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, Большевикская ул., 68;
e-mail: mochalov_ev@mail.ru

Писачкин Владимир Александрович

доктор социологических наук, профессор,
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, Большевикская ул., 68;
e-mail: pisachkin@yandex.ru

Скрипник Анатолий Петрович

доктор философских наук, профессор,
Саровский физико-технический институт,
филиала Национального исследовательского ядерного университета МИФИ,
607189, Российская Федерация, Саров, ул. Духова, 6;
e-mail: aoskrypnik@mephi.ru

Аннотация

В статье обосновывается необходимость строгой дифференциации неблагоприятных исходов в результате действий специалистов социальной сферы, в частности, оказания медицинской помощи гражданам; определение критерия и правового статуса, так как негативные последствия в результате лечения являются угрозами индивидуального и общественного здоровья. Анализ исследуемых проблем основывается на методе трансдисциплинарности, системно анализирующем проблему. Данная методология способствует продуктивному развитию межпредметных методов, позволяет сформировать новаторскую мотивацию, систематизировать, осуществить перенос имеющихся знаний в новые ситуации. В ходе исследования выявлена неоднозначность в трактовках различного рода дефиниций неблагоприятных исходов, что приводит к проблемам дифференциации этих понятий. В статье предлагается критерий дифференциации неблагоприятных исходов

в медицинской практике, основанный на действиях медика различающихся в зависимости от следования врачом общепринятым профессиональным требованиям или отступления от них. Неблагоприятные исходы, произошедшие в результате отступления медиком от общепринятых профессиональных требований должны подлежать юридической ответственности. Исследование анализируемых вопросов позволили также вскрыть отсутствие в области права таких категории, как «врачебная ошибка», «ятрогении», и статей регулирующих данные действия.

Для цитирования в научных исследованиях

Чашина Ж.В., Мочалов Е.В., Писачкин А.В., Скрипник А.П. Этическое измерение метода трансдисциплинарности в решении социальных проблем // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 121-130. DOI: 10.34670/AR.2022.23.73.009

Ключевые слова

Долг, «косвенный вред», системный подход, междисциплинарность, «несчастный случай», «прямой вред», трансдисциплинарность.

Введение

Изменчивость – одно из важнейших свойств социокультурной среды. Как правило, смена парадигмы процесса познания исторически связана с социальными причинами. Познавательный процесс есть субъектно-объектный акт, выступающий как соотношение мышления к объекту через моделирование, осуществляемое от внешних признаков к внутренним, позволяющим уяснить саму сущность исследуемого объекта. Процесс познания, происходящий как на эмпирическом, так и рациональном уровнях начинается с мысленного выделения определенного объекта, критерием которого, являются цели человеческой деятельности. В связи с этим человеческое познание не может существовать вне рационального, под которым понимается самодостаточная система общезначимых правил, критериев, эталонов. Рациональное познание предполагает логическое рассмотрение того или иного объекта реальности, основанного на общепринятых принципах, с учетом объективности, рациональности и критичности. На современном этапе социальной философии превалирует постнеклассический тип рациональности, согласно которому получаемые знания об объекте соотносятся с ценностями научного сообщества, и с целями общесоциального характера.

Безусловно, социальная сфера как и любая человеческая деятельность имеет свои отрицательные стороны, в частности, негативные последствия в результате оказания медицинской помощи населению.

Медицина как область человеческой деятельности представляет собой сложную нестационарную систему. Её параметры изменяются, система эволюционирует. Как правило, сложная система обладает свойством целостности, но при этом свойства системы не выводимы только из свойств ее элементов, так как сами элементы системы являются сложными системами, которые содержат элементы упорядоченные как внутренними, так и внешними структурными отношениями, влияющими друг на друга. «Продукты действия» в таких системах могут включать в себя не только желаемый, создаваемый целенаправленно, эффект, но и побочные результаты деятельности. Так как оценка характера действия относительна к характеру

следствия, то и выходы системы будут многочисленными.

Обзор литературы

Источниками по рассматриваемым в статье вопросам послужили труды западных и российских ученых. Так, в частности, методологической базой явились работы Л. Бергаланффи, Е. Морина, И.В. Лысак, Л.П. Киященко, обосновывающих системный подход, соотношение понятий «междисциплинарность» и «трансдисциплинарность» и определяющих трансдисциплинарность как принцип научного исследования, позволяющий интегрировать разрозненные знания в новую целостную систему.

Вопрос «врачебных ошибок» рассматривался мыслителями и врачами еще до н.э., современный подход в отечественной литературе по данной проблематике восходит к работе И.В. Давыдовского. Среди зарубежных авторов следует отметить работу Р.К. Ригельмана. Классификацию, причины «врачебных ошибок», анализ дефиниций сопряженных с «врачебной ошибкой», необходимость определения их правовых критериев для регулирования возмещения вреда и ответственности медиков рассматриваются С.В. Авдеевым, А.И. Козловым, Ю.Т. Шарабчиевым, Н.В. Эльштейном, А.В. Сучковым, Т.В. Сучковой, А.А. Марковым, Джувалыковым, В.В. Колкутиным, А.А. Моховым, А.Г. Фоменко. Такие авторы, как Л. Хелмчен, М. Ричардс, Х. Вудвард, О. Муттон, А. Ханнава, С. Петронио, А. Торке описывают модель раскрытия «врачебных ошибок» и влияние данного механизма на частоту медицинских ошибок в процессе лечения.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили современная медицинская этика, Этический кодекс российского врача, Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ).

Цель статьи проанализировать в рамках субъективных действий трактовки различных дефиниций неблагоприятных исходов в медицине; определить их критерий разграничения; выявить взаимообусловленность правовых и профессионально-этических норм для реализации ответственности медицинских работников и максимальному снижению вредных последствий от некачественной медицинской помощи.

Рассматриваемые объекты связаны между собой диалектически и находятся в междисциплинарном поле познания. Используя антиэлементаристскую стратегию в форме системного подхода, исследуемые проблемы в данной статье выступают эмерджентным свойством системы. Для полноты исследовательской задачи, рассматриваемые в статье проблемы, анализируются в рамках парадигмы трансдисциплинарности. Данная методология характеризуется конвергенцией методов исследования, использование которых с учетом естественных и гуманитарных наук, позволяют произвести анализ на нескольких уровнях одновременно, систематизировать изучаемые вопросы, и как следствие выйти на новый виток фактов, которые в свою очередь позволяют выявить новые положения в исследуемых проблемах.

Наибольшая результативность данной методологии достигается на базе диалектического метода через основные функции научного познания: объяснение, понимание и прогнозирование. Если для объяснения того или иного факта достаточно логического выведения из соответствующего эталона, то в рамках понимания (герменевтического метода)

существование двух способов познания (один зависящий от субъективности, второй нет) затрудняет понимание рассматриваемых объектов. Прогнозирование же из новых полученных фактов позволяет сделать вывод о гипотетических предположениях, которые в будущем стоит открыть.

Результаты

Медицина как один из элементов социальной сферы имеет цель сохранения и улучшения жизни человека. И эта цель реализуется не только через медицинское познание, но и через сферы морали и права. На протяжении многих веков процесс врачевания осуществлялся на принципах клятвы Гиппократов. Но развитие исторического процесса требуют новых нормативов, в том числе и в сфере медицины и права. Современная модель врачебной этики – биоэтика оформилась в 70-е годы 20 столетия. В этой модели наряду с исконно консервативной, основанной на принципе «не навреди» появляется либеральная форма и принцип «автономии». Константы либерализма провозглашают в медицине уважение права и достоинства пациента и предоставление права на самостоятельное принятие решения относительно своего здоровья.

Принцип «не навреди» является старейшим во врачебной этике. В клятве Гиппократов утверждается: «Я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости» [7]. Содержание данного постулата свидетельствует об личной ответственности медика за процесс врачевания. В современном Этическом кодексе российского врача в статье 3 [20] суть принципа «не навреди» заключается в умении специалиста медика сопоставлять пользу и осложнения в процессе лечения. Такой навык не всегда возможен даже для профессионала, именно учет этого факта дополняет принцип «не навреди» умением медика признавать свои ошибки, анализировать и исправлять их.

В медицинской деятельности принцип «не навреди» включает в себя формы «прямого вреда» (в результате бездействия; злого умысла, недобросовестности и неосторожности; некомпетентности, берущие свое начало из клятвы Гиппократов: «будучи далек от всего намеренного, несправедливого и пагубного» [Козлов, Авдеев, 2009]); «косвенного вреда» (в результате объективно-необходимых действий); «несчастный случай» (действия в соответствии с общепринятыми профессиональными требованиями, но невозможности предвидения осложнений). Особняком выступают так называемые «врачебные ошибки». В качестве анализа данной проблемы рассмотрим ее классический вариант, восходящий в отечественной литературе к работе И.В. Давыдовского [Давыдовский, 1942], определяющего «врачебные ошибки» как добросовестное заблуждение при исключении злого умысла, недобросовестности и неосторожности. В данном определении критерием «врачебной ошибки» выступает «добросовестное заблуждение», которое можно рассматривать в рамках морали или психологического фактора. Западное видение этой проблемы принадлежит Р.К. Ригельману [Ригельман, 1994], американскому исследователю, который выделяет: «ошибки по неведению» и «недомыслию». «Ошибки по неведению», происходят, по мнению автора, в результате не владения врачом необходимой информацией. Но основная причина «врачебных ошибок», как считает Ригельман, заключается в неумении применять знания. Если, по Давыдовскому, отсутствует рассмотрение «врачебных ошибок» в аспекте определяющего квалифицированность действий врача, то, по Ригельману, некомпетентность подводится под ошибку.

В вопросе «врачебных ошибок» существует две крайности. Одна состоит в том, что «врачебную ошибку» и «прямой вред» отождествляют, по причине того, что оба эти понятия содержат субъективный фактор, а конечным их результатом является неблагоприятный исход для здоровья пациента. Вторая крайность заключается в еще большей несостоятельности, когда «врачебную ошибку» воспринимают как неизбежное в медицинской практике, например, «несчастный случай». Такой взгляд осуществляется на основании формальной логики, которая позволяет прийти лишь к силлогизму как тавтологии. Согласно диалектическому методу Г. В. Ф. Гегеля [Гегель, 1974], общий результат и направленность процесса развития в двойном отрицании выражает единство трех основных моментов: преодоление старого, преимущество в развитии и утверждение нового. В связи с этим методом «врачебная ошибка» отличается от «прямого вреда» и других дефиниций неблагоприятных исходов в медицине. Феномен «врачебной ошибки» раскрывается через развитие познания от «явления» к «сущности» как единство противоположностей. «Сущность» выражает внутреннее общее в «явлениях», их качественную специфику. Познать ее возможно лишь на уровне абстрактного мышления. «Явления» есть внешнее проявление «сущности» воспринимаемое непосредственно. Но так как «явления» более склонны к изменениям, то они могут быть только видимостью - порождением человеческого сознания.

«Врачебная ошибка» – это самостоятельная категория, которая происходит в силу неквалифицированных действий специалиста и сложность ее состоит в определении границ разграничения причин некомпетентности. Современная медицина – сложная дифференцированная система. Как правило, медик обладает той или иной квалификацией, в рамках которой он обязан быть компетентным, и если неблагоприятным исходом был результат некомпетентных действий в рамках обязанности медика имеющего соответствующую квалификацию, то в этом случае речь идет о нанесении «прямого вреда». В ином случае – о «врачебной ошибке» и как следствие она должна иметь самостоятельную юридическую санкцию в отличие от правовых норм регулирующих формы «прямого вреда».

Медицина, как впрочем и любое человеческое знание не может быть абсолютным, метод сомнения Р. Декарта [Декарт, 1989] должен быть ведущим в медицине. Этот метод обязывает в сложных случаях прибегать к консилиуму врачей. Оправдание за «врачебную ошибку» невозможно по причине их совершения в результате отступления от общепринятых профессиональных действий. Погрешности теоретического разума, согласно И. Канту, возможно преодолеть только с помощью практического разума на основе свободного автономного следования долгу [Кант, 1994].

К неблагоприятным исходам в медицинской практике относятся и «ятрогении» (др.-греч. *ιάτρος* — врач + др.-греч. *γενεά* — рождение) — изменения здоровья пациента к худшему, вызванные неосторожным действием или словом врача. Специфика их разнообразна в зависимости от их причин [Козлов, Авдеев, 2009]. Ситуация в отношении этой категории аналогична проблеме «врачебных ошибок». Отсутствие правового статуса «ятрогений» и юридических санкций, как правило, на практике ведут к отождествлению их с «прямым вредом». Такой подход как с познавательной, так и морально-правовой сторон представляется редукционистским. Следствием отсутствия обоснованного понимания исследуемых категорий является снижение ответственности у медиков, с одной стороны, а, с другой, наличие субъективности в принятии вынесения решения о санкции, определяющей степень виновности врача.

Обсуждение

Обсуждение рассматриваемых проблем в статье обостряется назреванием в социальной сфере еще одной этической дилеммы, которая связана с внедрением в процесс медицины искусственного интеллекта (ИИ).

Два типа знания: фактическое, пропозициональное, т.е. означающего («знание что») и скрытое, экспериментальное («знание как») взаимосвязаны. Но невозможно знание, основанное на навыках свести до знания фактов. Системы ИИ будут улучшать показатели лишь в знании «врозь», а в медицине положительные результаты можно получить только на основе комплексного знания. Даже если предположить, что снизится процент «врачебных ошибок», но при этом произойдет и снижение профессионализма врачей, оторванных от практики. А также возникает вопрос: кто будет в ответе за ошибки ИИ?

Проведенный анализ в отношении неблагоприятных исходов в медицине вскрыл основную проблему в данном вопросе, которая заключена в дисциплинарной взаимообусловленности. Рассматриваемые объекты включают знания как сугубо профессионального, так и морального, правового, психологического, коммуникативного познания. Наличие обратной межпредметной связи предполагает отражение знания в частном дисциплинарном поле по содержанию, методам и средствам исследуемых явлений соответствующих современным условиям, видению новой функции изучаемых проблем. Знания нужно оперативно транслировать и передавать во все усложняющейся и расширяющейся среде. Не должно быть формализации используемой информации. По анализируемым объектам необходим качественно новый вариант информации и знаний. Специфика межпредметного познания позволяет через функцию объяснения, раскрыть познавательную и логическую суть рассматриваемых объектов; функция понимания способствует на психологическом уровне в рамках чувственного опыта, и на теоретическом, обосновать их смысл через выяснение целей медицины, морали и права.

Заключение

Либеральная позиция в отношении исследуемых проблем не только чревата выбором неверных решений, но и провоцирует снижение ответственности у медиков, что в свою очередь ведет к росту нежелательных последствий в медицинской практике. Главный акцент в статье заключается в необходимости строго однозначного понимания дефиниций неблагоприятных исходов в медицине и их адекватном регулировании в сфере права.

Реализация этих задач возможна на основе этического аспекта парадигмы трансдисциплинарности, позволяющей вырабатывать знания соответствующие объективной действительности и служащие повышению уровня профессионализма специалистов в социальной сфере.

В исследовании представлена авторская схема, наглядно отражающая дифференциацию неблагоприятных исходов в процессе врачевания на основании критерия, определяющего границы недопустимого и неизбежного в медицинской практике. Таким критерием, являются действия специалиста, которые при должном выполнении обязанностей строго соответствуют общепринятым профессиональным требованиям. Отступление от них в зависимости от тяжести вреда и причин подлежит юридической ответственности (дисциплинарной, административной, гражданской, уголовной). Кроме того, в схеме 1 в отношении «врачебных ошибок» и «ятрогений» обнажается пробел, в правовом поле нет конкретных статей, регулирующих эти

категории. Российское законодательство предлагает проект по введению дополнительных норм в УК РФ: ст.124.1 «Ненадлежащее оказание медицинской помощи» и ст.124.2 «Соккрытие нарушений оказания медицинской помощи».

В качестве прогнозирования в результате проведенного в исследовании анализа можно сделать вывод: если на основе междисциплинарного подхода, требующего знания и мнения специалистов различных предметных областей познания, будут уточнены и закреплены содержание всех форм неблагоприятных исходов, определены этические критерии их дифференциации и сформированы для каждой из дефиниций самостоятельные юридические санкции, качество медицинской помощи возрастет.

Библиография

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М. : Мысль, 1974. – 452 с.
2. Давыдовский И.В. Врачебные ошибки // Советская медицина. 1941. № 3. – С. 3–10.
3. Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М. : Мысль, 1989. – 654 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. (Перевод с немец. Н. Лосского). – М. : Мысль. Серия Философское наследие. Том 118. 1994. – 591 с.
5. Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. – М. : ИФ РАН, 2009. – 205 с.
6. Киященко Л.П. Феномен трансдисциплинарности – опыт философского анализа // Santalka. Filosofija. – Vilnius, 2006. Т. 14. № 1. – С. 17–38.
7. Клятва Гиппократата. [Электронный ресурс]. URL:<https://national-travel.ru/klyatva-gippokrata> (дата обращения: 10.10.2022).
8. Козлов С.В., Авдеев А.И. Экспертная оценка ятрогенной патологии // Дальневосточный медицинский журнал. 2009. № 3. – С. 81–83.
9. Лысак И.В. Междисциплинарность и трансдисциплинарность как подходы к исследованию человека // Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. 2014. № 10. 6 (44): в 2-х ч. Ч. II. – С. 134–137.
10. Марков А.А., Джувалыков П.Г., Колкутин В.В. О современной судебно-медицинской терминологии при исследовании ситуаций, связанных с «врачебными ошибками» // Астраханский медицинский журнал. 2017. – С. 112–119.
11. Мохов А.А., Мохова И.Н. «Врачебная ошибка» как актуальная проблема судебной практики // Медицинское право. 2004. № 2. – С.21–24.
12. Ригельман Р.К. Как избежать врачебных ошибок: Книга практикующих врачей / Р.К. Ригельман / Пер. с англ. – Москва: Практика, 1994. – 208 с.
13. Сучков А.В. Анализ дефиниций понятий «врачебная ошибка», «ятрогенная», «дефект оказания медицинской помощи», как цель установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по профессиональным преступлениям совершенным медицинскими работниками // Вятский медицинский вестник. 2010. № 2. – С.70–78.
14. Сучкова Т.Е. К вопросу о необходимости определения правовых критериев врачебной ошибки // Вестник Вятского государственного университета. 2014. – С. 112–121.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 10.10.2022).
16. Фоменко А.Г. Медицинские ошибки: правовые, этические и организационно-методические аспекты проблемы // Медицинские новости. 2011. № 10. – С. 20–26.
17. Шарабчиев Ю.Т. Врачебные ошибки и дефекты оказания медицинской помощи: социально-экономические аспекты и потери общественного здоровья // Международные обзоры: клиническая практика и здоровье. 2013. № 6. – С. 14–31.
18. Эльштейн Н.В. Современный взгляд на врачебные ошибки // Терапевтический архив. 2005. № 8. – С.88–92.
19. Энциклопедический словарь медицинских терминов. Под общей редакцией Б.В. Петровского. В 3-х т. – М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 1. – 464 с.
20. Этический кодекс российского врача. 1994. [Электронный ресурс]. URL:<https://medic.studio/meditsinskoj-etiki-osnovyi/eticheskij-kodeks-rossiyskogo-48730.html> (дата обращения: 10.10.2022).
21. Bertalanffy L. General System Theory. Foundation, Development, Applications. – New York, 1969. – 289 p.
22. Hannawa AF. Negotiating medical virtues: toward the development of a physician mistake disclosure model. Health Commun 2009 Jul;24(5):391-9. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10410230903023279>
23. Helmchen LA, Richards MR, McDonald TB. How does routine disclosure of medical error affect patients' propensity to sue and their assessment of provider quality? Evidence from survey data. Med Care 2010;48(11):955-61. DOI:

<http://dx.doi.org/10.1097/MLR.0b013e3181eaf84d>

24. Morin E. *La Tête bien faite. Repenser la Réforme – Réformer la Pensée*. Paris: Editions du Seuil, 1999. 155 p.
25. Petronio S. Impact of medical mistakes: navigating work-family boundaries for physicians and their families. *Commun Monogr* 2006;73(4):463-7. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03637750601061174>
26. Petronio S, Torke A, Bosslet G, Isenberg S, Wocial L, Helft PR. Disclosing Medical Mistakes: A Communication Management Plan for Physicians. *Perm J*. 2013 Spring;17(2):73-9. doi: 10.7812/TPP/12-106. PMID: 23704848 PMCID: PMC3662285 DOI: 10.7812/TPP/12-106)
27. Woodward HI, Mytton OT, Lemer C, et al. What have we learned about interventions to reduce medical errors? *Ann Rev Public Health* 2010; 31:479-97. DOI: <http://dx.doi.org/10.1146/annurev.publhealth.012809.103544>

Ethical dimension of the transdisciplinarity method in solving social problems

Zhanna V. Chashina

PhD in Philosophy, Associate Professor,
N. P. Ogarev Mordovian State University,
430005, 68, Bolshevistskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: chashina.j@yandex.ru

Evgenii V. Mochalov

Doctor of Philosophy, Professor,
N. P. Ogarev Mordovian State University,
430005, 68, Bolshevistskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: mochalov_ev@mail.ru

Vladimir A. Pisachkin

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
N. P. Ogarev Mordovian State University,
430005, 68, Bolshevistskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: pisachkin@yandex.ru

Anatolii P. Skripnik

Doctor of Philosophy, Professor,
Sarov Institute of Physics and Technology,
branch of the National Research Nuclear University MEPhI,
607189, 6 Dukhova str., Sarov, Russian Federation;
e-mail: aoskrypnik@mephi.ru

Abstract

The article substantiates the need for strict differentiation of adverse outcomes as a result of the actions of specialists in the social sphere, in particular, the provision of medical care to citizens; the definition of criteria and legal status, since negative consequences as a result of treatment are threats

to individual and public health. The analysis of the studied problems is based on the method of transdisciplinarity, systematically analyzing the problem. This methodology contributes to the productive development of interdisciplinary methods, allows you to form innovative motivation, systematize, transfer existing knowledge to new situations. The study revealed ambiguity in the interpretations of various definitions of adverse outcomes, which leads to problems of differentiation of these concepts. The article proposes a criterion for differentiating unfavorable outcomes in medical practice, based on the actions of a physician that differ depending on the doctor's adherence to generally accepted professional requirements or deviation from them. Adverse outcomes that have occurred as a result of a medical doctor's deviation from generally accepted professional requirements should be subject to legal liability. The study of the analyzed issues also revealed the absence in the field of law of such categories as "medical error", "iatrogeny", and articles regulating these actions.

For citation

Chashina Zh.V., Mochalov E.V., Pisachkin A.V., Skripnik A.P. (2022) Eticheskoe izmerenie metoda transdistsiplinarnosti v reshenii sotsial'nykh problem [Ethical dimension of the transdisciplinarity method in solving social problems]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 121-130. DOI: 10.34670/AR.2022.23.73.009

Keywords:

Debt, "indirect harm", systematic approach, interdisciplinarity, "accident", "direct harm", transdisciplinarity.

References

1. Hegel G.V.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 1. Science of Logic. – Moscow : Mysl, 1974. – 452 p.
2. Davydovsky I.V. Medical errors // Soviet medicine. 1941. № 3. pp. 3–10.
3. Descartes R. Works in 2 vols. Vol. 1. – Moscow : Mysl, 1989. – 654 p.
4. Kant I. Criticism of pure reason. (Translated from the German by N. Lossky). – M. : Thought. The Philosophical Heritage series. Volume 118. 1994. – 591 p.
5. Kiyashenko L.P., Moiseev V.I. Philosophy of transdisciplinarity. – Moscow : 2009. – 205 p.
6. Kiyashenko L.P. The phenomenon of transdisciplinarity – the experience of philosophical analysis // Santalka. Filosofija. – Vilnius, 2006. Vol. 14. No. 1. pp. 17–38.
7. The Hippocratic Oath. [electronic resource]. URL:<https://national-travel.ru/klyatva-gippokrata> (date of application: 10.10.2022).
8. Kozlov S.V., Avdeev A.I. Expert assessment of iatrogenic pathology // Far Eastern Medical Journal. 2009. No. 3. pp. 81–83.
9. Lysak I.V. Interdisciplinarity and transdisciplinarity as approaches to human research // Questions of theory and practice. – Tambov: Diploma. 2014. № 10. 6 (44): in 2 ch. II. pp. 134–137.
10. Markov A.A., Dzhulyakov P.G., Kolkutin V.V. About modern forensic medical terminology in the study of situations related to «medical errors» // Astrakhan Medical Journal. 2017. pp. 112–119.
11. Mokhov A.A., Mokhova I.N. «Medical error» as an actual problem of judicial practice // Medical law. 2004. No. 2. pp. 21–24.
12. Rigelman R.K. How to avoid medical errors: A book of practicing doctors /R.K. Rigelman / Translated from English – Moscow: Praktika, 1994. – 208 p.
13. Suchkov A.V. Analysis of definitions of the concepts «medical error», «iatrogeny», «defect of medical care», as the purpose of establishing the circumstances to be proved by professional crimes committed by medical workers // Vyatka Medical Bulletin. 2010. No. 2. pp. 70–78.
14. Suchkova T.E. On the question of the need to determine the legal criteria of medical error // Bulletin of Vyatka State University. 2014. pp. 112–121.
15. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ. [electronic resource]. URL:

- <https://base.garant.ru/10108000/> (date of application: 10.10.2022).
16. Fomenko A.G. Medical errors: legal, ethical, organizational and methodological aspects of the problem // *Medical news*. 2011. No. 10. pp. 20–26.
 17. Sharabchiev Yu.T. Medical errors and defects in the provision of medical care: socio-economic aspects and loss of public health // *International reviews: clinical practice and health*. 2013. No. 6. pp. 14–31.
 18. Elshstein N.V. Modern view on medical errors // *Therapeutic Archive*. 2005.No. 8. pp.88–92.
 19. Encyclopedic dictionary of medical terms. Under the general editorship of B.V. Petrovsky. In 3 volumes – M.: Soviet Encyclopedia, 1982. Vol. 1. – 464 p.
 20. The Ethical Code of the Russian doctor. 1994. [electronic resource]. URL:<https://medic.studio/meditsinskoy-etiki-osnovyi/eticheskiy-kodeks-rossiyskogo-48730.html> (date of application: 10.10.2022).
 21. Bertalanffy L. *General theory of systems. Foundation, development, Applications*. – New York, 1969. – 289 p.
 22. Hannava AF. Discussion of medical advantages: towards the development of a model for the disclosure of medical errors. *Health Community* 2009 July;24(5):391-9. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10410230903023279>
 23. Helmchen L.A., Richards M.R., McDonald T.B. How does the usual disclosure of information about medical error affect the propensity of patients to sue and their assessment of the quality of services? Evidence from the survey data. *Medical Care* 2010;48(11):955-61. DOI: <http://dx.doi.org/10.1097/MLR.0b013e3181eaf84d>
 24. Morin E. *One-on-one fait accompli. A repeater for reformation is a Reformer for Pensions*. Paris: Editions du Seuil, 1999. – 155 p.
 25. Petronio S. The impact of medical errors: overcoming the boundaries betweenwork and family for doctors and their families. *Monogr. Commune* 2006;73(4):463-7. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03637750601061174>
 26. Petronio S., Torke A., Bosslet G., Isenberg S., Wulf L., Helft Pr. Disclosure of medical errors: A communication management plan for doctors. *Perm J*. 2013 Spring;17(2):73-9. DOI: 10.7812/TPP/12-106. PMID: 23704848 PMID: PMC3662285 DOI: 10.7812/TPP/12-106)
 27. Woodward HIGH, Mitton O.T., Lemer S. et al. What have we learned about interventions aimed at reducing the number of medical errors? *Ann Rev Public Health* 2010; 31:479-97. DOI: <http://dx.doi.org/10.1146/annurev.publhealth.012809.103544>
-

УДК 111.6

DOI: 10.34670/AR.2022.57.59.023

Границы практического

Мосиенко Михаил Константинович

Кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, Красноярск, ул. Свободный, 79;
e-mail: philosophy@sfu-kras.ru.

Аннотация

В статье автор рассматривает вопрос о границах практического отношения человека к миру и вопрос о побудительной силе этого отношения. Анализируется понятие «польза», соотношение рационального и прагматического, соотношение пользы и смысла. Автор даёт определение понятию «польза». Под пользой предлагается понимать то, что удовлетворяет потребность таким образом, чтобы при этом способствовать развитию человека. Ставится вопрос о желательности прагматического отношения к миру и возможности его преодоления. Физический мир является первичной для человека реальностью, при этом он устроен так, что требует от человека борьбы для преодоления его обстоятельств при реализации потребностей. Вследствие этого так же устроен и социальный мир, образующий вместе с физическим миром базовую жизненную реальность человека. Это подталкивает человека к ориентации на получение пользы, т.к. она даёт долгосрочное преимущество в такой борьбе. Внешняя принудительность условий существования человека ведёт к вторичной принудительности рационального мышления, возникшего как инструмент адаптации. Эта принудительность обладает тотальностью охвата, т.е. распространяется на все жизненные ситуации, но не обладает абсолютной силой, человек может преодолевать её как произвольно, так и непроизвольно. Автор приходит к выводу о том, что преодоление практического отношения человека к миру хотя и возможно, но не является желательным, т.к. оно ведёт к сохранению жизни и её полноценности.

Для цитирования в научных исследованиях

Мосиенко М.К. Границы практического // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 131-136. DOI: 10.34670/AR.2022.57.59.023

Ключевые слова

Польза, рациональность, смысл, прагматизм.

Введение

В данной статье предпринимается попытка ответить на вопрос о границах практического отношения человека к миру. Мы формулируем сам вопрос так: «Является ли практическое отношение человека к миру безграничным? Если оно таким не является, где проходит его граница?»

Прежде чем пытаться ответить на вопрос о границе, необходимо ответить на вопрос о содержании понятия «практическое». Практическим, следует признать то, что ведёт к пользе. Попытки дать ответ на вопрос о том, что такое польза, предпринимались с разных позиций, начиная с античности [Аристотель, 1984]. Подъём интереса к проблеме пользы возникает в философии Нового Времени в связи с ростом экономических исследований [Гоббс, 1991], [Хатчесон, 1973], [Бентам, 1998]. Концепции этого периода тяготеют к тому, чтобы рассматривать пользу в контексте ограниченных ресурсов, конкурентной борьбы и рационализма. Традиция рассматривать пользу как преимущественно экономическую категорию сохраняется и в XX веке [Мизес, 2019], [Котарбинский, 1963], [Веблен, 1984], [Mead, 1938], [Nuttin, 1961].

Такое понимание подталкивает рассматривать её как сравнительную, а не абсолютную ценность. Если польза – это то, что обнаруживается только в конкуренции (или ещё уже: только в экономической конкуренции), то кажется, что придётся признать её ситуативность как ценности, особенно в сравнении с абсолютными ценностями: истиной, добром, справедливостью, красотой. Такой вывод, хотя и имеет авторитетных сторонников, кажется нам основанным на не всегда явно проговариваемой посылке, что жизнь человека не есть борьба или хотя бы не есть конкуренция. Насколько справедливо это предположение, на котором основаны все дальнейшие рассуждения о вторичности пользы как ценности?

По меньшей мере, это утверждение является небесспорным, а возможно и ошибочным. В пользу того, что жизнь человека можно описать как борьбу, в том числе её частную форму – конкуренцию – высказывались многие философы. Кроме того, опыт поколений людей разных эпох и культур свидетельствует в пользу этого – его отражение мы видим в темах национальных литератур разных стран (темы войны, борьбы, преодоления обстоятельств), в фольклорных сюжетах, в культуре в целом и, наконец, в характерах людей.

Основное содержание

Если признать, что борьба пронизывает жизнь человека, является одним из законов жизни, то следует признать и тотальность пользы: из сравнительного преимущества при таком взгляде она превращается в абсолютную ценность. Таким образом, мы приходим к выводу о безграничности практического отношения человека к миру, т.к. с одной стороны, безграничность борьбы (конкурентной с другими людьми или обычной – с собственными слабостями и обстоятельствами) открывает безграничность необходимости в преимуществе, т.е. пользе, а с другой стороны – польза существует не только в сфере экономической жизни или войны, но также в любой сфере: в области морали, эстетики и др.

Мы понимаем пользу как то, что удовлетворяет потребность таким образом, чтобы при этом способствовать развитию человека. Но что есть развитие и для чего оно? Вопрос о пользе упирается в споры о понятии прогресса, а через него в вопрос о смысле жизни человека. Таким образом, для ответа на вопрос о пользе, нужно предварительно ответить на вопрос о смысле. Мы приводим это рассуждение для того, чтобы продемонстрировать неоднозначность понятия

«практическое» и несводимость его к простому экономическому преимуществу. Об этом свидетельствует также и присущее людям интуитивное понимание пользы: полезно (а, значит, в итоге практично) многое – и дающее экономическую выгоду, и приближающее к эстетическому идеалу, и соответствующее требованиям справедливости.

О границе двух типов отношения к миру И. Кант высказался в терминах «легального» и «морального» [Кант, 1965. С. 396]. Большая часть поступков человека лежит в сфере «легального», т.е. собственно практического, обусловленного конкретной потребностью и её контекстом. Практическое поведение человека – это, с точки зрения И. Канта, несвободное поведение. Причина его несвободы в том, что оно вызвано обстоятельствами, в которых человек рационально различает наилучший, а иногда единственный ход действий для себя. Источником принуждения здесь выступают с одной стороны жизненные обстоятельства, конкретная уже сложившаяся на данный момент ситуация, а с другой стороны – призма рациональности, сквозь которую человек смотрит на мир. Причём обстоятельства здесь являются необходимым, но не достаточным условием, тогда как рациональная установка (и сама способность к рациональности) по-настоящему принуждает человека действовать практично.

Ratio ставит перед человеком выбор: действовать согласно практической целесообразности или действовать свободно и заплатить за этот выбор страданием – потерей ресурсов, болью, потерей репутации, упущенной возможностью и т.п. Не случаен выбор слова, характеризующего принудительность разума в таких ситуациях: императив. Наряду с категорическим императивом, И. Кант называет гипотетический – не менее императивный, т.е. повелительный для человека. О принудительности логического говорят и другие исследователи [Адорно, 2011], [Ивин, 2015].

Что лежит в основе принудительной силы разума? Античность видела в качестве источника этой силы божественное происхождение разума [Аристотель, 1984]. Мы предполагаем, что принудительная сила разума возникает как проекция принудительной силы обстоятельств для человека, а её всеохватность косвенно свидетельствует о всеохватности практического отношения человека к миру, т.к. разум ценится людьми именно за инструментальность – способность приводить к пользе, своеобразному «лекарству» от обстоятельств. При этом рациональность и практичность несинонимичны, поскольку иногда практичнее действовать нерационально: интуитивно или даже иррационально.

Мы рассмотрели вопрос о границах практического отношения к миру и привели аргументы в пользу его безграничности для человека. Это, однако, не даёт ещё ответа на вопрос о силе этого безграничного требования. Известно, что требование может быть сколь угодно широким, но то, что оно распространяется на все ситуации, ещё не говорит о том, что оно будет исполняться во всех без исключения ситуациях, как это происходит, например, с широкими требованиями морали.

Реальное поведение человека в мире всегда практически-непрактическое. Что определяет конкретное соотношение элементов этой амальгамы? Мы полагаем, что его в большей мере определяют индивидуально-психические особенности человека. В меньшей мере его определяют обстоятельства. Они модифицируют психическую основу в сторону большей или меньше прагматичности.

Практическое отношение человека к миру не имеет границ как требование, но сила этого требования не абсолютна. В первую очередь, она преодолевается собственной силой человека – свободой воли, о которой мы писали выше, ссылаясь на концепцию морального и легального поведения И. Канта. Также она может преодолеваться другими действующими на человека силами – желаниями и страхами, связанными с социальными и биологическими программами:

стремлением к комфорту, к безопасности, к славе и т.п.

Итак, требование практического отношения к миру тотально, но ограничено по силе множеством обстоятельств, главным из которых для человека следует признать его свободную волю, поскольку только она из них всех зависит от самого человека. Теперь рассмотрим вопрос о том, является ли требование практичности желательным для человека и является ли преимущественным? Это более тонкий вопрос, т.к. он снова отсылает нас к вопросу о смысле, которого мы касались, раскрывая понятие пользы. То, что мы примем за смысл человеческой жизни, определит критерии желательности и нежелательности.

В современной философии всерьёз говорить о смысле жизни человека считается дурным тоном, однако, во-первых, мы не считаем этот вопрос пустым, а, во-вторых, для нашего дальнейшего рассуждения о практическом отношении человека к миру необходимо дать хотя бы условный и неполный ответ, если не о нём, то, по меньшей мере, о том, что способствует всякой человеческой жизни, а значит не будет препятствовать и смыслу. В противном случае невозможно будет разрешить вопрос о том, следует ли вообще подчиняться требованию прагматизма.

Мы полагаем, что всякой человеческой жизни способствует гармоничная адаптация человека к внешней физической и социальной реальности, а также к собственной индивидуально-психической реальности, поскольку успешность этой адаптации определит качество жизни (здоровье, полноту самореализации) и само выживание. Далее мы будем исходить из этих трёх предпосылок нормальной человеческой жизни, рассматривая аргументы в пользу желательности практической направленности поведения.

Остановимся кратко также на том, почему такая желательность вообще не является самоочевидной и её требуется отдельно обосновывать. В философии прочно утвердилась антипрагматическая установка: практика считается вторичной, вспомогательной сферой человеческой жизни, тогда как первичным признаётся созерцание [Аристотель, 1984], эстетическое переживание, религиозное служение, моральный долг [Кант, 1965]. Однако, даже если практика не обладает самоценностью, а, следуя мысли Аристотеля, всегда имеет своей целью нечто вне себя самой, из этого не следует, что она каким-либо образом может быть вынесена за скобки в любой сфере деятельности. Для созерцания требуется уметь созерцать так же, как для эстетического переживания требуется уметь создавать и воспринимать красоту. И то, и другое является практическими навыками, причём не вспомогательными, т.к. их нельзя исключить, а именно конституирующим то, что воспринимается как высшая, лежащая вне их ценность.

Вернёмся к аргументам в пользу желательности практического поведения. Первый аргумент заключается в том, что физический мир – первичная для человека реальность – устроен так, что требует от человека борьбы для выживания. Человеку приходится бороться с требованиями и проблемами собственного тела, и одновременно с дефицитами и опасностями внешней физико-биологической среды. Второй аргумент заключается в том, что подобным же образом устроен и социум: в нём, как и в физическом мире, человек сталкивается с необходимостью преодолевать препятствия на пути к удовлетворению своих потребностей с той только разницей, что борьба в нём приобретает специфический вид социальной конкуренции. Третий аргумент, соответствующий последнему выделенному нами критерию желательности, заключается в особенности работы психики человека, эволюционно настроенной на достижение целей, ведущих к удовлетворению потребностей [Хекхаузен, 1986. С. 117]. Человек испытывает подъём мотивации, когда достигает намеченной цели и результат от её достижения превосходит

вложенные ресурсы, и переживает спад мотивации, когда ситуация обратная. Причём спад мотивации не является безобидным явлением: потенциально это апатия или депрессия – опасные состояния.

Заключение

Из приведённого выше рассуждения мы делаем следующие выводы. Практическое отношение человека к миру безгранично, т.е. распространяется на все сферы жизни человека и все могущие возникнуть в них ситуации. Оно связано с рациональностью, но нетождественно ей, поскольку возможны ситуации, когда практичное поведение нерационально, а рациональное поведение непрактично. Это можно объяснить неполнотой доступной человеку информации, а также несовершенством самой человеческой рациональности, её вспомогательным, инструментальным характером. Несмотря на безграничность практического отношения человека к миру, сила его требования ограничена и относительно легко преодолима: она преодолевается за счёт способности человека к волевому поведению, а также вследствие поведения человека, которое происходит под действием других преобладающих сил (социальных и биологических требований). Преодолевать практическое отношение к миру для человека нежелательно, а следовать ему желательно, так как это ведёт к сохранению жизни и полноте её ценности независимо от того, как человек определяет её смысл.

Библиография

1. Адорно Т. В. Негативная диалектика. М.: Академический проект, 2011. – 538 с.
2. Аристотель. Никомахова этика. Сочинения в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. – 830 с.
3. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. – 416 с.
4. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. — 367 с.
5. Гоббс Т. Сочинения в 2 томах. М.: Мысль, 1989/1991. – 622/731 с.
6. Ивин А.А. Что такое диалектика. Очерки философской полемики. М.: Проспект, 2015. – 192 с.
7. Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. – 544 с
8. Котарбинский Т. Избранные произведения. М., изд-во Иностран. лит., 1963. – 911 с.
9. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск, 2019. – 878 с.
10. Милль Д.С. Утилитаризм. Ростов-на-Дону, 2013. – 240 с.
11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2016. – 1056 с.
12. Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели в двух трактатах. В кн.: Ф. Хатчесон, Д. Юм, А. Смит. Эстетика. М., 1973. С. 41–262.
13. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. Т. 2. М: Педагогика, 1986. – 392 с.
14. Юм Д. Исследование о принципах морали. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1996. – 799 с.

Boundaries of practicality

Mikhail K. Mosienko

PhD in Philosophy, Associate professor,
Department of Philosophy,
Siberian Federal University,
660041, 79, Svobodny st., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: philosophy@sfu-kras.ru.

Abstract

In this article the author analyses the boundaries of practicality and its motivational force. The author analyses the notion of utility, the relationship between the rational and the practical, the relationship between utility and sense. The author explores the question of whether it is desirable for an individual to comply with the motivational force of practicality. The physical world is a primary reality for an individual and it requires struggle to overcome its circumstances while fulfilling one's needs. Hence, the social world follows the same principle. Together these two worlds constitute the basic reality of individual life. This motivates an individual to orientate their behavior towards utility because it promises a long-term advantage in this struggle. Outer coercion of human existence leads to the secondary inner coercion of human rationality which originated as a means of adaptation. This coercion is total in scope, but not total in strength, i.e. it encompasses all life situations, but it is not absolutely compulsory for an individual who can consciously or subconsciously overcome it. The author comes to the conclusion that while it is possible to overcome practical attitude towards the world it is undesirable because such an attitude preserves human life and enriches it.

For citation

Mosienko M.K. (2022) Granitsy prakticheskogo [Boundaries of practicality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 131-136. DOI: 10.34670/AR.2022.57.59.023

Keywords

Utility, rationality, sense, pragmatism

References

1. Adorno T. W. Negativnaya dialektika [Negative Dialectics] M.: Akademicheskij proekt, 2011 – 538 p. (In Russ.)
2. Aristotle. Nikomakhova etika. Sochineniya in 4 t. T. 4 [Nicomachean Ethics. Selected in 4 v. V. 4]. M.: Mysl', 1984 – 830 p. (In Russ.)
3. Bentham J. Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation]. M., 1998. – 416 p. (In Russ.)
4. Heckhausen H. Motivatsiya i deyatelnost': v 2 t. T. 2. [Motivation und Handeln]. M.: Pedagogy, 1986. – 392 p. (In Russ.)
5. Hobbes T. Sochineniya v 2 tomah [Selected works in 2 volumes]. M.: Mysl', 1989/1991. – 622/731 p. (In Russ.)
6. Hume D. Issledovaniye o principah morali. Sochineniya v 2 t. T. 2. [An Enquiry Concerning the Principles of Morals in 2 volumes. V. 2.] M., 1996 1996. – 799 p. (In Russ.)
7. Hutcheson F. Issledovaniye o proishozhdenii nashih idej krasoty i dobrodeteli v dvukh traktatakh. V kn.: F. Hutcheson, D. Hume, A. Smith. Aesthetics [An Inquiry Into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue: In Two Treatises. From 'Aesthetics' by F. Hutcheson, D. Hume, A. Smith]. M., 1973. P. 41-262. (In Russ.)
8. Ivin A.A. Chto takoye dialektika. Ocherki filosofskoj polemiki [What is Dialectics. Notes of philosophical discussions]. M.: Prospect, 2015. – 192 p. (In Russ.)
9. Kant I. Selected works in 6 volumes. M., 1965. V. 4. P. 1 – 544 p. (In Russ.)
10. Kotarbinski T. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. M., izd. Inostr. lit., 1963. – 911 p. (In Russ.)
11. Mead G.H. The Philosophy of Act. Chicago: University of Chicago Press, 1938. P. 3-25.
12. Mill J.S. Utilitarianism [Utilitarianism]. Rostov-on-Don, 2013. – 240 p. (In Russ.)
13. Mises L. Chelovecheskaya deyatelnost'. Traktat po ekonomicheskoy teorii [Human Action: Treatise on Economics]. Chelyabinsk, 2019 – 878 p. (In Russ.)
14. Nuttin J. Tâche, réussite et échec: théorie de la conduite humaine. — 2-me ed. — Leuven: Publications Universitaires de Leuven, 1961. — 530 p.

УДК 101.1:316.4

DOI: 10.34670/AR.2022.22.49.026

Постинформационное общество – ключевая ступень социальной трансформации. Прогностический аспект

Прохоров-Малясов Георгий Сергеевич

Кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и философии,
Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
420043, Российская Федерация, Казань, ул. Зеленая, 1;
e-mail: georpromal@mail.ru

Аннотация

Беспрецедентное технологическое развитие современной эпохи способно побудить человека переосмыслить многое из того, что в его жизни традиционно считалось само собой разумеющимся, переопределить традиционные социальные закономерности, концепции, идеи и общечеловеческие ценности. Ускорение технологических возможностей современного общества для адаптации к новым изменениям жизни человека бросает вызов привычным условиям функционирования профессиональной деятельности и образования, торговли и сферы потребления, что делает термин «информационное общество» частично устаревшим в присутствии ему смысле описания соответствующего состояния социума. Предлагаемое исследование в первую очередь фокусирует внимание на проблеме перехода от информационного общества к постинформационному. Технологическое развитие в постинформационном обществе существенно изменит социальное бытие человека и особенности его функционирования на различных уровнях социальных отношений (в отличие от соответствующих связей и отношений в обществе информационном). Исследование направлено на осмысление феномена формирующегося постинформационного общества и поиск ответа на вопрос о том, каким образом четвертая промышленная революция закладывает фундамент постинформационного общества, попутно выявляя, перед какими социальными и моральными вызовами окажется человечество в ближайшей исторической перспективе. В статье предпринимается попытка описать постинформационное общество и его характерные черты, опираясь на прогностическую функцию философии.

Для цитирования в научных исследованиях

Прохоров-Малясов Г.С. Постинформационное общество – ключевая ступень социальной трансформации. Прогностический аспект // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 137-147. DOI: 10.34670/AR.2022.22.49.026

Ключевые слова

Постинформационное общество, информационные технологии, искусственный интеллект, социальная трансформация, человек, киберсреда.

Введение

Мир является свидетелем новой «революции», подпитываемой искусственным интеллектом (далее – ИИ), нейросетью, блокчейн-технологией¹, сверхскоростным Интернетом стандарта 5G, 3D-принтерами, имплантацией микрочипов и многими другими технологическими новинками. И это лишь некоторые из новых типов информационно-интеллектуальных систем, которые, как ожидается, изменят жизнь социума в ближайшую пару десятилетий. Помимо этого, ускорение технологических возможностей человеческого общества для адаптации к новым естественным изменениям жизни (вспомним COVID-19) бросает вызов привычным условиям функционирования профессиональной деятельности, обучения и торговли через Интернет, что делает термин «информационное общество» частично устаревшим в присутствии ему смысла описания соответствующего состояния социума. В ближайшей перспективе в обществе будет устранена тонкая грань между человеческим и нечеловеческим, а машины будут играть все более важную роль по сравнению с людьми. ИИ станет основным компонентом каждой выполняемой работы и решаемой задачи, что послужит основой для формирования *новой ступени* общества в процессе глобальной социальной трансформации, которая уже сегодня получила название «постинформационное общество».

Приведенный термин претендует на обозначение пятого «поколения» социальной трансформации, которое приходит на смену предыдущим четырем, известным человечеству (общество охотников-собирателей, аграрное общество, индустриальное общество и информационное общество). Постинформационное общество – это в первую очередь общество, в котором информация становится задачей «самой-в-себе»: информация и машина с одной стороны и человеческий разум с другой становятся единым целым, при этом распространение информации во все меньшей степени зависит от самого человека и его «деятельностного» участия, так как машины получают технологическую способность «общаться» между собой напрямую.

Методология

Предлагаемое исследование в первую очередь фокусирует внимание на проблеме перехода от информационного общества к постинформационному, опираясь на элементную базу информационного общества, детально описанную Ф. Уэбстером.

Данная работа представляет собой социально-прогностическое исследование, цель которого – осмыслить формирующееся постинформационное общество, одновременно поставив под сомнение возможность сделать это, опираясь только на теоретическую основу (элементную базу), предоставленную Ф. Уэбстером для описания информационного общества.

Результаты исследования и их обсуждение

Элементы информационного общества Ф. Уэбстера

Одним из наиболее известных теоретиков информационного общества является Фрэнк Уэбстер. В своей книге *«Теории информационных обществ»* он подробно рассмотрел пять

¹ Блокчейн – база данных, общий неизменяемый реестр, в котором хранится информация обо всех транзакциях участников глобальной торговой системы в виде «цепочки блоков» (от англ. *blockchain*).

основных элементов, на которых основано информационное общество:

- технологический;
- экономический;
- профессиональный;
- пространственный;
- культурный.

По утверждению Ф. Уэбстера, информационное общество прошло две фазы своего развития прежде, чем стать таким, каким его понимают и трактуют современные исследователи. Первый этап, охвативший конец 1970-х и начало 1980-х гг., был отмечен появлением персональных компьютеров. Этот этап ознаменовался появлением компьютерных технологий и телевидения с использованием спутников. Что касается второго этапа, то он начался с середины 1990-х гг. и характеризуется масштабным внедрением новых технологий в средства связи, таких как компьютерные сети, глобальная электронная почта и, наконец, Интернет. Британский социолог полагает, что широкая популярность Интернета и тот факт, что он стал постоянно использоваться во всех ключевых социальных сферах (экономике, образовании, промышленном производстве, политике и т. д.), позволяют нам говорить о том, что новая, идущая следом за информационным обществом социально-технологическая система уже находится в стадии эффективной разработки. Эта новая система в основном извлекает выгоду из коммуникационных технологий, которые, по словам Уэбстера, являются ключом к будущему настолько, что неспособность общества идти в ногу с быстрым развитием коммуникационных технологий будет означать его исчезновение в привычном для человека понимании.

Традиционно информационные технологии ассоциируются с Третьей промышленной революцией, охватившей период с середины 1970-х гг. до начала XXI в. После этого все заинтересованные стороны начали обсуждать Четвертую промышленную революцию, во главе которой оказались передовые, более «умные» технологии, прокладывающие путь к становлению постинформационного общества. Примечательно, что в то время как собственно информация является структурным элементом информационного общества, ИИ в настоящее время становится основополагающим компонентом для постинформационного общества.

Постинформационное общество в соответствии с теорией Ф. Уэбстера

Возвращаясь к теории развития информационного общества Ф. Уэбстера, отметим, что постинформационное общество в своем становлении также проходит две фазы. Первая фаза – результат Четвертой промышленной (цифровой) революции и широкого распространения интеллектуальных технологий. Все это можно было наблюдать в течение двух первых десятилетий XXI в. Вторая фаза – это период, который активно формировался с началом пандемии COVID-19 и явился свидетельством окончательного внедрения интеллектуальных технологий в повседневную жизнь человека от работы и обучения до покупок через Интернет, демонстрируя тот факт, что новая система способна функционировать. Очевидно, что именно на это указывал Уэбстер, подчеркивая тезис о том, что технологическое развитие приведет к обществам, не имеющим возможности исключительно по *собственной воле* быть онлайн или офлайн по отношению к мировой информационной сети. Пользователи навсегда окажутся подключенными к Интернету, независимо от временных и пространственных факторов.

Первоначально, определяя информационное общество, Ф. Уэбстер полагал, что большой объем информации, накапливаясь, просто наполняет и тем самым формирует это новое общество. Позднее Уэбстер добавил еще один аспект в определение информационного общества, заявив, что речь идет не о количестве имеющейся у нас информации, а о том,

насколько информация способна качественно изменить наш образ жизни и мышление. В настоящее время общество значительно поумнело как технологически («умное правительство», «умный город», «умный дом»), так и интеллектуально (сформировавшееся «общество знаний»). Именно это происходит в постинформационном обществе: «умные» технологии, зависящие от большего объема данных, изменяют то, как человек в социальном пространстве начинает жить и мыслить. Качественный аспект информационного общества оказывается одним из базовых элементов становления постинформационного общества.

Применяя элементы Ф. Уэбстера к постинформационному обществу, мы приходим к обновленным и дополненным характеристикам его базовых элементов.

Технологический элемент. Уэбстер утверждает, что появившиеся в конце 1980-х гг. новые технологии были восприняты как сигнал к возникновению информационного общества. К этим технологиям относятся кабельное и спутниковое телевидение, персональные компьютеры, ноутбуки, видеоигры, компьютеризированные информационные службы, средства сотовой связи и, наконец, Всемирная паутина. Уэбстер предполагает, что такой объем технологических инноваций должен привести к существенной трансформации социального мира. Таким образом, если эти предыдущие технологии, которые стали искрой Третьей промышленной революции, воздействуют на социальный мир, то «умные» технологии Четвертой промышленной революции способны оказать намного более глубокое влияние на бытие современного социума. Например, вместо использования интернет-навигации, как это имеет место в информационном обществе, индивид постинформационного общества будет просто использовать беспилотный автомобиль или иное автономное средство передвижения, совершенно не задумываясь о навигации. Аналогичным образом вместо того, чтобы получать инструкции, роботы будут автономно анализировать и обрабатывать информацию, полученную от датчиков, предустановленных повсюду, а затем принимать собственные решения. Системы администрирования станут еще более децентрализованными благодаря технологии блокчейн. Вышеизложенное показывает, что переход к постинформационному обществу уже начался и некоторые отчетливо осознают, что человечество в ближайшем будущем будет выглядеть иначе. Мир вот-вот вступит в новый этап своей истории – этап, в котором доминируют сверхразум и машины. В перспективе мы станем свидетелями общества с развитым ИИ, или кибернетического общества. Эти термины отражают попытки описать будущее, хотя трудно спрогнозировать с предельной точностью, каким именно оно будет. Однако такая терминология определяет движущие силы, которые приведут к такому будущему, характеризуя его особенности и последствия.

Экономический элемент. Значительная часть экономической деятельности поглощается информационной деятельностью, а не сельским хозяйством или промышленным производством. Из этого следует, что необходимо говорить об информационном обществе. Надвигающиеся изменения в экономике более чем очевидны для технологически передовых стран, которые начали готовиться к постинформационной фазе социального развития, переосмыслив свои промышленные стратегии, чтобы они в еще большей степени зависели от интеллектуальных технологий. Движущими силами таких технологий являются Интернет вещей² (от англ. *Internet of things*), ИИ, робототехника, 3D-печать, квантовые компьютеры,

² Интернет вещей – способ обмена информацией между несколькими устройствами, подключенными к единой сети, что помогает собирать, анализировать, обрабатывать и передавать данные без участия человека на основе заранее составленных программ.

биоинженерия и др. Это мотивирует государства к принятию новых стратегических программ, которые гарантировали бы им сохранение позиций ведущих экономических держав в постинформационной фазе социальной трансформации. Приведем ряд примеров. Еще в 2011 г., в частности в США, была запущена Инициатива партнерства в области передового производства для обеспечения лидерства в области промышленности и повышения способности страны конкурировать в области новых технологий во всем мире. Позднее в стране был выбран курс на реиндустриализацию с целью создания рабочих мест в промышленном секторе. Точно так же Германия определила свою стратегию в области совершенствования высоких технологий (2020 г.), в которой основное внимание должно уделяться превращению инновационных идей в промышленном производстве и в сфере информационных технологий в реальные результаты-приложения. Великобритания приняла стратегию энергетики и промышленности до 2050 г. Япония провозгласила стратегию Интернета вещей с целью сохранения своего лидирующего положения по отношению к конкурентам. В 2015 г. Франция приняла стратегию «Промышленность будущего», которая представляет собой план, который поможет реиндустриализовать страну за счет сосредоточения внимания на интеллектуальных технологиях, особенно в области интеллектуальных городов, транспорта, медицины и цифровых баз метаданных. В 2016 г. Южная Корея предложила свою стратегию роста, которая направлена на переосмысление корейских промышленных стратегий и сосредоточение внимания на областях ИИ, Интернета вещей, «умных» автомобилей и медицины. Китай наравне с другими странами сказал «свое слово» и предложил стратегию «Сделано в Китае 2025», которая была объявлена в мае 2015 г. Россия не осталась в стороне от мировых экономических изменений, и в 2015 г. была разработана и предложена для внедрения программа реиндустриализации экономики регионов России как важнейшее условие реализации политики импортозамещения.

Профессиональный элемент. Постулируется факт информационного общества как деятельностно-социального бытия, поскольку преобладающее количество профессий приходится на работу с информацией. Сокращение занятости в обрабатывающей промышленности и рост занятости в сфере услуг в информационном обществе интерпретируются как замена ручного труда интеллектуальной работой, поскольку «сырьем» для подобного вида профессиональной деятельности является информация. То же самое происходит и в постинформационном обществе. Растущее влияние, которое приобретают приложения ИИ, повлияет на характер рабочих мест и процедуры трудоустройства; даже сектор услуг, появившийся в информационном обществе, будет сильно затронут приложениями ИИ. Например, можно будет проводить собеседование при приеме на работу, где интервьюерами будут компьютеры, способные, помимо выяснения профессиональных навыков, точно анализировать жесты и выражение лица соискателя. Будут затронуты и, возможно, заменены машинами многие традиционные для человека профессии, затрагивающие не только физические, но и умственные виды деятельности (бухгалтер, аналитик, юрист и др.).

Использование ИИ и интеллектуальных технологий в более широком масштабе в экономической, политической и социальной сферах, конечно, может привести к ограничению ведущей роли человека и человеческого интеллекта. Компьютеры уже успешно вторгаются в сферы жизни, которые ранее считались исключительно человеческими. Развитие робототехники, 3D-печати, синтез генетики и компьютерных технологий уже позволили приложениям с ИИ выполнять работу инженеров, проектировщиков, частично медиков. Даже людей творческих профессий, в частности композиторов и художников, потеснил ИИ. Эксперты

в области экономики выразили обеспокоенность по поводу того, что повсеместное использование ИИ приведет к безработице большого числа людей, а ряд профессий просто исчезнет навсегда. Один из отчетов DESA³ утверждает, что к 2050 г. население мира достигнет 9,8 млрд человек, из них более 6 млн будут в трудоспособном возрасте, но 71 млн молодых людей будут нуждаться в работе. Действительно, доклад, представленный на Всемирном экономическом форуме в 2018 г., показал, что к 2026 г. 1,4 млн рабочих мест (только в США) окажутся под угрозой сокращения из-за передовых технологических разработок. В нем также говорится, что 47% рабочих мест столкнутся с угрозой перехода на компьютеризированные рабочие места. С другой стороны, именно новые технологии и приложения, основанные на ИИ, а также 3D-печать и роботизация способствуют созданию новых рабочих мест и новых продуктов потребления.

Пространственный элемент. Подчеркивается необходимость тотального развития информационных сетей, которые соединяют географические местоположения и оказывают глубокое влияние на организацию социального времени и пространства. Общепринято подчеркивать центральное значение информационных сетей, которые могут связывать различные места внутри и между офисом, городом, регионом, континентом, даже всем миром, «проводным миром», как подчеркнул Ф. Уэбстер. Этот проводной мир в информационном обществе может стать беспроводным миром в постинформационном обществе, где люди будут подключаться к другим, а также к государственным и частным службам по беспроводной связи, через смарт-чипы, имплантированные в человеческое тело, независимо от местонахождения и временных ограничений. И речь идет не только о беспроводной связи, но и о контроле физической среды на большом расстоянии, как, например, «видеомедицина», когда медики могут проводить критические операции дистанционно, используя сверхскоростные технологии передачи данных и робототехнику; дроны смогут доставлять товары и необходимые предметы в любую точку на суше и на море; криптовалюты, которые никогда не существовали в каком-либо физическом состоянии, позволили бы человеку решать многие финансовые вопросы. В постинформационном обществе география в традиционном смысле утрачивает свое значение, есть только постоянное интернет-соединение.

Культурный элемент. Постинформационное общество, вероятнее всего, переопределит социальные, политические и экономические аспекты жизнедеятельности человека, а также заставит существенно переосмыслить категории «мораль» и «нравственность». Это означает, что человек в постинформационном обществе столкнется с новыми вопросами собственного бытия, в первую очередь этическими. Концепция справедливости, например, будет подвергаться сомнению, и человеку придется ответить на сложные вопросы в свете господства технологий. Кто должен нести ответственность, если беспилотный автомобиль вдруг сойдет с тротуара? Это будет компьютер, который управляет транспортным средством, человек, который им владеет, компания, которая произвела транспортное средство, страна, которая прокладывает дороги, по которым оно движется, или кто-то еще? Какой окажется ценность труда в случае, когда роботы частично, а возможно, и полностью заменят людей на производстве? Как быть с соблюдением конфиденциальности, когда люди размещают свою личную информацию в социальных сетях или оставляют свой «цифровой след», регистрируясь в различных приложениях глобальной информационной сети? *Вот некоторые из вопросов, на*

³ Department of Economic and Social Affairs – Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам.

которые необходимо ответить.

Анализ перспектив развития постинформационного общества подводит к необходимости подвергнуть сомнению не только человеческие ценности, но и вопросы о ценностях и правах «умных» машин. Логично предположить, что найдутся активисты, главной целью которых будет требование улучшения условий «существования» для роботов в постинформационном обществе. Не исключено, что будут возникать следующие вопросы. Что, если бы люди злоупотребляли роботами или они сознательно мешали бы им выполнять свою работу должным образом? А что можно сказать о возможности наделить роботов «гражданскими» правами наравне с человеком? Должны ли существовать законы и правила, защищающие роботов от неправильного использования или злоупотреблений со стороны человека?

Технологическое развитие в постинформационном обществе существенно изменит социальное бытие и особенности его функционирования на различных уровнях социальных отношений (в отличие от соответствующих связей и отношений в обществе информационном), поскольку они способны повлиять на природу государства и затронут политический аспект. Это также создаст новые типы угроз человеческой и социальной безопасности и приведет к поиску новых форм взаимоотношений человека и машины, включая роботов, которые призваны помогать людям в их деятельности, на работе и в быту, которые смогут автономно определять опасности, грозящие человеку, и справляться с ними, формируя новые типы социальных отношений, которые будут укреплять роль человека в постинформационном обществе.

Приведем некоторые существенные черты постинформационного общества и спрогнозируем возможные последствия.

- 1) *Технологический скачок.* Большие шансы на этом этапе имеют быстро развивающиеся страны, независимо от того, насколько они малы территориально или экономически бедны. Способность страны влиять на международные отношения и достигать своих стратегических целей всегда была связана с доступными ресурсами, размерами страны и количеством населяющих ее граждан. Эта традиционная концепция власти может быть переосмыслена благодаря передовым технологическим разработкам. Выскажем следующее предположение: если небольшие страны решат принять участие в технологической гонке, они, возможно, окажутся намного успешнее, чем более крупные, которые в силу чрезмерно развитой бюрократии не будут успевать за ростом технологий и скоростью их внедрения. Поэтому можно утверждать, что будущее формируется за счет технологических инноваций, а инвестиции в технологии могут повысить возможности малых стран до уровня, невиданного в традиционных моделях регулирования баланса сил.
- 2) *Индивидуализация.* Члены общества получают возможность иметь больше влияния. Развитие технологий дает индивидуумам возможность усилить свое влияние в позитивном ключе, особенно в вопросах собственной безопасности. Граждане, с согласия государства, смогут «печатать» оружие на 3D-принтерах, размещать его на автономных летательных аппаратах и управлять ими, например, с помощью приложений для смартфонов или включать в приложение «умный дом» в целях защиты своего жилища, тем самым брать на себя часть полномочий государства.
- 3) *Конфиденциальность.* Новые виды профессиональной и интеллектуальной конкуренции, а также контроль за соблюдением тайны конфиденциальной информации и личных данных человека в глобальной информационной среде. С ростом популярности Интернета в конце 1990-х и начале 2000-х гг. были приняты определенные законы с

целью защиты цифровых данных человека-пользователя в Интернете. В то время ресурсы хранения информации были относительно ограничены, и пользователям, например, для выхода в Интернет был необходим минимальный набор личных данных. Однако с развитием технологий объем личных данных в Интернете возрос, а их характер усложнился. В настоящее время такие данные могут включать биометрию пользователя (лицо, глаза, пальцы и др.), а также данные, связанные со здоровьем пользователей, их местоположением, расписанием, кругом друзей, семейными и личными предпочтениями (в еде, развлечениях, хобби и др.), что делает персональные данные и личную информацию одной из существенных причин возможных социальных конфликтов в постинформационном обществе: индивид способен утратить свою *индивидуальную идентичность*.

- 4) *Пертинентность*. Речь идет о соответствии найденных поисковой системой материалов информационным потребностям и запросам конкретного пользователя. Применительно к постинформационному обществу – это тренд на лучшее понимание социальных тенденций, индивидуальных приоритетов и предпочтений. Можно будет с большой точностью определять интересы, приоритеты и предпочтения людей посредством анализа метаданных с цифровых платформ (веб-сайтов в Интернете, виртуальных торговых площадок, веб-сайтов социальных сетей и т. д.), от датчиков и камер видеонаблюдения, которые будут повсеместно распространены в постинформационном обществе. В рамках совершенствования экономики потребления это поможет улучшить анализ потребностей общества за счет лучшего их понимания у отдельных его представителей, что может оказаться очень полезным для повышения качества услуг и удовлетворения различного рода предпочтений человека. Несомненно, это может иметь большое значение для благополучия людей, однако также это может означать, что информация, оказываясь в распоряжении различного рода криминальных групп, может легко быть использована ими для шантажа, вымогательства и т. д.
- 5) *Киберсреда*. Наблюдается сложность управления «средой» интеллектуальных машин, которая формируется в результате технологического развития. Новые технологии зависят от развития ИИ, что в ближайшей перспективе может привести к созданию машин, способных принимать решения намного автономнее, чем в настоящее время. Количество таких устройств будет только расти. Например, беспилотные автомобили будут в пути, направляясь к месту назначения по оптимальным маршрутам, которые их ИИ выберет самостоятельно, без участия человека. Беспилотные летательные аппараты приобретут большую популярность и будут использоваться не только в военных, но и в гражданских целях, в первую очередь коммерческих. Умные приложения, способные эффективно защитить себя как от вирусов, так и от кибератак, будут приобретать все большую популярность и получают широкое распространение. Подобного рода технологические разработки создадут среду нового типа, всецело основанную на ИИ, конкурируя с привычной для человека социальной средой.
- 6) *Киборги или люди-машины*. Роботы в настоящее время способны думать только в рамках установленного программного обеспечения, но в ближайшем будущем они получат возможность чувствовать (пока на уровне выражения своих эмоций). Иными словами, они превратятся из «умных» машин в киборгов или полулюдей-полумашин. Предположительно некоторые люди смогут найти в роботах, а не в себе подобных компаньонов и спутников жизни, способных удовлетворить не только эмоциональные

потребности, но и оказаться достойными их любви и заботы. Это было бы новым, во всех смыслах уникальным социальным явлением – отказом от человека ради киборга. С другой стороны, возрастающее желание сознательного имплантирования со стороны самого человека уже сегодня набирает популярность. Приведем в качестве примера технологию Neuralink И. Маска. Компания активно выступает за вживление электронных чипов в мозг и тело человека. По мнению разработчиков, в ближайшем будущем такие чипы можно будет задействовать в профессиональной деятельности, а также для контроля за выполнением функциональных обязанностей персонала на различных этапах производственных циклов. Подобным образом родители могли бы имплантировать чипы своим детям в целях их личной безопасности. Кроме того, подобные чипы смогли бы заменить традиционное диагностическое оборудование и использоваться для отслеживания состояния здоровья пациентов и мониторинга их жизненно важных функций постоянно и в реальном времени.

Важно отметить, что описываемая тенденция «превращения» роботов в полулюдей и, наоборот, людей в полуроботов в недалекой перспективе создаст условия для формирования *квазисоциальной среды* с соответствующим набором проблем, выходящим за рамки исключительно социальной направленности.

Заключение

Предстоящий период социальной трансформации станет свидетельством становления постинформационного общества, которое существенно изменит условия существования человека, скорректирует смысловое понимание большинства социальных институтов в глобальной социальной системе. Такие изменения будут результатом новых видов технологий, которые по сравнению с человеческими навыками оказываются в разы совершеннее и эффективнее. Такие технологии априори будут включать в себя различные по сложности разновидности ИИ, Интернет вещей, беспилотные автомобили, беспилотные летательные аппараты, квантовые компьютеры, передовые системы коммуникаций и другие технологии ближайшего будущего, т. е. все то, что можно использовать для обеспечения всех видов взаимодействия между людьми в привычном социальном бытии. Поскольку роботизация постепенно станет незаменимым компонентом в развитом постинформационном обществе, многие устоявшиеся социальные концепции и философские категории необходимо будет переосмыслить. Речь, в частности, идет о справедливости, свободе, равенстве, добре, гуманизме. К примеру, как можно определить справедливость, если робот (машина) подвергается нападению или уничтожается человеком при выполнении своей работы? Кто именно имеет право привлечь нападавшего к ответственности? Что, если беспилотный автомобиль лишит жизни пешехода, пытаясь спасти жизнь своего пассажира? Как насчет равенства? Смогут ли люди говорить о равенстве в мире, где роботы окажутся гораздо более компетентными, чем они? Как можно сохранить конфиденциальность в обществе, которое является полностью «открытой книгой» для «машин»? Как можно достичь свободы, если одной из сторон (подразумеваем людей и роботов) удалось контролировать другую, подчиняя себе? Вообще говоря, каким будет бытие человека с позиции нового гуманизма? Как будут выглядеть города и общества? Останутся ли они прежними или изменятся из-за таких фундаментальных техно-социальных трансформаций?

В целом будущее выглядит не только притягательно перспективным, но и достаточно

проблематичным. Дальнейший анализ постинформационного общества и исследование различных его аспектов, на наш взгляд, во многом раскроют его сущность и помогут человеку не просто встроиться в новое общество, но и сохранить в нем свою первостепенную роль.

Библиография

1. Баррат Дж. Последнее изобретение человечества: искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 396 с.
2. Ланье Дж. Кому принадлежит будущее? Мир, где за информацию платить будут вам. М.: Эксмо, 2020. 560 с.
3. Ракитов А.И. Постинформационное общество // Философские науки. 2016. № 12. С. 7-19.
4. Реиндустриализация экономики регионов России как базовое условие реализации политики импортозамещения. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/52264/>
5. Уэбстер Ф. Теория информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 398 с.
6. Форд М. Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 572 с.
7. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2022. 208 с.
8. High-Tech Strategy 2025. URL: <http://www.bmbf.de/en/the-new-high-tech-strategy-2322.html>
9. Understanding the brain. URL: <https://neuralink.com/science/>
10. Will robots and AI cause mass unemployment? Not necessarily, but they do bring other threats. URL: <https://www.un.org/development/desa/en/news/policy/will-robots-and-ai-cause-mass-unemployment-not-necessarily-but-they-do-bring-other-threats.html>

The post-information society as a key stage in social transformation. The prognostic aspect

Georgii S. Prokhorov-Malyasov

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of history and philosophy,
Kazan State University of Architecture and Engineering,
420043, 1 Zelenaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: georpromal@mail.ru

Abstract

The unprecedented technological development of the modern era can induce man to rethink much of what has traditionally been taken for granted in his life, to redefine traditional social patterns, concepts, ideas and universal human values. The acceleration of the technological capabilities of modern society to adapt to new changes in human life challenges the usual conditions for professional activities and education, trade and consumption, which makes the term "information society" partially obsolete in its inherent sense of describing the corresponding state of society. The study primarily focuses on the problem of the transition from the information society to the post-information one. Technological development in the post-information society will significantly change the social existence of man and the features of his functioning at various levels of social relations—in contrast to the corresponding connections and relations in the information society. The research aims to comprehend the phenomenon of the emerging post-information society and to look for some answer to the question of how the Fourth Industrial Revolution lays a foundation for the

post-information society, simultaneously revealing what social and moral challenges humanity will face in the near historical perspective. The article attempts to describe the post-information society and its characteristic features with due regard to the prognostic function of philosophy.

For citation

Prokhorov-Malyasov G.S. (2022) Postinformatsionnoe obshchestvo – klyuchevaya stupen' sotsial'noi transformatsii. Prognosticheskiy aspekt [The post-information society as a key stage in social transformation. The prognostic aspect]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 137-147. DOI: 10.34670/AR.2022.22.49.026

Keywords

Post-information society, information technology, artificial intelligence, social transformation, man, cyber environment.

References

1. Barrat J. (2013) Our final invention: artificial intelligence and the end of the human era. New York. (Russ. ed.: Barrat J. (2019) Poslednee izobretenie chelovechestva: iskusstvennyi intellekt i konets ery Homo sapiens. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ.)
2. Ford M. (2016) Rise of the robots: technology and the threat of a jobless future. Basic Books. (Russ. ed.: Ford M. (2019) Roboty nastupayut: razvitie tekhnologii i budushchee bez raboty. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ.)
3. High-Tech Strategy 2025. Available at: <http://www.bmbf.de/en/the-new-high-tech-strategy-2322.html> [Accessed 04/09/22].
4. Lanier J. (2014) Who owns the future? New York. (Russ. ed.: Lanier J. (2020) Komu prinadlezhit budushchee? Mir, gde za informatsiyu platit' budut vam. Moscow: Eksmo Publ.)
5. Rakitov A.I. (2016) Postinformatsionnoe obshchestvo [The post-information society]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 12, pp. 7-19.
6. Reindustrializatsiya ekonomiki regionov Rossii kak bazovoe uslovie realizatsii politiki importozameshcheniya [The reindustrialization of the economy of Russia's regions as a basic condition for the implementation of the import substitution policy]. Available at: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/52264/> [Accessed 04/09/22].
7. Schwab K. (2015) The fourth industrial revolution. Pearson. (Russ. ed.: Schwab K. (2022) Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya. Moscow: Eksmo Publ.)
8. Understanding the brain. Available at: <https://neuralink.com/science/> [Accessed 04/09/22].
9. Webster F. (1995) Theories of the information society. London. (Russ. ed.: Webster F. (2004) Teoriya informatsionnogo obshchestva. Moscow: Aspekt Press Publ.)
10. Will robots and AI cause mass unemployment? Not necessarily, but they do bring other threats. Available at: <https://www.un.org/development/desa/en/news/policy/will-robots-and-ai-cause-mass-unemployment-not-necessarily-but-they-do-bring-other-threats.html> [Accessed 04/09/22].

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2022.50.33.014

Философско-антропологическая проблематика в культурном пространстве Японии: философский дискурс и экранные медиатексты

Берлева Ирина Николаевна

Соискатель,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: centrmediaciilgtu@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению актуальных антропологических вопросов и сюжетов, формулируемых в широком культурном пространстве Японии. Отдельно анализируется тема экспликации человека в традиционном философском дискурсе Японии. Выявляются точки принципиального различия с философско-антропологическими теориями Запада. Подчеркивается важность в Японии пространства культурных текстов для выражения значимых философско-антропологических идей. Кроме того, в работе осуществляется комплексная реконструкция философско-антропологической проблематики, интегрированной в популярные медиатексты японской экранной культуры (на примере аниме). Отдельно рассматриваются смысловые структуры и антропологические концепты таких популярных аниме как «Тетрадь смерти» и «Код Гиасс». Подчеркивается семантический синкретизм японской экранной культуры, содержащей популярно-развлекательные и философские смыслы.

Для цитирования в научных исследованиях

Берлева И.Н. Философско-антропологическая проблематика в культурном пространстве Японии: философский дискурс и экранные медиатексты // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 148-155. DOI: 10.34670/AR.2022.50.33.014

Ключевые слова

Японская философия, человек, философская антропология, массовая культура, экранная культура, аниме, «Тетрадь смерти», «Код Гиасс».

Введение

Отличие в понимании человеческой сущности и отношениях человека со своим «Я» и Другими отражается в соотношении западной и восточной философии. Отношение индивида к собственному «Я» и одновременно к Другому трактуется западными философами через образ античной мифологии отрешенного от своего отражения в воде Нарцисса и сидящей за ним нимфы Эхо, создавая западную модель человека, отворачивающегося от Других в угоду тесного взаимодействия с самим собой во внутренней субъективности. Совсем иное понимание подобного отношения представлено в рамках восточной философско-антропологической мысли, в особенности японской философии. Образ человека и его отношений с другим также трактуется с позиций мифологических смыслов. В японском сборнике мифов «Кодзики» (712 г.) приведен миф о солнечной богине Аматэрасу, которую попытались выманить из пещеры, стоящим перед ней зеркалом, посмотрев в которое, Аматэрасу поняла, что есть еще одно солнце и ушла прочь. Сам традиционный философско-антропологический взгляд в Японии можно определить как образ человека, который способен видеть отнюдь не себя, а Другого, и искать Другого в себе, а не себя в Другом.

Все это позволяет утверждать актуальность исследования философско-антропологических представлений, сформировавшихся в японской культуре. Цель данной работы заключается в реконструкции и рационализации философско-антропологической проблематики, интегрированной в традиционный философский дискурс и популярные медиатексты японской экранной культуры (на примере аниме).

Основная часть

Одной из отличительных особенностей японской философии является внимание к проблемам человека в целом, человека как индивидуальности, личности. Также немалое значение в философских взглядах на человека, представленных в трудах японских мыслителей приобретает соотношение природного и социального в человеческой природе, воздействие на нее социальной коммуникации и культуры (как проявление внутреннего духа). Итак, прежде чем говорить о концептуальных основах философской антропологической мысли Японии важно отметить, что в целом образ человека трактуется в его соотношении с природой и бытием. Профессор Осацкого университета Хамагути Эсюн в одной из своих работ указывает на то, что Человек означает бытие имманентного осознания отношений с Другими [Хамагути, 1983, с. 53]. Бытие человека определяется, прежде всего, его жизнью среди окружающих Других людей. В процессе социальной коммуникации человека с внешним окружением происходит его постепенное восхождение от природного начала (син) к человеческой сущности как таковой, в ходе которого человек приобщается к общественной жизни, трансформируясь в мибун – личность, занимающую свою клетку в рамках заданной социокультурной целостности. При этом восприятие человеком культурного опыта и общезначимых духовных ценностей социума происходит исключительно с его внутренних субъективных позиций.

В целом понимание «субъектности» человеческой сущности в японской антропологической мысли отразилось в концепции Вацудзи Тэцуро. Он противопоставил темпоральной модели человеческого бытия М. Хайдегера собственную пространственно-временную модель, позволившую представить индивида как соединение индивидуального и социального. Вацудзи утверждал, что человеческое существование (нингэн) воплощает в себе различные виды

окружения, включая семью, сообщество, и, в конечном итоге, естественную внешнюю среду [Вацудзи, 1962, с. 73]. Видение человеком самого себя и своего места в структуре бытия предопределяется видением его Другими, но опираясь в процессе познания на самого себя и окружающий мир, на собственный субъективный опыт и эмоциональные переживания человек теряет в якобы предзаданном бытии. Он не ощущает принадлежности к миру, так как его сознание не может существовать иначе как в сети взаимосвязей социальных, духовных, культурно-бытовых и др.

В структуре предзаданного социокультурного бытия и социальных зависимостей человеческое сознание пытается отыскать взаимосвязи, которые способствовали бы процессу его приобщения к миру, не с позиций общественной предзаданности, а с точки зрения его внутреннего субъективного взгляда на этот мир и переживаний, которые он когда-либо испытывал. Подобные взаимосвязи человек находит в объектах духовной культуры, в искусстве, способном отражать его внутренний мир, чувства и эмоции по отношению к окружающей Природе.

Рассматривая философско-антропологические позиции западных и восточных мыслителей, анализирующих сущность человеческого бытия через обособленность человека от окружающего мира и его погруженность во внутреннее сознание (западная философия) и через его включенность в социокультурные взаимосвязи с реальным миром (восточная философия), можно сказать о том, что подобный анализ всегда производится посредством синтеза разных областей человеческой жизнедеятельности и ее смыслов – через социальное бытие, культуру, религию, искусство и т.д. Так, наиболее ярко выраженный образ человеческой сущности отражается в духовной области социального бытия, в частности, в искусстве. Искусство, с точки зрения философской антропологии, не только рассматривает человека в его целостности и единстве, но и затрагивает самые глубинные неизвестные раннее черты человеческой сущности как одной из величайших тайн Природы. Для каждого из нас искусство становится способом внутренней гармонизации, особым видом «магического» воздействия на окружающий мир, а также своеобразным механизмом имитации бытия (общего и субъективного), с целью его познания и изменения.

Японское искусство и культура отличаются безлично-исполнительским характером культуры («излагаю, а не творю») и постижением человеком гармонии с природой [Штейнер, 1990, с. 166]. Подобное учение взято из китайской мудрости и гласит о том, что именно природа помогает человеку обрести душевный баланс, исцелить разум, тело и получить внутренний покой и истинное счастье. В отличие от западноевропейской философской мысли, представления японцев о сущности человека являются несколько иными. Японские мыслители говорят о том, что у человека, привыкшего не выделять себя из окружающей действительности, называемой Природой, не возникает духовной потребности выразить собственное «Я» и дать свое понимание мира. Тем самым человек, по своей природе, стремится к отражению Природы, посредством воспринимаемого сиюминутного бытия. Японцы считают, что познать сущность мироздания и передать его смысл возможно только «уйдя от самого себя», в состоянии муга. Таким образом, в философско-антропологических взглядах японских мыслителей отсутствует понятие антропоцентризма в миропонимании, тогда как существует убеждение о всеобщей взаимосвязанности вещей, существующей в «целостном природном универсуме» [Штейнер, 1990, с. 168]. Философские взгляды на человека в Японии отражают важную роль искусства в понимании человеческой природы. Внутренний мир художника не похож на другие – всякий мир может быть изображен через призму собственного «Я» каждого из людей [Герасимова,

2017, с. 64].

«Творческая фантазия» человека с позиции японских философских взглядов была активизирована стремлением человека приобщиться к гармоническому развитию Вселенной. Степень мастерства характеризуется творческим умением использовать средства художественной выразительности таким образом, чтобы подчеркнуть то, что заложено самой Природой. Ценность произведения тем самым зависела от того, насколько оно являлось связующим звеном в системе «Человек – Природа», которая определяется японскими мыслителями как своеобразный Универсум. Именно эта система способна пробудить в человеческой душе эмоции и воспринимается как некий значимый образ. Сочетание эмоционального и поэтически-философского в равной степени стало характерным для любого произведения, создаваемого чувствами, воображением и руками человека – живопись, роман, поэзия, киноискусство и мультипликация, стремящиеся передать неповторимость мгновения, исчезающего в Вечности.

Говоря о восприятии и познании человеком окружающей действительности и своего внутреннего мира, японские мыслители убеждены в том, что наиболее ярко этот процесс находит свое отражение в графическом выражении сущности бытия. В современной Японии подобное «графическое» бытие человека находит свое выражение в экранной культуре, в рамках которой для передачи жизненного пространства индивида используются инновационные виртуальные и цифровые технологии, в особенности – экран [Берлева, Беляев, 2022, с. 20]. Именно экранное пространство в нынешнем японском обществе является уникальным синтезом традиционных философских догм и представлений японцев с новым цифровым мышлением. Тем самым возникает своеобразная экранная философия, отражающая главные проблемы человеческого бытия посредством виртуальной (экранной) среды [Беляев, Задворнов, 2021, с. 8-9].

В настоящее время экранная культура Японии представляет собой систему различных способов передачи цифровой информации (текст, речь, изображение), использующиеся в трех специфических направлениях воссоздания реального мира на экране – кинематограф, видеоигры, анимация. Современное японское искусство, характеризующееся совмещением культурных традиций и технологических инноваций, приводит в движение новый вид рецепции человеком своего бытия – искусство манги и аниме, вмещающее в себя те самые традиции субъективной взаимосвязи человека с Природой и отражающее недосказанность философской проблемы человека как одной из главных тайн мироздания.

Аниме является новым искусством современности. Будучи частью современной экранной культуры, аниме представляет собой японскую анимацию, основанную на быстрой смене изображения на экране, что, в свою очередь, создает эффект движения персонажей в виртуальной среде. В рамках экранного пространства эта мультипликация преподносится потребителям различной возрастной категории в форме фильмов и телевизионных сериалов, распространяющихся через ТВ и Интернет [Беляев, Скрипкин, 2021, с. 16]. Кроме того, аниме в японской медиа-культуре характеризуется особым способом рисовки персонажей и фонов. Сюжетное содержание японской анимации отражает различные исторические периоды, культурные ценности стран и народов, а также внутренние установки человека.

Уникальность искусства аниме заключается в своеобразном синкретизме философских и культурных традиций стран Востока и европейских философско-антропологических воззрений, что формирует новый идеал человеческого бытия. Искусство японской анимации представляет собой активно развивающийся замкнутый культурный пласт, содержащий множество

уникальных сюжетных и идейных символов, философских идеалов, своеобразных психологических образов персонажей. Аниме представляет собой особый образ мысли человека по отношению к себе и к миру (Природы). Загадочный мир японской анимации преподносит альтернативную почву для размышлений о самых важных экзистенциальных вопросах, касающихся бытия человека – выбор перед смертью и страх перед жизнью, вера в Бога и неверие в человечество, поиск себя и потеря любимых людей и т.д. При этом в искусстве аниме присутствует рефлексия над проблемами относительности Добра и Зла в структуре человеческого бытия, осмысления человеком самого себя и окружающей природы (Мира). В этом смысле создатели аниме используют рефлексивность как основной инструмент главного героя в попытке разрешить имеющиеся противоречия своей жизни, Другого и действительности в целом [Иванов, 2001].

Большинство философско-антропологических воззрений, как восточных, так и западных мыслителей нашли свое отражение в новом искусстве японской анимации. Основным сюжетным нарративом многих аниме-сериалов становится, прежде всего, понимание проблемы природы человека и его бытия, которая отображается в образе и действиях персонажа. Подобный содержательный компонент, отражающий основные проблемы человека наиболее ярко выражен во многих аниме. Например, в таких как: Тетрадь смерти (Лайт Ягами) и Код Гиасс: Восстание Лелуша (Лелуш ви Британия).

Говоря о проблеме человека, стоит упомянуть персонажа аниме «Тетрадь смерти». В его сюжете ставится вопрос о том, может ли человек стать богом и взять на себя роль вершителя человеческих судеб. В аниме «Тетрадь смерти» нашли отображение и философские воззрения Ф. Ницше, в частности, его образ сверхчеловека из романа «Так говорил Заратустра». Сверхчеловек представляет собой радикального эгоцентрика, благословляющего жизнь в экстремальных ее проявлениях. Также он выступает как творец, могущественная воля которого направляет вектор развития человечества [Ницше, 2007]. Именно сверхчеловеком стремится стать Лайт Ягами, который впоследствии впадает в безумие. Главный герой Лайт был уверен в том, что он есть божественная сущность, которая вправе вершить судьбы людей. Следовательно, создатели аниме-сериала «Тетрадь смерти», вовсе не согласны с объяснением мироустройства в философии Ф. Ницше. Сюжетное наполнение показывает следующую закономерность: когда количество убийств растет, структура человеческого бытия изменяется в отрицательную сторону. Следовательно, невозможно прийти к идеальному общественному устройству преступным путем, который избрал главный герой Лайт Ягами.

Если говорить о проблеме человека и осознании им своей роли в структуре бытия, то стоит сказать также о таком известном аниме, как «Код Гиасс: Восстание Лелуша». Повествование «Код Гиасс» начинается в альтернативном мире с того, что Япония прекращает свое существование — вся ее территория захвачена Британской империей, границы которой занимают более трети всего мира. Главным персонажем аниме является Лелуш ви Британия – наследник британского престола, обладающий высокими познаниями в области военной стратегии и тактики. В процессе своей борьбы за построение идеального человеческого бытия, он в большинстве людей видит лишь пешек для реализации своих целей, хотя и способен на искреннее сопереживание, дружбу и определенную духовную привязанность (мать, Наналли, Ширли, Юфи, Сузаку) [Обзор аниме «Код Гиасс: Восставший Лелуш», [www...](#)].

В отличие от «Тетради смерти», где также возникала тема двойственности и морального права вершить судьбы других, «Код Гиасс» предлагает наиболее сложную картину мира. Если история о студенте, решившем убить всех преступников, во многом основывается на

философских воззрениях Ф. Ницше, то центральные идеи «Кода Гиасс» в основе своей опираются на вопрос Н. Макиавелли: «Оправдывает ли цель средства?». Глобальное противоречие целей и методов Н. Макиавелли раскрывается в аниме «Код Гиасс: Восстание Лелуша» следующим образом: благими намерениями мостят дорогу в ад, а насильственными методами идеалов, созданными сознанием Лелуша не построить – войной мир без войны создать невозможно. Лелуш в Британия, постепенно углубляясь в политику террора во имя «светлого будущего», не только предаёт и убивает близких людей, но и теряет свою жизнь во имя собственных идеалов, что, по его убеждениям, оправдывает цель создания счастливого и спокойного бытия для всего общества.

Заключение

Можно сделать вывод, что философско-антропологические взгляды западных и восточных, в частности японских, мыслителей представляют образ человека и его внутренней природы по-разному. Это различие детерминировано интерпретациями связи человека с Природой, внутренней духовной составляющей личности, стремящейся к познанию себя и мира посредством искусства и философии, взаимодействия человека с действительностью и с Другими. Несмотря на это, антропологические взгляды основываются на множестве категорий общественной жизни, но, в особенности, на искусстве, посредством которого человек формирует образ своего собственного Бытия. Японские представления о сущности человека, его единство с Природой, а также такие значимые для понимания проблемы человека философские понятия, как: относительность Добра и Зла, любовь, вера в светлое будущее, необходимость власти и контроля, управление собственной судьбой и судьбами других людей, находят свое отражение в новом искусстве японской анимации.

На сегодняшний день японская экранная культура, порождающая современное анимационное искусство характеризуется синкретизмом художественных, философских традиций и виртуальных технологий, с помощью которых эти традиции и различные японские представления о человеке и его бытии отражаются и передаются посредством экрана. Исходя из этого, можно сказать, что нынешняя форма экранной культуры предстает не только похожей на традиционное искусство, но и является особой формой как развлечения, так и способом внутреннего познания человеком себя и окружающего мира. Именно этот фактор отличает современную культуру Японии от других культурных систем мира.

Библиография

1. Беляев Д.А., Задворнов А.Н. Экранная культура: динамика генезиса и форматы репрезентации // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 1А. С. 5-11.
2. Беляев Д.А., Скрипкин И.Н. Экранизация политики в контексте современной медиаккультуры: социально-философский анализ // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 1-2. С. 14-18.
3. Берлева И.Н., Беляев Д.А. Виртуально-симулятивное пространство культуры в контексте динамики масштабирования электронной экранности: социокультурная сфера актуализации // Общество: философия, история, культура. 2022. № 11. С. 18-22.
4. Вацудзи Т. Дзэнсю (Полное собрание сочинений Вацудзи Тэцуро). Токио, 1962. Т. 10.
5. Герасимова М.П. ИмPLICITность японского искусства. Причины и следствия // Японские исследования. 2017. №4. С. 62-79.
6. Иванов Б.А. Введение в японскую анимацию. М., 2001. 396 с.
7. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 4. М.: Культурная революция, 2007. 432 с.
8. Обзор аниме «Код Гиасс: Восставший Лелуш» // AwesomeReviews.2017. URL: <https://awesomereviews.ru/code->

- geass/ (дата обращения: 13.10.2022).
9. Обзор аниме «Тетрадь смерти» // AnimePhilosophy. 2016. URL: http://animephilosophy.tilda.ws/death_note (дата обращения: 13.10.2022).
10. Хамагути Э. Новая трактовка своеобразия японского национального характера и японской культуры // Японская культура и общество: Аналитический обзор. М., 1983.
11. Штейнер Е.С. Феномен человека в японской традиции: личность или квазиличность? // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 164-190.

Philosophical and Anthropological Problems in the Cultural Space of Japan: Philosophical Discourse and Screen Media Texts

Irina N. Berleva

Applicant,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: centrmediaciilgtu@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of topical anthropological issues and plots formulated in the wide cultural space of Japan. The theme of human explication in the traditional philosophical discourse of Japan is analyzed separately. Points of fundamental difference with the philosophical and anthropological theories of the West are revealed. The importance in Japan of the space of cultural texts for the expression of significant philosophical and anthropological ideas is emphasized. In addition, the work provides a comprehensive reconstruction of the philosophical and anthropological issues integrated into the popular media texts of Japanese screen culture (on the example of anime). Semantic structures and anthropological concepts of such popular anime as "Death Note" and "Code Geass" are considered separately. The semantic syncretism of the Japanese screen culture, containing popular entertainment and philosophical meanings, is emphasized.

For citation

Berleva I.N. (2022) Filosofsko-antropologicheskaja problematika v kul'turnom prostranstve Japonii: filosofskij diskurs i jekrannye mediateksty [Philosophical and Anthropological Problems in the Cultural Space of Japan: Philosophical Discourse and Screen Media Texts]. *Kontekst i refleksiya: filosiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 148-155. DOI: 10.34670/AR.2022.50.33.014

Keywords

Japanese philosophy, man, philosophical anthropology, mass culture, screen culture, anime, Death Note, Code Geass.

References

1. Belyaev D.A., Zadvornov A.N. (2021) Screen Culture: Genesis Dynamics and Representation Formats. *Culture and Civilization*. vol. 11. No. 1A. pp. 5-11.
2. Belyaev D.A., Skripkin I.N. (2021) Screening of politics in the context of modern media culture: socio-philosophical analysis. *Modern studies of social problems*. 2021. Vol. 13. No. 1-2. pp. 14-18.

3. Berleva I.N., Belyaev D.A. (2022) Virtual-simulative space of culture in the context of the dynamics of scaling electronic screenness: socio-cultural sphere of actualization. *Society: philosophy, history, culture*. No. 11. pp. 18-22.
4. Watsuji T. (1962) *Zenshu (The Complete Works of Watsuji Tetsuro)*. Tokyo. Vol. 10.
5. Gerasimova M.P. (2017) The implicitness of Japanese art. Causes and effects. *Japanese studies*. 2017. No. 4. pp. 62-79.
6. Ivanov B.A. (2001) *Introduction to Japanese animation*. Moscow. 396 p.
7. Nietzsche F. (2007) Thus Spoke Zarathustra. *Complete Works: In 13 volumes*. Vol. 4. Moscow: Cultural Revolution. 432 p.
8. Review of the anime "Code Geass: Lelouch Risen" // *AwesomeReviews*.2017. URL: <https://awesomereviews.ru/code-geass/> (date of access: 10.13.2022).
9. Review of the anime "Death Note" // *AnimePhilosophy*. 2016. URL: http://animephilosophy.tilda.ws/death_note (accessed 10.13.2022).
10. Hamaguchi E. (1983) A new interpretation of the originality of the Japanese national character and Japanese culture // *Japanese culture and society: Analytical review*. Moscow.
11. Steiner E.S. (1990) The phenomenon of man in the Japanese tradition: personality or quasi-personality? // *Man and culture: Individuality in the history of culture*. Moscow. pp. 164-190.

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2022.26.64.015

**Специфика развития художественной культуры в условиях
современной социокультурной трансформации в концепции Т.
Адорно**

Плеханов Илья Николаевич

Аспирант,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Шипунова Александра Александровна

Студентка,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Сушкова Татьяна Алексеевна

Студентка,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Шкуткова Анастасия Павловна

Студентка,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Худякова Виктория Евгеньевна

Студентка,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Аннотация

Анализ динамики современной культуры стран евроатлантической цивилизации показывает, то она переживает период системных изменений. Эти изменения подчас носят противоречивый характер, являя как множественные примеры созидательного свойства, так и деструктивного. Идущие процессы во многом усиливаются и идущей геополитической трансформацией в мире. Статья посвящена культурфилософскому анализу развития художественной культуры в переходные периоды динамики европейской (позднее – евроатлантической) культуры. Эти периоды определяются понятием «социокультурная трансформация». Данная проблема рассматривается на примере ее интерпретации в творчестве немецкого мыслителя Теодора Адорно. Авторы подробно останавливаются на анализе принципа саморазрушения, которому в творчестве Т. Адорно уделено особое внимание. Саморазрушение понимается как характеристика динамики европейского искусства. Немецкий философ убежден, что в современном ему искусстве XX века тенденция саморазрушения все более усиливается. В представленной научной статье авторы показывают, что усиливающаяся тенденция саморазрушения искусства является отражением идущей социокультурной трансформации в культуре стран евроатлантической цивилизации. Этот период знаменует выход культуры к новым культур-доминантным основаниям и, соответственно, новому этапу в ее динамике.

Для цитирования в научных исследованиях

Плеханов И.Н., Шипунова А.А., Сушкова Т.А., Шкуткова А.П., Худякова В.Е. Специфика развития художественной культуры в условиях современной социокультурной трансформации в концепции Т. Адорно // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 156-161. DOI: 10.34670/AR.2022.26.64.015

Ключевые слова

Художественная культура, Т. Адорно, социокультурная трансформация, переходная эпоха, кризис культуры, философия культуры, современная культура.

Введение

Анализ динамики современной культуры стран евроатлантической цивилизации показывает, то она переживает период системных изменений. Эти изменения подчас носят противоречивый характер, являя как множественные примеры созидательного свойства, так и деструктивного. Идущие процессы во многом усиливаются и идущей геополитической трансформацией в мире [Иванов, 2022, 230]. В результате, в социокультурном пространстве стран евроатлантической цивилизации сформировался целый пласт новых проблем, экстраполируемых и на другие регионы мира, и связанный, например, с формированием виртуальной реальности [Когай, 2019, 13], поиском новых форм работы с современным молодым поколением [Кретов, 2022, 29], существованием человека [Ромах, 2007, 97] и вопросами взаимодействия между людьми в современных условиях [Тарасов, Бодня, 2022, 122; Kataev et al., 2022]. Объяснением идущих сегодня процессов, по нашему мнению, выступает явление современной социокультурной трансформации, о котором сегодня много говорят [Tarasov et al., 2021, 2315].

Основная часть

Характеристика современной культуры стран евроатлантической цивилизации как кризисной и переходной прослеживается практически во всех работах мыслителей, занимавшихся этой проблемой. Более того, даже представители творческой интеллигенции, совершенно далекие от построения объяснительных схем происходящего и тем более выработки культурфилософских моделей, высказывали идеи, близкие наблюдениям маститых представителей философской мысли. Как убедительно показывают в своей статье А.Н. Тарасов и Н.В. Крылова, например, выдающийся отечественный поэт Сергей Александрович Есенин высказывал идеи, созвучные оценкам философов и культурологов с мировым именем [Тарасов, Крылова, 2022, 67].

Ощущение масштабности происходящего характерно для всех мыслителей XX века. К числу таковых относится немецкий философ Теодор Адорно. Как и многие представители философии, Т. Адорно являлся разносторонне развитой личностью. Помимо философского поприща, он известен как музыкант и социолог культуры. В этой связи, процессы, идущие в культуре XX века он мог не просто отрефлексировать, но и понять «изнутри», поскольку осознавал свершающуюся трансформацию на примере музыкальной культуры.

Т. Адорно убежден, что развитие художественной культуры в западном обществе идет по пути низложения традиционной образности. Если прежде художники изображали реально существующие объекты и явления окружающей действительности, то с конца XIX века начался иной процесс – искусство субъективируется, ориентируясь на личностное восприятие отдельно взятого человека. Такое искусство лишено гуманистической направленности, служит сиюминутным целям. Оно не способно созидать человеческое в человеке.

Наряду с негативным влиянием искусства на социум, Т. Адорно в своих рассуждениях замечает и деструктивную тенденцию, имманентно присущую всей художественной культуре. Эту тенденцию Адорно определяет так: «искусство идет по пути саморазрушения». Все виды искусства идут по этому пути. Так, живопись более не стремится отобразить реально окружающий нас мир, музыка не использует принципы тональности и размерности, а архитектура приобретает все более причудливые формы. В результате оказывается, что если прежде художественная культура развивалась по пути совершенствования формы, а в содержательном отношении она была ориентирована на развитие гуманистического содержания в человеке, то теперь об этом можно забыть.

Причины саморазрушения искусства Т. Адорно видит в тех общих, заметно актуализирующихся тенденциях, характерных для культуры в целом. К числу таковых относится плюрализм, понимаемый как множество проводимых художниками экспериментов и воспринимаемых как норма в культуре. Другая тенденция – эклектизм, т.е. сочетание в одном произведении множества форм и стилей, взятых из разных эпох. Еще одной тенденцией-характеристикой является релятивизм, допускающий относительность любой оценки, а потому допускающий и принимающий множественные эксперименты, каждый из которых – не просто норма, но и уникальное явление арт практики. Эти характерные черты, по мнению Т. Адорно, проявились в первую очередь именно в искусстве, что объясняется спецификой художественного образа, который непосредственно воздействует на человека. В результате оказывается, что искусство первым отражает переходные процессы, начинающиеся в системе культуры в целом. Ни наука, ни религия, ни философия не способны зафиксировать начинающийся переход в культуре, только искусство обладает этой уникальной

характеристикой, а саморазрушение выступает первым симптомом начинающегося перехода.

Заключение

Таким образом, по мнению Т. Адорно, для развития искусства XX века характерны такие специфические черты, как эклектизм, плюрализм и релятивизм. В совокупности они – есть проявление свершающейся социокультурной трансформации.

Библиография

1. Иванов В.Н. «Замирять равнину оружием и осваивать ее...»: И.А. Ильин о формировании феномена российской военной культуры // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации. Липецк, 2022. С. 229-233.
2. Когай Е.А. Молодежный экстремизм и виртуальный мир // Социально-гуманитарное обозрение. 2019. № 1 (1). С. 13-14.
3. Кретов Д.В. Методические аспекты использования воспитательного потенциала метода взаимного оценивания при обучении студентов вуза иностранным языкам // Риски и уязвимости современной социокультурной трансформации. Липецк, 2022. С. 28-32.
4. Ромах О.В. «Человек культуры» в социальном пространстве // Аналитика культурологии. 2007. № 1 (7). С. 96-99.
5. Тарасов А.Н., Бодня А.В. Проблема доверия в современном обществе // Традиции и инновации в пространстве современной культуры. Липецк, 2022. С. 121-124.
6. Тарасов А.Н., Крылова Н.В. Философские искания С.А. Есенина и современная культура // Риски и уязвимости современной социокультурной трансформации. Липецк, 2022. С. 66-69.
7. Kataev D.V. et al. Social Sustainability and Professional Migration in the Educational Space of Russian Schools Based on the Results of a Sociological Study // Sustainability. 2022. Vol. 14. № 1. P. 343.
8. Tarasov A.N. et al. Analysis of migration processes in Russian education in the context of the ongoing social and cultural transformation // Revista on line de Política e Gestão Educacional. 2021. Vol. 25. № 3. С. 2311-2325.

The specifics of the development of artistic culture in the conditions of modern sociocultural transformation in the concept of T. Adorno

И'ya N. Plekhanov

Postgraduate,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Aleksandra A. Shipunova

Graduate Student,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Tat'yana A. Sushkova

Graduate Student,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Anastasiya P. Shkutkova

Graduate Student,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Viktoriya E. Khudyakova

Graduate Student,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Abstract

An analysis of the dynamics of the modern culture of the countries of the Euro-Atlantic civilization shows that it is going through a period of systemic changes. These changes are sometimes contradictory in nature, showing both multiple examples of a creative property, as well as a destructive one. The ongoing processes are in many ways enhanced by the ongoing geopolitical transformation in the world. The article is devoted to the cultural-philosophical analysis of the development of artistic culture in the transitional periods of the dynamics of European (later – Euro-Atlantic) culture. These periods are defined by the concept of "sociocultural transformation". This problem is considered on the example of its interpretation in the work of the German thinker Theodor Adorno. The authors dwell in detail on the analysis of the principle of self-destruction, which is given special attention in the work of T. Adorno. Self-destruction is understood as a characteristic of the dynamics of European art. The German philosopher is convinced that in the contemporary art of the 20th century, the tendency of self-destruction is increasing more and more. In the presented scientific article, the authors show that the growing trend of self-destruction of art reflects the ongoing socio-cultural transformation in the culture of the countries of the Euro-Atlantic civilization. This period marks the exit of culture to new culture-dominant grounds and, accordingly, a new stage in its dynamics.

For citation

Plekhanov I.N., Shipunova A.A., Sushkova T.A., Shkutkova A.P., Khudyakova V.E. (2022) Spetsifika razvitiya khudozhestvennoi kul'tury v usloviyakh sovremennoi sotsiokul'turnoi transformatsii v kontseptsii T. Adorno [The specifics of the development of artistic culture in the conditions of modern sociocultural transformation in the concept of T. Adorno]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 156-161. DOI: 10.34670/AR.2022.26.64.015

Keywords

Artistic culture, T. Adorno, sociocultural transformation, transitional era, crisis of culture, philosophy of culture, modern culture.

References

1. Ivanov V.N. (2022) «Zamiryat' ravninu oruzhiem i osvivaivat' ee...»: I.A. Il'in o formirovanii fenomena rossiiskoi voennoi kul'tury ["To pacify the plain with weapons and master it ...": I.A. Ilyin on the formation of the phenomenon of Russian military culture]. In: *Gumanitaristika v usloviyakh sovremennoi sotsiokul'turnoi transformatsii* [Humanities in the conditions of modern socio-cultural transformation]. Lipetsk.
2. Kataev D.V. et al. (2022) Social Sustainability and Professional Migration in the Educational Space of Russian Schools Based on the Results of a Sociological Study. *Sustainability*, 14, 1, p. 343.
3. Kogai E.A. (2019) Molodezhnyi ekstremizm i virtual'nyi mir [Youth extremism and the virtual world]. *Sotsial'no-gumanitarnoe obozrenie* [Social and Humanitarian Review], 1 (1), pp. 13-14.
4. Kretov D.V. (2022) Metodicheskie aspekty ispol'zovaniya vospitatel'nogo potentsiala metoda vzaimnogo otsenivaniya pri obuchenii studentov vuza inostrannym yazykam [Methodological aspects of using the educational potential of the method of mutual evaluation in teaching university students foreign languages]. In: *Riski i uyazvimosti sovremennoi sotsiokul'turnoi transformatsii* [Risks and vulnerabilities of modern sociocultural transformation]. Lipetsk.
5. Romakh O.V. (2007) «Chelovek kul'tury» v sotsial'nom prostranstve» ["Man of Culture" in the Social Space]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of Culturology], 1 (7), pp. 96-99.
6. Tarasov A.N. et al. (2021) Analysis of migration processes in Russian education in the context of the ongoing social and cultural transformation. *Revista on line de Política e Gestão Educacional*, 25, 3, pp. 2311-2325.
7. Tarasov A.N., Bodnya A.V. (2022) Problema doveriya v sovremennom obshchestve [The problem of trust in modern society]. In: *Traditsii i innovatsii v prostranstve sovremennoi kul'tury* [Traditions and innovations in the space of modern culture]. Lipetsk.
8. Tarasov A.N., Krylova N.V. (2022) Filosofskie iskaniya S.A. Esenina i sovremennaya kul'tura [Philosophical searches of S.A. Yesenin and modern culture]. In: *Riski i uyazvimosti sovremennoi sotsiokul'turnoi transformatsii* [Risks and vulnerabilities of modern socio-cultural transformation]. Lipetsk.

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2022.89.23.016

Социальное противоречие как триггер насилия: культурфилософский анализ

Коленко Элеонора Александровна

Аспирант,
Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Зенина Марина Владимировна

Студент,
Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Пенькова Мария Александровна

Студент,
Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Мохотаева Яна Владимировна

Студент,
Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Горина Карина Олеговна

Студент,
Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020, Российская Федерация, Липецк, ул. Ленина, 42;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Аннотация

Современная социокультурная трансформация, идущая в странах евроатлантической цивилизации, порождает множество проблем в самых разных сферах жизни общества. Проблема насилия в большинстве случаев порождается социальными конфликтами, развивающимися в соответствующем обществе. В этой связи для предотвращения насилия следует нивелировать возможность появления социальных конфликтов в обществе. На примере культуры стран евроатлантической цивилизации в статье анализируется феномен насилия в ней. Проведенный культурфилософский анализ показал, что в подавляющем большинстве случаев триггером насилия выступает социальное противоречие. Последнее понимается как столкновение интересов различных групп в данном обществе в определенные периоды времени. Авторы приходят к выводу, что в периоды социокультурных трансформаций – периоды качественных и системных изменений в культуре – социальные просторечия, как и многие иные негативные явления, активизируются. В этой связи, новый импульс приобретает и насилие, находящее отражение, в том числе, и в художественной культуре. Авторы приходят к выводу, что нивелировка социальных противоречий, их прогнозирование и сведение их действия к минимуму, способно снизить в обществе факты проявления насилия.

Для цитирования в научных исследованиях

Коленко Э.А., Зенина М.В., Пенькова М.А., Мохотаева Я.В., Горина К.А. Социальное противоречие как триггер насилия: культурфилософский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 162-167. DOI: 10.34670/AR.2022.89.23.016

Ключевые слова

Социальное противоречие, насилие, социокультурная трансформация, переходная эпоха, кризис культуры, философия культуры, современная культура.

Введение

Свершающаяся сегодня в странах западной культуры социокультурная трансформация порождает множество новых проблем, с которыми прежде евроатлантическое общество не сталкивалось. Для анализа этих проблем следует исходить из того, что в западном типе культуры иная система детерминационных связей социокультурного развития – именно культура задает фундамент для развития остальных сфер жизни общества [Ромах, 2005, 5; Тарасов, 2022, 283]. Подобное наблюдение актуализирует проблему специфики развития цивилизаций [Когай, 2014, 90]. Вместе с тем, все цивилизации сталкиваются с общими проблемами, которые могут иметь универсальное решение, не зависящее от специфики детерминационных связей социокультурного развития. К числу таковых можно отнести социальные конфликты, приводящие ко множеству последствий преимущественно деструктивного характера, одним из каковых, в свою очередь, являются порождаемое ими насилие.

Основная часть

Противоречия сопровождают общество на разных этапах исторического развития, приобретают разную форму и структуру. В периоды различных социальных напряжений

появляются новые представления или учения о природе социальных противоречий. Наиболее остро социальные противоречия проявляются в условиях социокультурной трансформации общества. Утрата веры в периоды разрушения и видоизменения цивилизаций, которая определяет смысл жизни и помогает переносить лишения, является звеном зарождения социальных противоречий. Без цельной единой системы ценностей в обществе появляются разногласия и конфликты, которые ведут к распаду связи времен и поколений. Человек остается один на один с враждебной реальностью, приходит к мысли о бессмысленности бытия.

Наиболее ярким примером выступает прошлое столетие, которое определенно закрепились в истории человечества как, пожалуй, наиболее кризисное и драматичное в связи с двумя мировыми войнами, с кризисом идей гуманизма, установления тоталитарных режимов, развития науки и техники, стремительного прогресса производства. Все эти явления, наряду с комплексом других, порождают кризисное сознание в контексте трансформации культуры.

Исследователи проблем социальных противоречий рассматривают их в разных аспектах. Например, работы о «двойной онтологии» противоречий в переходном состоянии и «когда между самими состояниями существуют темпоральные разрывы, коррелирующие с переходными состояниями» дают представление о динамике развития противоречий и о ее методологии [Попов, Лойтаренко, Таранова, 2014, 43].

Переходные состояния в контексте трансформации культуры в философской мысли сегодня не имеют однозначного подхода к рассмотрению и оценке. Кроме того, не существуют единого понимания характерных особенностей социальных противоречий в переходных состояниях. Однако их природа и логика определяется на протяжении всего исторического процесса и укрепляется в актуальном поле исследования современной философской мысли. Социальные противоречия, которые связаны с несовпадением интересов и целей, характеризуются взаимодействием разных общественных групп и слоев. Первая концепция о противоречиях в философии была разработана еще древнегреческим философом Гераклитом, который рассматривал категорию в ключе единства противоположностей и перехода одной противоположности в другую. Анализирую весь исторический путь социальных противоречий можно прийти к выводу, что таких противоречий множество, но они всегда и базируются на наличии противоположных интересов.

Социальные противоречия могут зарождаться на почве противоречий как таковых или культурных противоречий. Наиболее яркими понятиями противоречий выступают «свобода» и «насилие». Отношение к этим понятиям и субъективная оценка формируют установки человека, норму его мышления, в последствии складываются в систему ценностей. Поэтому проблема социальных противоречий неизбежно упирается в мировоззренческие установки отдельного человека или групп. На сегодняшний день в мире складывается весьма парадоксальная ситуация на фоне трансформации культуры. В ключе такого масштабного явления как глобализация рождаются новые социальные противоречия. В глобализации наблюдается потенциал конфликта и противоречий, поскольку процесс вызывает разноплановую реакцию [Мальцева, Виноградова, 2019, 657]. У отдельных обществ сохраняется потребность в сохранении национальной самобытной картины мира, которое зачастую вытекает в агрессию и полное неприятие. Конфликтным потенциалом в периоды трансформации культуры обладают «элитарность» и «массовость». Они также могут рассматриваться в контексте причин социальных противоречий, поскольку противопоставляются друг другу. Массовая культура

выражает и демонстрирует объективный уровень культуры социума, в то время как элитарная культура поддерживает общество на качественном уровне. Социальные противоречия в периоды переходных состояний обладают стабильными чертами. В результате определяется двойственный характер взаимодействия противоречий. Отмеченные направления в рамках исследования причин социальных противоречий в контексте трансформации культуры способствуют привлечению внимания к проблеме и определения новых векторов исследования. Среди отмеченных причин: элитарность и массовость, свобода и насилие, глобализация.

Заключение

Таким образом, современная социокультурная трансформация, идущая в странах евроатлантической цивилизации, порождает множество проблем в самых разных сферах жизни общества [Иванов, 2022, 81; Кретов, 2022, 150; Тарасов, Кикина, Бублик, 2022, 9; Tarasov & etc., 2021, 2315]. Проблема насилия в большинстве случаев порождается социальными конфликтами, развивающимися в соответствующем обществе. В этой связи для предотвращения насилия следует нивелировать возможность появления социальных конфликтов в обществе.

Библиография

1. Иванов В.Н. Теоретико-методологические основания культурфилософского исследования феномена военной культуры // Общество: философия, история, культура. 2022. № 9 (101). С. 80-83.
2. Когай Е.А. Проблема цивилизаций в истории: П.А. Сорокин versus Н.Я. Данилевский // Творческое наследие Н.Я. Данилевского и задачи России в XXI веке. 2014. С. 89-94.
3. Кретов Д.В. История становления метода взаимной оценки в педагогике // Традиции и инновации в пространстве современной культуры. Липецк, 2022. С. 149-152.
4. Мальцева С.В., Виноградова А.И. Противоречия современной культуры: свобода и насилие, элитарность и массовость, плюрализм и унификация // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. Красноярск, 2019. С. 657-659.
5. Попов В.В., Лойтаренко М.В., Таранова В.А. Социальные противоречия и переходные периоды: философско-методологические аспекты // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 8 (2). С. 42-46.
6. Ромах О.В. От научного редактора // Аналитика культурологии. 2005. № 2 (4). С. 5.
7. Тарасов А.Н., Кикина С.О., Бублик Е.В. Социокультурные основания мировой экономической трансформации // Наука Красноярья. 2022. Т. 11. № 1-4. С. 7-11.
8. Тарасов А.Н. Культурфилософское наследие XX века как теоретическое основание концепции социокультурных трансформаций // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации. Липецк, 2022. С. 281-286.
9. Tarasov A.N. et al. Analysis of migration processes in Russian education in the context of the ongoing social and cultural transformation // Revista on line de Política e Gestão Educacional. 2021. Vol. 25. № 3. С. 2311-2325.

Social controversy as a trigger of violence: cultural-philosophical analysis

Eleonora A. Kolenko

Postgraduate,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Marina V. Zenina

Graduate Student,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Mariya A. Pen'kova

Graduate Student,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Yana V. Mokhotaeva

Graduate Student,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Karina O. Gorina

Graduate Student,
Lipetsk State Pedagogical University,
398020, 42, Lenina str., Lipetsk, Russian Federation;
e-mail: philosophia@rambler.ru

Abstract

The modern socio-cultural transformation taking place in the countries of the Euro-Atlantic civilization gives rise to many problems in various spheres of society. The problem of violence in most cases is generated by social conflicts that develop in the respective society. In this regard, in order to prevent violence, the possibility of the emergence of social conflicts in society should be leveled. On the example of the culture of the countries of the Euro-Atlantic civilization, the article analyzes the phenomenon of violence in it. The conducted cultural-philosophical analysis showed that in the overwhelming majority of cases, the trigger of violence is a social contradiction. The latter is understood as a clash of interests of various groups in a given society at certain periods of time. The authors of the research concluded that during periods of socio-cultural transformations – periods of qualitative and systemic changes in culture – social vernaculars, like many other negative phenomena, become more active. In this regard, violence also acquires a new impetus, which is reflected, among other things, in artistic culture. The authors of the paper concluded that the leveling of social contradictions, their prediction and minimization of their effects can reduce the manifestations of violence in society.

For citation

Kolenko E.A., Zenina M.V., Pen'kova M.A., Mokhotaeva Ya.V., Gorina K.A. (2022) Sotsial'noe protivorechie kak trigger nasiliya: kul'turfilosofskii analiz [Social controversy as a trigger of violence: cultural-philosophical analysis]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 162-167. DOI: 10.34670/AR.2022.89.23.016

Keywords

Social contradiction, violence, sociocultural transformation, transitional era, crisis of culture, philosophy of culture, modern culture.

References

1. Ivanov V.N. (2022) Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya kul'turfilosofskogo issledovaniya fenomena voennoi kul'tury [Theoretical and methodological foundations of the cultural-philosophical study of the phenomenon of military culture]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 9 (101), pp. 80-83.
2. Kogai E.A. (2014) Problema tsivilizatsii v istorii: P.A. Sorokin versus N.Ya. Danilevskii [The problem of civilizations in history: P.A. Sorokin versus N.Ya. Danilevsky]. In: *Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo i zadachi Rossii v XXI veke* [Creative heritage of N.Ya. Danilevsky and the tasks of Russia in the XXI century].
3. Kretov D.V. (2022) Istoriya stanovleniya metoda vzaimnoi otsenki v pedagogike [The history of the formation of the method of mutual evaluation in pedagogy]. In: *Traditsii i innovatsii v prostranstve sovremennoi kul'tury* [Traditions and innovations in the space of modern culture]. Lipetsk.
4. Mal'tseva S.V., Vinogradova A.I. (2019) Protivorechiya sovremennoi kul'tury: svoboda i nasilie, elitarnost' i massovost', plyuralizm i unifikatsiya [Contradictions of modern culture: freedom and violence, elitism and mass character, pluralism and unification]. In: *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики* [Actual problems of aviation and cosmonautics]. Krasnoyarsk.
5. Popov V.V., Loitarenko M.V., Taranova V.A. (2014) Sotsial'nye protivorechiya i perekhodnye periody: filosofsko-metodologicheskie aspekty [Social Contradictions and Transitional Periods: Philosophical and Methodological Aspects]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], 8 (2), pp. 42-46.
6. Romakh O.V. (2005) Ot nauchnogo redaktora [From the scientific editor]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of cultural studies], 2 (4), p. 5.
7. Tarasov A.N. et al. (2021) Analysis of migration processes in Russian education in the context of the ongoing social and cultural transformation. *Revista on line de Política e Gestão Educacional*, 25, 3, pp. 2311-2325.
8. Tarasov A.N. (2022) Kul'turfilosofskoe nasledie XX veka kak teoreticheskoe osnovanie kontseptsii sotsiokul'turnykh transformatsii [Cultural and philosophical heritage of the twentieth century as a theoretical basis for the concept of socio-cultural transformations]. In: *Gumanitaristika v usloviyakh sovremennoi sotsiokul'turnoi transformatsii* [Humanities in the conditions of modern socio-cultural transformation]. Lipetsk.
9. Tarasov A.N., Kikina S.O., Bublik E.V. (2022) Sotsiokul'turnye osnovaniya mirovoi ekonomicheskoi transformatsii [Sociocultural foundations of world economic transformation]. *Nauka Krasnoyar'ya* [Science of Krasnoyarsk Region], 11, 1-4, pp. 7-11.

УДК 02.41

DOI: 10.34670/AR.2022.93.68.017

Бытие человека в революции как источник эстетического чувства возвышенного

Савельева Александра Борисовна

Аспирант,
Ассистент кафедры социальной философии
Казанского Федерального университета,
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18;
e-mail: alexandrasavelye@mail.ru

Аннотация

В данной статье феномен социальной революции представлен в аспекте своих эстетических характеристик. Автор полагает, что социальное движение в направлении прекрасного будущего, прекрасного общества в принципе не может быть лишено эстетических составляющих. Событие революции как момент исторического процесса может быть представлено в контексте эстетических категорий, что позволяет раскрыть значимые причины ответственного участия человека в революционном движении. Автор показывает, как в ходе революционного действия его участники на фоне ярко выраженных социальных и этических эмоций испытывают и возвращают в себе специфические эстетические чувства. Одним из направлений развития таких чувств, по мнению автора, является движение от чувства страха к переживанию возвышенного, что раскрывает перед революционером путь выхода из простого повседневного существования в экзистенцию.

Для цитирования в научных исследованиях

Савельева А.Б. Бытие человека в революции как источник эстетического чувства возвышенного // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 168-175. DOI: 10.34670/AR.2022.93.68.017

Ключевые слова

Бёрк, Кьеркегор, страх, возвышенное, революция.

Введение

Феномен социальной революции является многогранным и сложным, включающим в себя далеко не только социально-экономические и политико-правовые аспекты. Это комплекс событий метафизического порядка, полагающий кардинальные сдвиги этического, нравственного, эстетического плана в мироощущении непосредственных участников революционных событий. Отсюда проистекает и многовекторность анализа революции. Мы предлагаем рассмотреть революцию как феномен, обладающий собственным особым эстетическим началом, участвующим в совершении социальных перемен. В этой связи исследование революционного процесса предполагает не только социально-экономическую, но и эстетическую оптику, а видение эстетики революции позволяет, на наш взгляд, глубже раскрыть её и разрушительный, и созидательный потенциал. В частности, имеет смысл рассмотреть эстетическую компоненту революционного действия в плане зарождения и развития особого эстетического чувства участника событий. Немного забегаая вперед, обозначим траекторию развития этого чувства как переход от чувства страха к переживанию возвышенного. Мы не случайно указали на «чувство страха» и «переживание возвышенного». По нашему мнению, чувство подразумевает неосознаваемое почти физическое эмоциональное ощущение, тогда как переживание имеет более сложную форму и структуру, т.к. предполагает, в том числе, *осознание* происходящего / произошедшего.

Категория «страх» как источник «возвышенного» в эстетической теории Э. Бёрка

В работе «Происхождение наших идей возвышенного и прекрасного» британский политик и мыслитель XVIII столетия Э. Бёрк рассматривает особенности, причины возникновения и проявления одной из базовых категорий эстетики – возвышенного. Однако, как нам кажется, Бёрк выходит за рамки только эстетической теории, т.к. его «возвышенное» можно, с определённой уверенностью, отнести к инструментам осмысления одного из базовых экзистенциальных состояний человека. В связи с этим мы хотели бы привести одно из встречающихся в тексте автора определений возвышенного: «Возвышенное – это идея, относящаяся к самосохранению; поэтому она одна из наиболее сильно действующих на нас идей; её самая сильная эмоция – эмоция несчастья; к ней не относится никакое удовольствие, полученное от безусловной причины» [Бёрк, 1979, 116]. Похожую мысль можно обнаружить в одном из трудов немецкого философа И. Канта. В «Критике способности суждения» пишет о возвышенном как о негативном удовольствии постольку, поскольку «возвышенное и не совместимо с привлекательностью; и поскольку душа не просто притягивается к предмету, но и отталкивается им, в благорасположении к возвышенному содержится не столько позитивное удовольствие, сколько восхищение или уважение» [Кант, 1994, 114]. Таким образом, и Бёрк, и Кант отмечают сложный «характер» возвышенного. Ещё одно определение возвышенного можно найти в словаре Конта-Спонвиля: «чаще всего слово «возвышенный» употребляется в значении эстетического критерия, обозначая нечто настолько прекрасное, что оно как бы поднимается над человеком, заставляя его ощутить собственную посредственность, а к удовольствию от созерцания этого прекрасного как будто примешивается некоторая доля страха» [Конт-Спонвиль, 2012, 100].

Итак, ключевое положение Бёрка (и Конта-Спонвиля), состоит в том, что возвышенное в

основе своей связано с переживанием страха и боли. Как правило, источником боли является некое физическое воздействие на телесность человека, уже после порождающее страх, который, по мысли Бёрка, воздействует в большей степени на дух, нежели на тело. С этой позицией нетрудно согласиться. Однако далее Бёрк делает несколько неожиданный ход: он полагает, что именно страх, в открытой или скрытой форме, является господствующим принципом возвышенного [Бёрк, 1979, 89]. Возможность испытывать страх, по мнению мыслителя, связана с наличием отрицательных состояний в жизни человека: пустоты, темноты, одиночества и молчания. Таким образом, страх может иметь несколько различных источников происхождения. Среди них – природные явления, которые способны вызывать страх перед своей силой, мощью и непредсказуемостью, отсутствием возможности их контролировать и разрушительностью. Этот источник знаком человеку и человечеству с самых древних времен. Второй источник базируется на более сложных явлениях – на социальных угрозах и рисках. В этом случае человек начинает испытывать страх и ужас не от самого физического наличия факта или явления, а от возможных последствий и наказаний, которые могут ему грозить. Например, страх быть изгнанным, осуждаемым, заточённым в тюрьму, убитым. Еще один взгляд на происхождение страха предлагает И. Кант. Немецкий философ определяет условие, при котором нечто или некто становится предметом нашего страха – мы оказываемся не в силах оказать сопротивление («то, чему мы стремимся оказать сопротивление, есть зло, и, если мы обнаруживаем, что наша способность для этого недостаточна, оно становится предметом страха» [Кант, 1994, 130]).

В качестве наиболее значимых источников страха Бёрк указывает на властные структуры и на Бога (идею Бога). И в первом, и во втором случае в основу страха ложится сила как элемент проявления мощи и давления на человеческое сознание. Это описывается следующим образом: «...робость перед лицом власти настолько *естественна* и настолько *прочно укоренилась в нашем сознании*, что очень немногие в состоянии её преодолеть, и то *благодаря частому непосредственному общению* с великими мира сего и всеми силами подавляя свои естественные наклонности» [Бёрк, 1979, 97] (выделено мною – А. С.). Примечательным для нас является тот факт, что, согласно Бёрку, наличие силы и страха как реакции на эту силу уже создает потенциальную возможность возникновения чувства возвышенного. Однако возникает вопрос: как и почему эта потенциальная возможность превращается в реальную. В диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» Н. Г. Чернышевский пишет: «чувство ужаса может усиливать ощущение возвышенного, но ужас и возвышенность – два совершенно различных понятия» [Чернышевский, 1986, т. I, 87]. Для Чернышевского переживание возвышенного напрямую связано с физическим превосходством материального предмета или явления («гораздо больше, гораздо сильнее» – вот отличительная черта возвышенного» [Чернышевский, 1986, т. I, 88]). Однако, как тогда перейти от ужаса к возвышенному, если очевидно, что хорошо испугаться совсем недостаточно для того, чтобы вырастить в себе чувство возвышенного.

Страх – Преодоление – Возвышенное

Переход от чувства страха к переживанию возвышенного подразумевает под собой наличие очень важного элемента, а именно, *преодоления*. Именно через преодоление, нам видится, возможен переход на качественно иной уровень переживания и осмысления происходящего. «Бесстрашное отношение к страшному, преодоление страха и моральное удовлетворение по этому поводу – вот что такое возвышенное: возвышенное – это возвышающее» [Гулыга, 2000,

100], – именно так пишет отечественный философ, историк философии А. В. Гулыга о переживании возвышенного, напрямую говоря о силе этого эстетического чувства, рождённого человеком в результате собственного усилия, преодоления себя.

Преодоление предполагает желание выйти из состояния страха, попытку перейти от страха к чему-то иному, что поможет очиститься от этого страха. Например, если человек испытывает страх перед толпой, сидит, запершись в собственной комнате, он не может от переживаемого чувства страха перейти к состоянию возвышенного. Но если этот же самый человек попытается преодолеть свой страх и выйдет к людям, возможно он ощутит радость сопричастности какому-то большому общему делу, значимому проекту, происходящему историческому событию, в котором участвует масса людей. Ярким примером такого ощущения сопричастности может послужить биография и книга Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Преодоление страха становится источником появления чувства возвышенного. Например, Рид пишет о солдате, который произносит буквально следующее: «Если мне докажут, что я защищаю революцию, то я пойду и буду драться, и меня не придется подгонять расстрелами» [Рид, 2021, 50]. В личные интересы данного конкретного солдата, конечно, не входит умирать, он испытывает чувство страха, но он преодолевает его не просто ради самого преодоления, а ради *революции*. Само выражение «меня не придется подгонять расстрелами» уже может указывать на то, что страх, безусловно, есть, но человек находит тот объект, в данном случае, революцию, ради которого ему *уже* не страшно пойти на смерть, т.к. она приобретает особый высокий смысл, становится не столько пугающей, сколько возвышенной (и возвышающей человека). Цена моей конкретной жизни становится ценностью в истории создания нового мира. «Пусть американские товарищи передадут Америке, что мы, русские, будем биться насмерть за свою революцию» [Рид, 2021, 57]. Здесь мы видим преодоление страха, появление возвышенной гордости за свои действия и готовности рисковать жизнью за развитие революции. Высокое чувство – свидетельство того, что идея возвышенного выходит за пределы только эстетической теории.

Бёрк был не единственным мыслителем, который рассматривал «потенциал» страха для развития эстетического чувства. Ещё одним мыслителем, обратившимся к теме страха, был датский философ С. Кьеркегор. В работе «Понятие страха» Кьеркегор размышляет о страхе как о некоем переходе от невинности к вине [Кьеркегор, 2010, 159].

Согласно Кьеркегору, страх находится в логической связке с запретом и наказанием («Невинность доводится до крайности. Вместе со страхом она вступает в отношение к запретному и наказанию. Она невиновна, однако здесь присутствует страх, как будто она уже потеряна» [Кьеркегор, 2010, 162]). Страх, о котором размышляет Кьеркегор, этический, и он не способен порождать переход к возвышенному, т.к. концентрирует человека на вине и наказании. Страх, о котором пишет Бёрк, более «продуктивен», т.к. позволяет человеку не просто раствориться в своём переживании, но и перейти на более высокий уровень – уровень действия. Человек, испытывающий кьеркегоровский страх, будет стремиться к тому, чтобы подобное переживание не повторилось. Страх, который описывает Бёрк, для человека является более знакомым и привычным потому, что сопровождает человека на протяжении жизни. Однако в ситуации преодоления страха человек вступает в область эстетического, где может испытать чувство возвышенного.

Переживание возвышенного, по Бёрку, отделено от чувства удовольствия, отличаясь в этом плане, например, от эстетического чувства прекрасного. Возвышенное существует как в простых, элементарных формах (благоговение, почтение, уважение), так и в самой сложной,

высокой форме *изумления* [Бёрк, 1979, 159]. Именно на почве этой формы возникает *восторг*. Человек способен испытывать восторг от объекта возвышенного в тех случаях, когда его жизни ничего не угрожает, а боль находится в пределах терпимого.

Попытаемся применить концепцию Бёрка к анализу эстетических чувств человека, находящегося в пучине революционных событий. Революция как процесс, в ходе которого происходит изменение привычных социальных, политических и экономических структур, порождает в человеке множество чувств, одним из которых является страх. Страх перед неизвестностью, страх за собственную жизнь, страх перед последствиями события, которое совершается при непосредственном участии страшащихся и свой страх преодолевающих. В подобных обстоятельствах каждый из участников революции, не важно насколько активны его действия, испытывает амбивалентное чувство: желание избежать катастрофы и приблизиться к ней. Подобные чувства можно сравнить с одновременным движением к Эросу и Танатосу. Эту двойственность замечательно описал Владимир Маяковский. В «Оде революции» есть строки: «Каким названьем тебя еще звали? // Как обернешься еще, двулика? // Стройной постройкой, // грудой развалин?» [Маяковский, 1987, Т. I, 100]. Наглядно можно увидеть не только «двуликость» революции, но и противоречивость отношения человека к ней. Что же выбирает революционер? Нам кажется, что он выбирает жизнь, движение к новому миру, при этом осознавая, что может его уже и не увидеть.

В ходе революции человек из зрителя трагедии превращается в невольного / вольного участника событий. В «Письме к товарищам» В. И. Ульянов-Ленин пишет о том, что люди, видя и осознавая происходящее, не готовы оставаться пассивными, лишенными права голоса. Говоря же о подготовке восстания, он обращает внимание на то, что необходимы люди, которые обладают «сознательной, твердой и непреклонной решимостью сознательно биться до конца, это – с одной стороны. <...> А с другой стороны, нужно сосредоточенно-отчаянное настроение широких масс, которые чувствуют, что *полумерами* (выделение сделано мною – А. С.) ничего теперь спасти нельзя...» [Ленин, 1969, т. 34, 413]. Мы не зря выделили слово «полумера», ведь в масштабах революционного действия практически невозможно оставаться в стороне от происходящего, вовлеченность в революционное действие приводит к распределению «ролей» (например, лидеры революции, более активно действующие участники или менее активно, но все же включенные, в разворачивающиеся события), что можно сравнить с участием в перформансе или театральной постановке. Последнее подразумевает под собой не искусственность или поддельность, а некоторую устремленность к потенциальному разрешению складывающегося в ходе революционного события напряжения. Происходит «усиление» эстетической составляющей не только самого действия, революции, но и эстетического соприкосновения участников революции с самими собой, с другими, а значит, увеличивается эстетический потенциал события, конечной точкой которого может служить не только политическая победа, но и катарсическое очищение страстей его участников. Очищение, через которое проходит зритель / слушатель художественного произведения, достаточно сильно отличается от очищения, которое переживает участник исторического события. Именно поэтому революционеры не всегда могут сказать, что именно их влечёт, но ощущают это необходимое для *их* жизни стремление к революционному движению. Возвышенное, в том понимании, которое предлагает Бёрк, становится неким недостающим элементом этого движения. Страх, боль, восторг – все они являются источниками того возвышенного, на которое мы оказываемся способны в революционной ситуации.

Однако сам по себе страх, который описывает Бёрк, не порождает чувства возвышенного.

Чтобы возникла эта сложная эстетическая эмоция, необходимо действие, движение, в котором этот страх будет преодолеваться. Если нет преодоления, не произойдет и перехода к чему-то прекрасному и возвышенному, поскольку усиливающееся чувство страха будет порождать только ужас, который способен в лучшем случае приводить к обездвиживанию, а в худшем – к чувству, противоположному возвышенному, – к низменному, к ощущению собственной беспомощности и, как следствие, низости.

В «Песне о Буревестнике» М. Горького можно найти такие строки: «Чайки стонут перед бурей, – стонут мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей. // И гагары тоже стонут, – им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает» [Горький, 2021, 87]. В этих поэтических образах чайк и гагар мы можем увидеть страх, который не выходит за собственные пределы, не преодолевается и не порождает чувство возвышенного. В образе Буревестника, который «реет смело и свободно над седым от пены морем» [Горький, 2021, 87], можно увидеть образ революционера, который способен в революционном порыве, в действии, в движении (полете) подчинить себе свой страх, преодолеть его и ощутить возвышенное как редкую и сложную эстетическую эмоцию.

Переход от страха к возвышенному возможен лишь тогда, когда существует нечто, способное вступить в «борьбу» со страхом: надежда, вера в идею, готовность отдать собственную жизнь и т.д. Именно это понимание опасности, помноженное на практическую готовность отдать свою жизнь во имя происходящего действия, и рождает то, что можно назвать поэзией революции, что рождает одухотворённый настрой революционера и ведет его в пространство экзистенции.

Вывод

Идея революции, как идея преобразования мира, устранения несправедливости уже сама по себе «поднимается» над повседневными чувствами и обычными, привычными переживаниями, существует на качественно ином уровне. Эта идея изначально включает в себе момент возвышенного, предполагающего значимость, ненеправильность жертвы. Это чувство уничтожает страх, вот почему он исчезает в процессе овладения человеком идеей революции (или, наоборот, когда идея революции овладевает человеком). В преодолении, в уничтожении страха состоит, на наш взгляд, значимое отличие идеи революции от идеи Бога или власти, приятие которых совсем не предполагает преодоления страха. Идея революции опирается на то, что не может вызывать тотальный страх и ужас у человека, к ней обратившегося, она направлена на развитие, на внутренний порыв, на возвышение самого человека. Идея революции предполагает мотив *освобождения*, а свобода хотя и несет в себе элементы страха, обладает более важной и значимой чертой – возможностью творить. В ходе революции творится и новый мир, и новый человек. Человек вступает в борьбу не только с привычными формами социального, экономического или политического устройства. Революционеры и другие участники революции творят историческое событие, но вместе с тем создают и новые каноны красоты мира, формируют себя. В ходе революции происходит перерождение не только государства и общества, но и человека. Человек узнает пределы собственных сил, осознает границы, в которых жил прежде, расширяет и совершенствует собственную природу и свободу.

Таким образом, именно преодоление страха в радикальном и конструктивном практическом действии рождает возвышенное как сложное эстетическое переживание человека-участника революционных событий.

Библиография

1. Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М.: Искусство, 1979. 237 с.
2. Горький М. На дне. М.: Эксмо, 2021. 352 с.
3. Гулыга А. В. Эстетика в свете аксиологии. Пятьдесят лет на Волхонке. СПб.: Алетейя, 2000. 447 с.
4. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
5. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна, 2012. 752 .
6. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Культурная революция, 2010. 488 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Том 34. М.: Издательство политической литературы, 1969. 585 с.
8. Маяковский В. В. Сочинения в двух томах, т. I. М.: Правда, 1987. 768 с.
9. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. СПб.: Азбука, 2021. 352 с.
10. Чернышевский Н. Г. Сочинения в 2-х томах. Т. I. М.: Мысль, 1986. 805 с.

Human Being in Revolution as a Source of the aesthetic sense of the sublime

Aleksandra B. Savel'eva

Postgraduate student,
Assistant at the Department of Social Philosophy
Kazan Federal University
420008, 18, Kremlevskaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: alexandrasavelye@mail.ru

Abstract

This article examines the phenomenon of social revolution through its aesthetic characteristics. The author aims to demonstrate the impossibility of realizing any revolutionary event without realizing its aesthetic component. The object of the research is revolution; the subject of the author's research is the aesthetic component of the revolutionary movement. In order to realize her goal, the author turns to the analysis of a political event (in this case, revolution) through the basic categories of aesthetics. The aesthetic potential of the revolutionary event is revealed through the category of the "sublime". The author seeks to show the transition from the sense of fear, which the English thinker E. Burke writes about in his works, to the experience of the sublime, as one of the main aesthetic categories. This transition, according to the author, is possible only through "overcoming," otherwise fear remains fear, i.e., it does not pass into the realm of aesthetic experience and feeling. In the course of the revolutionary's overcoming of his own fears and awareness of his own power and strength, there is an exit from the everyday state into the sphere of aesthetic living. In the final analysis, there is a movement from the feeling of fear to the experience of the sublime, which allows us to speak of the unfolding of the aesthetic component of the revolutionary event.

For citation

Savel'eva A.B. (2022) Bytie cheloveka v revolyutsii kak istochnik esteticheskogo chuvstva vozvyshennogo [Human Being in Revolution as a Source of the aesthetic sense of the sublime]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 168-175. DOI: 10.34670/AR.2022.93.68.017

Keywords

Burke, Kierkegaard, fear, sublime, revolution.

References

1. Burke E.(1979), *Filosofskoe issledovanie o proisxozhdenii nashix idej vozvy`shennogo i prekrasnogo* [Philosophical research on the origin of our ideas of the sublime and the beautiful]. Moscow: .Iskusstvo Publ.
2. Gor`kij M. (2021), *Na dne* [At the bottom]. Moscow: Eksmo Publ.
3. Gulyga A.V. (2000), *E`stetika v svete aksiologii. Pyat`desyat let na Volxonke* [Aesthetics in the light of axiology. Fifty years on Volkhonka]. Saint-Petersburg: Aletejya Publ.
4. Kant I. (1994), *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Criticism of the ability of judgment]. Moscow: Iskusstvo Publ.
5. Comte-Sponville A. (2012), *Filosofskij slovar`* [Philosophical Dictionary]. Moscow: E`terna Publ.
6. Kierkegaard S. (2010), *Strax i trepet* [Fear and awe]. Moscow: Kul`turnaya revolyuciya Publ.
7. Lenin V. I. (1969), *Polnoe sobranie sochinenij. Tom 34* [The complete works. Volume 34]. Moscow: Izdatel`stvo politicheskoy literatury` Publ.
8. Mayakovsky V. V. (1987), *Sochineniya v dvux tomax. T. I* [Essays in two volumes. Vol. I]. Moscow: Pravda Publ.
9. Reed J. (2021), *Desyat`dnej, kotory`e potryasli mir* [Ten Days that Shook the World]. Saint-Petersburg: Azbuka Publ.
10. Chernyshevsky N. G. (1986), *Sochineniya v 2-x tomax. T. I*. [Works in 2 volumes. Vol. I.]. Moscow: My`sl` Publ.

УДК 7.036

DOI: 10.34670/AR.2022.18.21.027

Современные арт-практики в контексте цифровых трансформаций

Савельева Ксения Викторовна

Преподаватель кафедры начального образования,
Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42;
e-mail: ksaveleva@sfedu.ru

Аннотация

В данной статье автор конкретизирует понятие современного искусства на примере становления и развития современных арт-практик; приводит примеры развития и становления современных арт-практик, обосновывает появление новых тенденций и направлений. Описывается влияние пандемии COVID-19 и информационных технологий на развитие арт-рынка. Выявляется и дается характеристика нового направления NFT искусства, раскрывается генеалогия становления этой формы искусства. Исследование направлено на изучение цифровизации искусства, междисциплинарного характера и культурных явлений, влияющих на становление и формирование современного искусства. Современное искусство и арт-практики претерпевают серьезные изменения, происходит демократизация рынка, а новые онлайн-платформы и социальные сети, приобретают все большее влияние. Последние служат в качестве центрального средства обмена информацией и представляют большую ценность для художников и коллекционеров. В условиях глобализации предлагается принять плюралистическое понимание арт-рынка как «интернационально разбросанного рынка». Можно примерно определить художников, арт-дилеров, коллекционеров, частные учреждения, критиков, консультантов и аукционные дома в качестве основных заинтересованных сторон.

Для цитирования в научных исследованиях

Савельева К.В. Современные арт-практики в контексте цифровых трансформаций // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 176-183. DOI: 10.34670/AR.2022.18.21.027

Ключевые слова

Современное искусство, арт-практики, NFT искусство, культурные индустрии, интерактивное искусство, компьютерное искусство.

Введение

В условиях быстрого распространения цифровой медиаккультуры и доступности технических медиа средств на рубеже XX-XXI веков искусство претерпевает изменения: мастерство художника, реализм и эстетика, которым ранее придавали наиболее важное значение, сегодня отошли на второй план.

Анализ художественных арт-практик и направлений до сих пор является актуальной задачей ученых. Медийные технологии, цифровые медиапроекты и экспериментальные арт-практики образуют новое исследовательское поле.

Цель данной статьи – рассмотреть влияние цифровых технологий на современные арт-практики.

Основная часть

Уходит в прошлое и классическое понимание искусства со свойственным ему пониманием прекрасного. Репрезентация современного искусства осуществляется в иных формах. Живописное полотно уже не отображает чувств современных художников. Реагируя на изменения в поле медиа и технологий, авторы привносят их в свои работы, создавая гибридные стили и арт-объекты [Демпси, 2008].

Эпоха постмодерна трансформирует поле искусства, в нем появляется место науке, технологии, повседневности. Конец XX века ознаменовался тем, что художники не только работают над изменением стилистики живописи или скульптуры, но изобретают новые виды искусства. Современное искусство пронизывается прорывными идеями. Под влиянием всех этих тенденций произошло становление современных арт-практик. Мы будем понимать под *современными арт-практиками* художественную деятельность, в которой составляющая опыта, творчества и креативности приобретает особые черты и воплощается в новых течениях и направлениях искусства. Арт-практики представлены широким кругом явлений, объектов и процессов активности в художественной сфере. Им свойственны новые языки, которыми передаются смыслы искусства.

Сознание творца не признает догматов, правил, традиций и норм. Художники отходят от привычных приемов, демонстрируя свои эстетические принципы. Им не нужны авторитеты или идеи, общие для всех. Творцы вышли из общепринятой парадигмы и ведут себя независимо. Как отмечает В. Пигулевский: «Искусство становится элементом социокультурной реальности, эстетикой жизнестроения, теряя свои границы, то есть условность. Классическая модель искусства гибнет в контексте культуры. Эта катастрофа одухотворенного искусства замещается арт-практикой, работой с объектами самой действительности» [Пигулевский, 2019].

Художественные практики вывели искусство на новый виток развития. Это коснулось всех сфер изобразительного, музыкального, танцевального искусства. Художественное сознание в новой эпохе изменилось, время обусловило динамику мысли и восприятия мира. Здесь следует отметить, что было создано новое направление неоклассической эстетики.

В. Бычков изучал особенности философии искусства, которая развилась в постнеклассический период. Автором дана трактовка направления «нонклассика» и отмечено, что течение «нонклассика» оппозиционно по сути к классической концепции, определившей развитие культуры в ее художественном представлении [Бычков, 2010].

Произведения искусства принято оценивать по техническому мастерству художника,

учитывая характерные признаки, такие как «правильная» перспектива и мягкое затемнение, создающие иллюзию трехмерного пространства. Оценивая современные арт-практики, К. Хюбнер писал, что в произведениях искусства отныне нет стержня, который делает его общедоступным к пониманию [Hübner, 1998]. А.В. Венкова говорила о некоей субстанции, которая материализовалась в новом виде. Современные арт-практики быстро возникали и также стремительно исчезали, не оставляя следа в сознании людей [Венкова, 2005].

Следует сказать, что акцентирование внимания на технике может притупить воображение. Как отмечает Моника Бохм-Дюшен и Джанет Кук в энциклопедии, посвященной современному искусству: «Произведения современного искусства можно интерпретировать по-разному. Ваше личное мнение имеет такое же право на существование, как и мнение критика, особенно если вы внимательно рассматриваете работу и размышляете над тем, что видите. Сведения о художнике и знание обстоятельств, при которых была написана картина, помогут вам лучше понять произведение» [Бохм-Дюшен, 2001].

Продвижение концепций приобретает особую важность. В работах художника представлен его замысел, взгляд на мир, сама презентация арт-объекта. Идея обладает художественным интересом, который является значительным. Под идеей понимают совокупность художественных ценностей. Следует в этой связи отметить важность концептуального искусства в этом случае, которое определило вектор развития общества. Искусство уже не пребывает в эстетических тисках.

Задача арт-практик – преобразование пространства. Сама по себе художественная активность проявляется в осознании красоты внешнего мира и предоставления своего взгляда на него с использованием конкретных средств передачи. Окружающая художника реальность – это источник вдохновения, материал для творчества и создания арт-объекта [Леванова, 2014].

Художники поднимают актуальные проблемы и доносят их до политического сообщества и социума. Намерения сделать из произведения искусства инструмент социального влияния, превратить его в речь художника, воплощаются в развитии перформанса, хэппенинга. Одним из первых перформансов стал проведенный в 1952 году проект «Театральное событие». Американский композитор Джон Кейдж, пианист Дэвид Тюдор, хореограф и танцор Мерс Кеннингам проводят выставку картин, которая сопровождается танцем, лекцией, звуком граммофона и чтением стихов. Вскоре такие черты, как использование различных средств выражения, дисциплин и артистов разных направленностей стали основными признаками хэппенинга. Доступные художникам цифровые технологии привели к широкому распространению цифрового перформанса. Как отмечает Стив Диксон: «Распространение цифрового искусства напрямую связано с тем, что принято называть “цифровой революцией” за которой последовало появление более доступного оборудования, “удобного в использовании” программного обеспечения, цифровых камер, домашних PC и развитие Интернета. Сгенерированные компьютером изображения начали выделяться как отдельная форма искусства в начале 1960х. «Catalog» Джона Уитни был одним из первых фильмов, использовавших компьютерные преобразования. В 1965 выставка «Сгенерированные Компьютером Изображения» в Нью-Йоркской Галерее Говарда Вайза включала в себя работу пионеров компьютерной графики Майкла Нолла и Белы Юлеш, после чего компьютерные искусства продолжили неуклонно развиваться на протяжении 1960-х» [Диксон, 2007].

Влияние технологий распространяется и на такие направления как “body-art” и “art&science”. В рамках данных арт-практик предпринимаются попытки преодоления дихотомий между естественным и искусственным, между культурой и техникой, между

техникой и практикой, между репрезентацией и действием [Иглесиас Гарсиа, Паниотова, 2021]. Видеопроекция, беспроводная передача звука, гидроакустика, машины, самостоятельно создающие art-работы, все это стало частью искусства. Инсталляции «Третья рука» Стеларка, «Drop trace» Туула Нярхинена, «Естественная история сетей / Softmachine» Ральф Беккера, Биотехнологическая инсталляция Томаса Фойерштайна, научный эксперимент-перформанс «Измеряя магию взгляда» Марины Абрамович, работа «Deep Meditations» Мемо Актен – своеобразное окно в разум машины.

Данные арт-практики становятся частью высказывания художника. Каждая работа изначально несет в себе художественное высказывание, которое с помощью науки и технологий приобретает форму. Юлия Ященко – сотрудник Центра цифровой гуманитаристики, отмечает, что современные арт-практики – это новый язык искусства [Одно из основных понятий..., www].

Современные художники работают в постоянно меняющемся, культурно разнообразном и технологически развивающемся мире. Их искусство – это динамическое сочетание материалов, методов, концепций и предметов, которые бросают вызов традиционным границам и не поддаются простому определению. Современное искусство весьма разнообразно, однако оно не подчинено общему принципу и идее. В обществе постоянно ведется культурный диалог в разных ракурсах, с привлечением как личности, так и сообществ.

Наибольшее влияние на современное общество оказывают новые цифровые технологии. IT-индустрия активно вошла в повседневную жизнь и все сферы деятельности человека. Искусство объединяется не только с наукой и новейшими технологиями, но и вовлекает в свою сферу новые виды инновационных возможностей [Лепина, 2022]. Постпандемическое время характеризуется появлением новых направлений в искусстве и творчестве. В частности, в попытке сохранить свою аудиторию и остаться в культурной повестке, музеи используют различные технологии от организации виртуального выставочного пространства, мини-экскурсий по музею в социальных сетях, и оцифровки коллекций в Google arts & culture. Ярким примером тому является искусство, лежащее на грани абстрактного и реального – цифровое, крипто и NFT искусство. Актуальность и популярность данного направления уходит своими корнями в концепцию дематериализации искусства и отказа от традиционных правил на арт-рынке. Крупнейшие мировые музеи открыли свои «представительства» в сети Интернет. Современные художники постепенно отходят от традиционной живописи и начинают работать в цифровом пространстве, создавая новое направление крипто-арт, а оцифрованные картины продаются в виде NFT – это невзаимозаменяемый токен (non-fungible token). Картины зашифровываются в виде единицы криптовалюты и становятся виртуальными – при этом современные NFT-картины подчас стоят в разы дороже традиционных произведений искусства [Хоменко, 2021]. Рынок невзаимозаменяемых токенов (NFT) в последние годы стремительно растет. Концепция NFT изначально исходит из стандарта токенов Ethereum, целью которого является различение каждого токена с помощью различных признаков. Этот тип токена может быть связан с виртуальными/цифровыми свойствами в качестве их уникальной идентификации. Появились различные торговые площадки (Nifty Gateway, Rarible или SuperRare) для торговли крипто-искусством. Платформы выполняют функции аукционных домов, галереи и кураторов. С помощью NFT все отмеченные свойства можно свободно продавать с настраиваемыми значениями в зависимости от их возраста, редкости, ликвидности и т.д. Это значительно стимулировало процветание рынка децентрализованных приложений (DApp). На момент написания работы общая сумма денег, использованных для завершённых продаж NFT, достигла

34 530 649,86 долларов США. Тысячекратная отдача от его растущего рынка привлекает огромное внимание во всем мире. Как отмечает Вонг К.: «Развитие экосистемы NFT все еще находится на ранней стадии, а технологии NFT еще не созрели. Новички могут заблудиться в их бурной эволюции из-за отсутствия систематических сводок» [Wang, 2021].

Многие NFT работы уже выставляются на старейших аукционах «Кристис» и «Сотбис», где продаются за миллионы долларов. С помощью NFT можно продать почти любой виртуальный объект – изображения, музыку, тексты, 3D-модели. Но чаще всего речь идет об объектах цифрового (или оцифрованного) искусства. Например, картина под названием «Everydays – The First 5000 Days» (Каждый день: первые 5000 дней) была продана на аукционе Christie's 11 марта за рекордные 69,3 млн долларов. Это цифровой коллаж, созданный путем публикации одного изображения в день в течение 13 лет. Еще одним дорогим произведением стала гифка «Hairy», которую создал композитор электронной музыки Стив Аоки в сотрудничестве с 3D-художником Энтони Тудиско. Этот NFT был продан на платформе Gateway за 888 888,88 долларов, что не только придает ему особенную ценность, но и делает его рекордной сделкой на платформе. Проект Hashmasks, запущенный в январе 2021 года, представляет собой сочетание цифрового искусства и предметов коллекционирования с иерархией ценностей, определяемой как создателем, так и потребителем произведения искусства от 70 художников со всего мира. Вместе они создали 16 384 уникальных портрета, которые были проданы за 16 млн долларов. Отличительной особенностью данных работ является отсутствие названий у изображений. Его может придумать владелец картины, тем самым внося свой творческий вклад. Hashmasks — это первый предмет коллекционирования, в котором ценность и редкость каждого предмета в коллекции не predetermined заранее, но будут меняться и адаптироваться в течение многих лет, прежде чем примут свою окончательную форму. Как отмечают художники: «Вы не просто покупаете произведение редкого искусства. Вы являетесь частью произведения искусства. Смарт-контракты позволяют вам присвоить имя вашей хэш-маске, что дает вам возможность добавить свой уникальный штрих на холст. Таким образом, вы становитесь одним из создателей-основателей, превративших этот необработанный холст во вневременное произведение искусства. Ваш NFT может служить вашей цифровой идентичностью, когда мы переходим к полностью цифровой экономике» [Hashmasks, www].

NFT-рынок упрощает жизнь художникам. Для продажи своих картин или произведений им не нужны посредники. Регистрация автора и произведения осуществляется на специальных площадках, где проходит сделка. Это позволяет отслеживать авторские права и защищает от пиратства.

В своем интервью Герберт Шопник, основатель NFT-агентства Digital Art EXPO, раскрывает особенность данного рынка: «Мы объединяем цифровой и традиционный мир искусства. Для коллекционеров NFT-работы подчас становятся интереснее, чем традиционные картины. NFT-искусство – тренд, мимо которого профессиональное сообщество уже не может пройти» [Bsteh, 2021].

Невзаимозаменяемые токены используют для продажи картин, музыкальных композиций, видеoinсталляций и прямых эфиров со знаменитостями. Данный успех объясняется, во-первых, легким проведением финансовых операций в данном сегменте, чего не скажешь о сделках с физическими объектами. Во-вторых, основным преимуществом NFT остается его программируемость. Вы можете получать прибыль с вашего произведения, когда его будут использовать в интернет пространстве. Таким образом, искусство превращается в цифровой актив.

Основатель CEO NFT STARS и SpaceSwar Хоменко Б. отмечает: «Свою роль в цифровизации искусства сыграла пандемия. Для многих художников криптоискусство подарило дополнительные возможности для заработка и поддержания интереса к личному бренду. Причем, чем выше упоминаемость имени художника, тем больше интереса к нему будет приковано на NFT-аукционах, что всегда отражается на финальной стоимости работы, если говорить о ее продаже» [Хоменко, 2021].

Незаменимый токен (NFT) стал новым символом цифрового искусства в 2021 году. Благодаря рекордным продажам, разработки, связанные с произведениями искусства в данном сегменте, получили финансовую поддержку, что полностью изменило арт рынок [Velthuis, 2011].

Заключение

Таким образом, социокультурная среда меняется, технологические изменения и влияние пандемии COVID-19 внесли серьезные изменения не только в форму и смысловое содержание искусства, но и изменило арт рынок. Меняются черты арт-практик: творчество осуществляется свободно и не зависит от иных мнений и представлений, творчество спонтанно и зависит только от вдохновения, в основе творчества лежит игра [Краснова, 2002].

Современное искусство и арт-практики претерпевают серьезные изменения, происходит демократизация рынка, а новые онлайн-платформы и социальные сети, приобретают все большее влияние. Последние служат в качестве центрального средства обмена информацией и представляют большую ценность для художников и коллекционеров.

В условиях глобализации предлагается принять плюралистическое понимание арт-рынка как «интернационально разбросанного рынка» [Wang, 2021]. Можно примерно определить художников, арт-дилеров, коллекционеров, частные учреждения, критиков, консультантов и аукционные дома в качестве основных заинтересованных сторон.

Библиография

1. Бохм-Дюшен М. Современное искусство. М.: Астрель, Премьера, 2001. С. 4-5.
2. Бычков В. Постнеклассическая философия искусства: система основных понятий // Искусствознание. 2010. № 3/4. С. 487-519.
3. Бычков В.В. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 606 с.
4. Венкова А.В. Визуальная культура эпохи глобализма: идентификация пустоты // Глобальное пространство культуры. СПб.: Центр изучения культуры, 2005. С. 276-279.
5. Демпси Э. Стили, школы, направления. Путеводитель по современному искусству. М., 2008. 304 с.
6. Диксон С. Цифровой Перформанс: история новых медиа в театре, танце, спектакле и инсталляции. MIT Press, 2007. 53 с.
7. Иглесиас Гарсиа Р., Паниотова Т.С. «Наше постчеловеческое будущее» в утопиях современного искусства // Человек. 2021. Т. 32. № 4. С. 149-171.
8. Краснова О.Б. (сост.) Энциклопедия искусства XX века. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002. 352 с.
9. Леванова Е.Ф. Современное искусство и его многомерность // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. № 3 (15). С. 14-19.
10. Лепина М. NFT-искусство: миллионы из виртуальной реальности. 2022. URL: portal-kultura.ru/articles/world/341440-NFT-iskusstvo-milliony-iz-virtualnoy-realnosti/
11. Муштей Н.А. Феномен вещиности в арт-практике ready-made // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2011. № 7. Ч. 1. С. 85-88.
12. Одно из основных понятий, которым оперирует культуролог, – арт-практики. Что же это такое? URL: <http://dh.psu.ru/odno-iz-osnovnykh-ponyatiy-kotorym-operiruet-kulturolog-art-praktiki-chto-zhe-eto-takoe/>
13. Пигулевский В.О. Искусство и арт-практика. М.: Гуманитарный центр, 2019. 148 с.

14. Хоменко Б. NFT. Новый этап в истории искусства. 2021. URL: cabinetdelart.com/iskusstvo/NFT-novyj-etap-v-istorii-iskusstva/
15. Bsteh S., Vermeyley F. From Painting to Pixel: Understanding NFT Artworks // Retrieved June. 2021. Vol. 15. P. 2021.
16. Hashmasks. Become part of digital art and collectibles history. URL: www.thehashmasks.com.
17. Hübner K. Philosophy of modern art and philosophy of technology. Kiel, 1998. URL: <https://scholar.lib.vt.edu/ejournals/SPT/v4n1/HUBNER.html>
18. Velthuis O. Art Markets // A Handbook of Cultural Economics. Edward Elgar Publishing, 2011. P. 33-42.
19. Wang Q. et al. Non-fungible token (NFT): Overview, evaluation, opportunities and challenges. 2021. URL: <https://arxiv.org/abs/2105.07447>

Modern art practices in the context of digital transformations

Kseniya V. Savel'eva

Lecturer of the Department of Primary Education,
Southern Federal University,
344006, 105/42, Bol'shaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: ksaveleva@sfedu.ru

Abstract

In this article, the author specifies the concept of contemporary art on the example of the formation and development of modern art practices; gives examples of the development and formation of modern art practices, substantiates the emergence of new trends and directions. The impact of the COVID-19 pandemic and information technology on the development of the art market is described. The new direction of NFT-art is revealed and characterized, the genealogy of the formation of this art form is revealed. The study described in the article is aimed at studying the digitalization of art, the interdisciplinary nature and cultural phenomena that influence the formation and formation of contemporary art. Contemporary art and art practices are undergoing major changes, the market is democratizing, and new online platforms and social networks are gaining more and more influence. The latter serve as a central means of information exchange and are of great value to artists and collectors. In the context of globalization, it is proposed by the author of the paper to accept a pluralistic understanding of the art market as an internationally scattered one. One can roughly identify artists, art dealers, collectors, private institutions, critics, consultants and auction houses as the main stakeholders.

For citation

Savel'eva K.V. (2022) *Sovremennye art-praktiki v kontekste tsifrovyykh transformatsii* [Modern art practices in the context of digital transformations]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 176-183. DOI: 10.34670/AR.2022.18.21.027

Keywords

Contemporary art, art practices, NFT-art, cultural industries, interactive art, computer art.

References

1. Bohm-Duchesne M. (2001) *Sovremennoe iskusstvo* [Contemporary Art]. Moscow: Astrel', Prem'era Publ.

2. Bsteh S., Vermeulen F. (2021) From Painting to Pixel: Understanding NFT Artworks. *Retrieved June*, 15, p. 2021.
3. Bychkov V. (2010) Postneklassicheskaya filosofiya iskusstva: sistema osnovnykh ponyatii [Post-non-classical philosophy of art: a system of basic concepts]. *Iskusstvoznaniye* [Art History], 3-4, pp. 487-519.
4. Bychkov V.V. (2003) *Leksikon nonklassiki. Khudozhestvenno-esteticheskaya kul'tura XX veka* [Lexicon of non-classics. Artistic and aesthetic culture of the XX century]. Moscow: ROSSPEN Publ.
5. Dempsey A. (2008) *Stili, shkoly, napravleniya. Putevoditel' po sovremennomu iskusstvu* [Styles, schools, trends. Guide to contemporary art]. Moscow.
6. Dickson S. (2007) *Tsifrovoy Performans: istoriya novykh media v teatre, tantse, spektakle i installyatsii* [Digital Performance: A History of New Media in Theatre, Dance, Performance and Installation]. MIT Press.
7. Hashmasks. *Become part of digital art and collectibles history*. Available at: www.thehashmasks.com [Accessed 12/12/2022]
8. Hübner K. (1998) *Philosophy of modern art and philosophy of technology*. Kiel. Available at: <https://scholar.lib.vt.edu/ejournals/SPT/v4n1/HUBNER.html> [Accessed 12/12/2022]
9. Iglesias Garcia R., Paniotova T.S. (2021) «Nashe postchelovecheskoe budushchee» v utopiyakh sovremennogo iskusstva [“Our post-human future” in the utopias of contemporary art]. *Chelovek* [Human], 32, 4, pp. 149-171.
10. Khomenko B. (2021) *NFT. Novyy etap v istorii iskusstva* [NFT. A new stage in the history of art]. Available at: cabinetdelart.com/iskusstvo/NFT-novyy-etap-v-istorii-iskusstva/ [Accessed 12/12/2022]
11. Krasnova O.B. (comp.) (2002) *Entsiklopediya iskusstva XX veka* [Encyclopedia of art of the twentieth century]. Moscow: OLMA-PRESS Obrazovanie Publ.
12. Lepina M. (2022) *NFT-iskusstvo: milliony iz virtual'noi real'nosti* [NFT-art: millions from virtual reality]. Available at: portal-kultura.ru/articles/world/341440-NFT-iskusstvo-milliony-iz-virtualnoy-realnosti/ [Accessed 12/12/2022]
13. Levanova E.F. (2014) Sovremennoe iskusstvo i ego mnogomernost' [Modern art and its multidimensionality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Tomsk State University. Cultural studies and art history], 3 (15), pp. 14-19.
14. Mushtej N.A. (2011) Fenomen veshchnosti v art-praktike ready-made [The phenomenon of objectivity in ready-made art practice]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history: questions of theory and practice], 7, 1, pp. 85-88.
15. *Oдно из основных понятий, которым оперирует культуролог, – art-практики. Что же это такое?* [One of the main concepts used by a culturologist is art practices. What is it?]. Available at: <http://dh.psu.ru/odno-iz-osnovnyx-ponyatij-kotorym-operiruet-kulturolog-art-praktiki-cto-zhe-eto-takoe/> [Accessed 12/12/2022]
16. Pigulevskii V.O. (2019) *Iskusstvo i art-praktika* [Art and art practice]. Moscow: Gumanitarnyi tsentr Publ.
17. Velthuis O. (2011) Art Markets. In: *A Handbook of Cultural Economics*. Edward Elgar Publishing.
18. Venkova A.V. (2005) Vizual'naya kul'tura epokhi globalizma: identifikatsiya pustoty [Visual culture of the era of globalism: identification of emptiness]. In: *Global'noe prostranstvo kul'tury* [Global space of culture]. St. Petersburg: Tsentr izucheniya kul'tury Publ.
19. Wang Q. et al. (2021) *Non-fungible token (NFT): Overview, evaluation, opportunities and challenges*. Available at: <https://arxiv.org/abs/2105.07447> [Accessed 12/12/2022]

УДК 281.93+291+322

DOI: 10.34670/AR.2022.54.15.018

Особенности русского политического богословия XVI в. (на примере посланий Ивана IV Грозного)

Петрунин Владимир Владимирович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры теологии, религиоведения
и культурных аспектов национальной безопасности,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, 95;
e-mail: petrunin@list.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности русского политического богословия XVI в. на примере посланий Ивана IV Грозного. Обосновывается актуальность философско-религиоведческого осмысления русской политической теологии в рамках политологии религии. Исследование религиозной политологии позволяет раскрыть религиозно-мировоззренческие ориентиры конкретной эпохи через призму христианских представлений о человеке, обществе и государстве. Религиоведческое осмысление политической теологии предполагает использование как общенаучных, так и частнонаучных (религиоведческих) методов познания, посредством которых были достигнуты основные цели исследования. Основное внимание в работе автор акцентирует на описанной Иваном IV Грозным оригинальной теории самодержавной монархии, несовместимой с идеей ограничения царской власти. Единственной законной причиной неповиновения верховной власти он видит ограничение религиозной свободы подданных со стороны царя. Самодержавие обосновывается Божьим произволением и наследственным характером монархической власти. В своих посланиях русский самодержец проводит своеобразный сравнительный анализ особенностей своей монархической власти и западных правителей, подчеркивая недопустимость ограничения верховной власти иными политическими институтами. Обосновывая свое богословие власти, Иван IV Грозный апеллирует не только к Священному Писанию и Священному Преданию православной церкви, но и к историческим примерам. Полученные результаты исследования могут быть использованы в дальнейшей экспликации политического наследия русского православия, что задает новые перспективы осмыслению религиозной политологии в контексте религиоведческого знания (политология религии).

Для цитирования в научных исследованиях

Петрунин В.В. Особенности русского политического богословия XVI в. (на примере посланий Ивана IV Грозного) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 184-188. DOI: 10.34670/AR.2022.54.15.018

Ключевые слова

Религиоведение, религиозная политология, политическое богословие, русское православие, Иван IV Грозный, царство, священство.

Введение

Осмысление политико-теологического наследия русского православия является, на наш взгляд, основной проблемной сферой отечественной науки о религии в рамках такой религиоведческой дисциплины как политология религии [Петрунин, 4, 219-221]. Изучение религиозной политологии православного христианства обусловлено не только спецификой отечественных государственно-церковных отношений и особой ролью православия в истории России, но и заметным присутствием православного христианства в современном публичном политическом пространстве.

Интерес к политическому богословию XVI в. определяется важностью русского интеллектуального творчества в этот период, который некоторые исследователи называют временем «наивысшего развития отечественной государственности и культуры в рамках средневековых отношений» [Громов, Козлов, 1990, 162]. Достаточно назвать несколько имен русских мыслителей указанного периода, которые в своем творчестве затрагивали политическую проблематику: старец Псковского Елеазарова монастыря Филофей, митрополит Московский и всея Руси Макарий, Андрей Курбский, Вассиан Патрикеев, Максим Грек, Федор Карпов, Иван Пересветов и др.

Интерес к эпистолярному наследию Ивана IV Грозного обусловлен тем, что, по словам русского историка С.М. Соловьева, «Иоанн IV был первым царем не потому только, что первый принял царский титул, но потому, что первый сознал вполне все значение царской власти, первый, так сказать, составил себе ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть только практически» [Соловьев, 1993, 433]. Первый русский царь оставил нам теологическую легитимацию царской власти, что актуализирует необходимость религиоведческой «постановки вопроса о формах, в которых отношения между господством и спасением намечаются, институализируются и рефлексированы» [Асман, 2022, 54].

В нашем случае, особенный интерес представляют послания Ивана IV Грозного различным адресатам (Андрею Курбскому, английской королеве Елизавете I, шведскому королю Иоганну III, польскому королю Стефану Баторию и др.), в которых содержится оригинальная концепция политического богословия XVI в. [Вальденберг, 2006, 273].

Основная часть

Как отмечает Георгий Флоровский, у Ивана IV Грозного «была несомненная пытливость религиозной мысли ... было продуманное религиозное мировоззрение, которое он выстрадал и перестрадал» [Флоровский, 1991, 28]. Политические взгляды первого русского царя формировались в рамках религиозного мировоззрения, что нашло свое отражение в двух главных постулатах его политической теологии, сформулированных в посланиях Андрею Курбскому: 1) Божественной санкции на его правление и 2) наследственном характере самодержавной власти Ивана IV [Послания, 1951, 284, 386]. Понимая свою власть, как власть, полученную от Бога, русский самодержец говорит о необходимости повиновения данной власти, как власти истинной и законной, противиться власти царя – значит противиться власти Бога [там же, 286]. Единственной законной причиной для неповиновения царской власти Иван Грозный видит покушение правителя на истины православной веры, но уточняет, что этого греха не видит в своем правлении: «мучеников за веру у нас нет» [там же, 286, 301]. Божественное обоснование самодержавной власти предопределяет резко отрицательное

отношение к многовластию, в государстве должен быть один правитель [там же, 288, 295]. Этот тезис русский царь отстаивает не только в переписке с Курбским, но и в посланиях европейским монархам, которых упрекает в ограничении их власти другими политическими институтами или сословиями [там же, 332-333, 430-431].

Еще одним важным «оправданием» самодержавной власти Иван Грозный видит ее наследственный характер. В посланиях мы видим генеалогию русского самодержавия, которую первый русский царь начинает с римского императора Августа, его брата Пруса и его потомка Рюрика – основателя русской династии [там же, 347, 377-378, 430-431]. Довольно интересным выглядит список выдающихся правителей России – предшественников Ивана Грозного. Помимо упоминания своего отца – Василия III и деда – Ивана III, первый русский царь выделяет Владимира – Крестителя Руси, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского [там же, 283, 378-379]. Указанные правители составляли неизменный пантеон выдающихся государственных деятелей не только в дореволюционной России, но и в советское и постсоветское время.

Еще одной важной чертой политического богословия Ивана Грозного является его строгое разграничение между властью священнической и царской. При этом подчеркивается негативный характер для государства при управлении им духовным сословием [там же, 294-295, 298].

Говоря о характере царской власти, Иван Грозный подчеркивает ее амбивалентность: самодержец может быть милостив, а может быть жесток, все зависит от конкретных исторических обстоятельств и поступков подданных. Царская милость зависит, в том числе, от добродетельной жизни самих подданных [там же, 292-293]. Здесь стоит отметить, что царь подчеркивает в своих посланиях, что он жалует своих людей исходя из их заслуг перед престолом. При этом самодержец не обращает внимания на их веру и не требует перехода в православие, в то время как в Речи Посполитой, обращается он с упреком к Стефану Баторию, насильно обращают православных в католицизм [там же, 406]. Данное обстоятельство еще раз подтверждает имперскую составляющую русской государственности, ясно понимаемую Иваном IV Грозным.

Стоит выделить главную цель самодержавного правления в интерпретации первого русского царя: «обращение людей к истине и свету, чтобы они познали единого истинного Бога, в Троице славимого, и данного им Богом государя» [там же, 313].

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что в посланиях Ивана IV Грозного, которые «могут быть поставлены в один ряд с крупнейшими памятниками древней русской литературы» [там же, 449], можно найти ясную концепцию богословия власти, опирающуюся на православную традицию политической теологии. Поражает обильное цитирование первым русским царем Священного Писания, его постоянное обращение к святоотеческому наследию и оригинальная интерпретация всемирной и русской истории.

Сформулированная Иваном IV Грозным оригинальная концепция самодержавной монархии, при которой носителю верховной власти принадлежат особые права в осуществлении внутренней и внешней политики, несовместимые с идеей ограничения царской власти, требовала не только теоретического обоснования, но и практических шагов по признанию царского титула правителя России [Савва, 2012, 168-199]. Иван Грозный обосновывает

самодержавный характер своего правления не только Божьим произволением, но и наследственным характером монархической власти.

Таким образом, мы можем сказать, что в посланиях первого русского царя продолжает свое развитие особая форма русской государственности, которая именуется одними «государством правды» [Шахматов, 2008, 5-20], а другие видят в политическом богословии Ивана IV Грозного «единство идеалов царя и народа» [Тихомиров, 1998, 233-238].

Библиография

1. Ассман Я. Политическая теология между Египтом и Израилем. СПб.: Владимир Даль, 2022. 182 с.
2. Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Территория будущего, 2006. 368 с.
3. Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X-XVII веков. М.: МГУ, 1990. 288 с.
4. Петрунин В.В. Религия и политика: религиозно-философская перспектива // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Т. 7. № 6А. С. 204-209.
5. Послания Ивана Грозного. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 716 с.
6. Савва В.И. Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. М.: Кучково поле; Лавандр, 2012. 256 с.
7. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. III. Т. 5-6. История России с древнейших времен. М.: Голос, 1993. 768 с.
8. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Облиздат, Аликс, 1998. 672 с.
9. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Киев: Путь к истине, 1991. 600 с.
10. Шахматов М.В. Государство правды. М.: ФондИВ, 2008. 312 с.

Features of Russian Political Theology of the XVI century (based on the epistles of Ivan IV the Terrible)

Vladimir V. Petrunin

PhD in Philosophy,
Associate Professor of Theology, Religious Studies
and Cultural Aspects of National Security,
Orel State University,
302026, 95, Komsomolskaya str., Orel, Russian Federation;
e-mail: petrunin@list.ru

Abstract

This article examines the peculiarities of Russian political theology of the XVI century using the epistles of Ivan IV the Terrible as an example. The religious understanding of political theology involves the use of both general and special (religious studies) scientific methods of research, by which the main objectives of the study have been achieved. The author focuses on the original theory of autocratic monarchy described by Ivan IV the Terrible, according to which the holder of supreme power has special rights in the implementation of domestic and foreign policy, incompatible with the idea of limiting tsar's power. He considers that the only legitimate reason for disobedience to the supreme power is the restriction of religious freedom imposed by the tsar, which serves as a direct recognition of the possibility of civil disobedience to the ruling monarch. Autocracy is justified by God's arbitrary will and the hereditary nature of the monarchical power, which legitimizes the presence of Ivan IV the Terrible himself on the throne. In his messages, the Russian

autocrat conducts a kind of comparative analysis of the features of his monarchical power and Western rulers, emphasizing the inadmissibility of limiting the supreme power by other political institutions. In order to substantiate his theology of power, Ivan IV the Terrible appeals not only to the Holy Scriptures and the Holy Tradition of the Orthodox Church, but also to historical examples, primarily from Roman-Byzantine and Russian history.

For citation

Petrinin V.V. (2022) Osobennosti russkogo politicheskogo bogosloviya XVI v. (na primere poslanii Ivana IV Groznogo) [Features of Russian Political Theology of the XVI century (based on the epistles of Ivan IV the Terrible)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 184-188. DOI: 10.34670/AR.2022.54.15.018

Keywords

Religious studies, religious politology, political theology, Russian Orthodoxy, Ivan IV the Terrible, tsardom, priesthood.

References

1. Assman Ya. (2022) *Politicheskaya teologiya mezhdru Egiptom i Izrailem* [Political theology between Egypt and Israel.]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ.
2. Florovskii G. (1991) *Puti russkogo bogosloviya* [The ways of Russian Theology]. Kiev: Put' k istine Publ.
3. Gromov M.N., Kozlov N.S. (1990) *Russkaya filosofskaya mysl' X-XVII vekov* [Russian philosophical thought of the X-XVII centuries]. Moscow: MSU.
4. Petrinin V.V. (2018) *Religiya i politika: religiovedcheskaya perspektiva* [Religion and politics: a religious perspective]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (6A), pp. 218-223.
5. (1951) *Poslaniya Ivana Groznogo* [The Epistles of Ivan the Terrible]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ.
6. Savva V.I. (2012) *Moskovskie tsari i vizantiiskie vasilyevsy: K voprosu o vliyaniu Vizantii na obrazovanie idei tsarskoi vlasti moskovskikh gosudarei* [Moscow tsars and Byzantine Basileuses: On the question of the influence of Byzantium on the formation of the idea of the tsarist power of the Moscow sovereigns.]. Moscow: Kuchkovo pole; Lavandr Publ.
7. Shakhmatov M.V. (2008) *Gosudarstvo pravdy* [The State of truth]. Moscow: FondIV Publ.
8. Solov'ev S.M. (1993) *Sochineniya. V 18 kn. Kn. III. T. 5-6. Istoriya Rossii s drevnejshikh vremen* [Essays. In 18 kn. Kn. III. Vol. 5-6. The history of Russia since ancient times]. Moscow: Golos Publ.
9. Tikhomirov L.A. (1998) *Monarkhicheskaya gosudarstvennost'* [Monarchical statehood.]. Moscow: Oblizdat, Alir Publ.
10. Val'denberg V.E. (2006) *Drevnerusskie ucheniya o predelakh tsarskoi vlasti: Ocherki russkoi politicheskoi literatury ot Vladimira Svyatogo do kontsa XVII veka* [Ancient Russian teachings on the limits of tsarist power: Essays of Russian political literature from Vladimir the Saint to the end of the XVII century]. Moscow: Territoriya budushchego Publ.

УДК: 141.319.8

DOI: 10.34670/AR.2022.47.92.019

Образ-символ «сердце» в философской антропологии И.А. Ильина

Честнейшин Николай Васильевич

Кандидат философских наук,
доцент кафедры истории, философии и права,
филиал Северного (Арктического) федерального университета
им. М.В. Ломоносова в г. Северодвинске,
164500, Российская Федерация, Северодвинск, ул. Капитана Воронина, 6;
e-mail: hobson@yandex.ru

Честнейшина Диана Анатольевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
163002, Российская Федерация, Архангельск, набережная Северной Двины, 17;
e-mail: irmavurst@gmail.com

Аннотация

Цель статьи – структурная репрезентация образа-символа «сердце» в философии И.А. Ильина. Опираясь на методы аналитической философии, герменевтики, логико-контекстуальной реконструкции и системного подхода, в статье раскрывается системно-логический каркас и смыслообразующие компоненты образа-символа «сердце» в философских построениях И.А. Ильина, исходя из контекстуальных особенностей конкретного произведения, его культурно-исторических условий и связей с другими сочинениями автора, а также с учетом идейных источников и влияний других мыслителей. Осуществлена контекстуальная реконструкция основных значений указанной философы в экзистенциально-онтологическом, аксиологическом, гносеологическом, нравственно-практическом и социально-политическом аспектах. Авторы приходят к выводу, что философия «сердца» Ивана Ильина уточняет наши представления как о религиозности русского человека в период цивилизационного слома, выразившегося в мировых войнах и революциях, так и об особенностях и закономерностях развития отечественной философской антропологии. Проведенное исследование позволяет осуществить возможность перевода общих рассуждений о «метафизике сердца» в русло количественных и качественных оценок антропологических идей. Применяемая методология позволяет экстраполировать используемую технику анализа на философские концепции других мыслителей.

Для цитирования в научных исследованиях

Честнейшин Н.В., Честнейшина Д.А. Образ-символ «сердце» в философской антропологии И.А. Ильина // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 189-198. DOI: 10.34670/AR.2022.47.92.019

Ключевые слова

Образ-символ, сердце, субъективность, онтология, гносеология, аксиология, антропология.

Введение

В русской философии существует устойчивый интерес к внутреннему миру человека, и одним из важнейших средств описания экзистенциального бытия является образ-символ «сердце». Идея «сердца» как особого органа духовной жизни человека характерна не только для философской, но и для религиозной, художественной, педагогической литературы. В этой связи обращение к наследию Ивана Александровича Ильина (1883–1954) позволяет раскрыть все грани этой сложной темы, поскольку «сердце» понимается им как символ, манифестирующий глубинные внутриличностные детерминанты бытия человека в мире, истоки, средоточие и направленность онтологии человеческой субъективности.

Целью данной статьи является структурная репрезентация образа-символа «сердце» в философии И.А. Ильина. Задачи: выделить системообразующие элементы анализа образа-символа «сердце» в соответствии с основными уровнями и разделами философского знания; осуществить логико-контекстуальную реконструкцию основных значений образа-символа «сердце» в философской антропологии И.А. Ильина. Структурно-логической схемой анализа являются экзистенциально-онтологический, аксиологический, гносеологический, нравственно-практический и социально-политический аспекты образа-символа «сердце» в философском наследии указанного мыслителя. Выбор данной схемы обусловлен, во-первых, структурой философского знания, а во-вторых, основными темами, которые являются предметом осмысления в произведениях русского философа.

Литературный обзор

В XIX–XX вв. тема «сердца» привлекала внимание как православных богословов – Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника, П.Д. Юркевича, В.А. Снегирева, С.М. Зарина, М.М. Тареева, архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), так и представителей религиозно-философской мысли – Б.П. Вышеславцева, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, В.В. Зеньковского. Из современных исследований выделяются работы А.И. Абрамова, Н.К. Гаврюшина, М.Н. Громова, А.М. Буланова, Б.В. Маркова, И.И. Семаевой, Г.Я. Стрельцовой и С.С. Хоружего. Отечественные историки философии и литературы анализируют понимание символа «сердце» у Б. Паскаля, Г. Сковороды, П.Д. Юркевича, Ф.М. Достоевского, Б.П. Вышеславцева и П.А. Флоренского, исследуют исихастские истоки русской философско-антропологической концепции сердца первой половины XX века. Вместе с тем явственно ощущается недостаток аналитических исследований темы «сердца» в творчестве И.А. Ильина, хотя в целом его воззрениям посвящено большое количество статей и монографий, но данная тема освящается либо в сравнительно ограниченном предметном круге, как, например, в статье Т.П. Самсоновой [Самсонов, 2017] представлена интерпретация «поющего сердца» русского философа в аспекте музыкального творчества, либо в широком метафизическом и антропологическом контексте, как в работе Р.А. Бурханова [Бурханов, 2017], но без строгой систематизации, подчиняясь влиянию вольной мысли отечественного любомудра.

Материалы и методы

Методология настоящей статьи продиктована особенностями текстов Ильина, которые представляют собой не строгие научные трактаты, а скорее свободные размышления в форме эссе, такие как «Путь духовного обновления», «Путь к очевидности», «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» и др., кроме того, важную часть его наследия составляют публицистические работы и письма. Русский философ никогда не стремился к построению жестко структурированной системы, предпочитая достигать «очевидности» и «предметности» скорее с помощью художественных средств, а не через конструирование абстрактно-логических концептов. Отсюда вытекает и специфика философского языка Ильина, который носит по преимуществу образно-символический характер, в нем присутствуют метафоры и аналогии, выражена существенная эмоциональная окраска. Поэтому исследователю творчества И.А. Ильина для достижения целостного понимания его философских воззрений необходимо реконструировать их системно-логический каркас и раскрыть смыслообразующие компоненты, исходя из контекстуальных особенностей конкретного произведения, его культурно-исторических условий и связей с другими сочинениями автора, с учетом идейных источников и влияний других мыслителей.

1) Экзистенциально-онтологический аспект символа «сердце» представлен следующими значениями:

- базисная структура человеческого бытия, средоточие его сущностных сил и дел, «проистекающих из внутреннего мира» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 277], «чувствительный центр его личной жизни» [Ильин. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий, 1994, 124];
- источник творческой активности, «внутреннего горения», стремления к *«подлинной реальности, субстанции* всяческого бытия и всякой жизни» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 383];
- условие «цельности» [там же, 414] и «глубины» человека [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 125];
- «бессознательная бездна сердца» – место, где происходит «накопление, концентрация и перегорание» внутреннего и внешнего опыта [там же, 133];
- символ единства телесного, душевного и духовного бытия человека [Ильин. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий, 1994, 196], что полностью отвечает христианскому концепту трихотомного состава человеческого существа;
- «созерцающее сердце» как онтологическое ядро, из глубин которого человек вопрошает о тайнах бытия Бога, мира и самого себя [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 461];
- средоточие экзистенциальных переживаний, выражающих внутреннюю противоречивость человеческого существования под модусом вечности. Сердце может быть «испуганным», «мертвеющим», и тогда в человеческой душе все становится «искусственным, натянутым, раздвоенным, фальшивым» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 92], тогда как «огонь духа, проникая в сердце зачерствелого человека, способен зажечь его» [там же, 87], поэтому «последняя сердечная глубина» обнаруживается даже у грешника и преступника [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 447];
- основание подлинного «Я», центр экзистенциального бытия личности, точка созревания «судьбоносных решений», «я то, о чем от всего сердца откровенно, не колеблясь,

высказываюсь... Я – мое “око”. Я – мое “сердце”. Я – мое “слово”, которое образуется из “понимания” сердца. Я – мое “деяние”, которое следует моему оку, сердцу, слову» [Ильин. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий, 1994, 222];

- орган восприятия Бога и религиозных чувств, «глубочайшее чувствилище», в котором человек переживает «подлинное посещение Бога» [Ильин. Религиозный смысл философии Три речи. 1914–1923, 1994, 477], только «сердечно-слепые» люди, по Ильину, не видят «свет живой религиозности» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 557]. «Кто взывает к Богу из глубины сердца, в том уже действует внутренне сам Господь; и это есть действительное, опытное и очевидное доказательство Его бытия» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 80].

Таким образом, первый аспект образа-символа «сердце» отсылает нас к сложной и противоречивой структуре онтологии человеческой субъективности. Второй аспект этого символа дополняет и обогащает ее ценностными смыслами.

2) Аксиологический аспект символа «сердце» представлен следующими значениями:

- орган, направленный на объективное благо, «на объективное качество, или достоинство вещей», сердце «духовно насыщается», «утешается», «наслаждается», «любит» «подлинное совершенство» [там же, 75-76];
- пространство, включающее в себя иерархическую систему ценностных ориентаций. «Бессердечная воля» является «животной алчностью и злым произволением» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 394], «бессердечная культура» заставляет человечество переоценивать чувственные наслаждения, погружает в «хаос духовного затмения» [там же, 484], а человеку с «глубоким сердцем» открыта «доброта», «справедливость», «мудрость», «божественное совершенство во всех явлениях, людях, состояниях и поступках...» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 75];
- источник художественного творчества, чувства прекрасного, возвышенного, основа постижения «художественного предмета» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 461, 545], тем самым сердце есть условие восприятия и формирования эстетических ценностей;
- подлинное основание и начало искренней веры и любви, без которых, по Ильину, невозможна жизнь человека, а «самое главное и драгоценное в его жизни открывается именно сердцу» [Ильин. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний, 1994, 233].

Таким образом, аксиологический аспект символа «сердце» выводит на систему христианских ценностных установок, нравственных идеалов, принципов существования и максим поведения, ориентирующих человека на существование под знаком вечности. «Сердце» предстает как прообраз, идеал и императив нравственного самосовершенствования «оно всегда готово помочь ему словом и поступком, послужить ему, принести ему в жертву многое другое» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 76]. Третий аспект образа-символа «сердце» конкретизирует онтологию и аксиологию человеческого существования сопряжению христианской системы ценностей с «логикой сердца», близкой не только святоотеческой традиции, но и размышлениям Блеза Паскаля. Лишь «сердечному созерцанию», как следует из слов И.А. Ильина, открывается подлинная сущность вещей.

3) Гносеологический аспект символа «сердце» представлен следующими значениями:

- «сердечное созерцание» – узел, разграничивающий интуицию, «вчувствование», «созерцательный разум» и духовный опыт, с одной стороны, и «сухое наблюдающее и анализирующее мышление», с другой стороны [Ильин. Путь духовного обновления,

- 1996, 422];
- отрыв познания от «сердца» замещает созерцание наблюдением, а разум из органа истины превращается в скептический рассудок, идея Бога выхолащивается из философского мышления, постепенно превращаясь «то в идею «субстанции вообще», то в идею «духа» вообще» [Ильин. Путь к очевидности, 421];
 - основа христианской философии, так в письме митрополиту Анастасию Ильин пишет, что «источником философии является «созерцающее сердце» – главный орган Православного Христианства» [Ильин. Митрополиту Анастасию 1999, 189];
 - орган интуитивного познания, открывающий для человека особые сферы реальности, «которые воспринимаются, открываются и обогащают дух только через сердечное созерцание» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 544-544], позволяющий «познать Божественное» [Ильин. Творческая идея нашего будущего, 1998, 226];
 - «орган духа, орган творчества, познания и жизни» [Ильин. Путь к очевидности, 542], сердечное созерцание осмысливается как условие возможности социально-культурного познания, которое обеспечивает синтез, единство «объективизма предметной культуры» и «лично субъектного самовложения» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 543];
 - выражение целостности познания, «глубокое и нежное чувствилище», «главный горн души» «именно в нем сосредоточивается и сила *созерцания*, исходя из него и возвращаясь в него» [Ильин. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний, 1994, 303];
 - условие возможности интенциональных актов, поскольку, «приемля божественный предмет всем сердцем, всею душою и всем помышлением, человек устанавливает в себе некое нерасторжимое живое единство с предметом» [Ильин. Религиозный смысл философии Три речи. 1914–1923, 73], в этом отношении «сердце» оказывается символом для описания трансцендентальных оснований духовной деятельности в целом и мышления в частности.

Как видим, гносеологический аспект символа «сердце» направлен на выявление ограниченности и односторонности отвлеченного рассудка и разума, как внешнего, наблюдающего и анализирующего мышления, оторванного от «созерцания сердца и вчувствования», удаленного от прояснения смысла человеческого существования». При этом выдвижение «сердца» на первый план означает у Ильина не слабость и недооценку рационального мышления, не утопление его в сердце, как иронизировал Г. Шпет в отношении философии сердца П.Д. Юркевича [Шпет, 1990, 632], а лишь отрицание его доминирующей роли и претензий на всеислие. Так, по его словам, «мысль, взятая сама по себе, отвлеченна и логически принудительна, но бездуховна и бессердечна» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 539-540], но при этом он подчеркивал, что «сердечное созерцание» должно быть свободно от «предрассудков прошлого» и «псевдонаучной мысли», и только в таком случае оно может стать фундаментом достижения новых целей и задач [там же, 396]. Отсюда и задачи христианской философии сводятся к постижению Бога через сердце и через самопознание сердца, к бесконечному самосовершенствованию на основе личного опыта осмысления и переживания вечности, а также на основе нравственного императива любви к ближнему и, наконец, осмыслению своего места в мире и исполнению своих обязанностей не только в отношении Бога и мира, но и в отношении к другому человеку и самому себе.

4) Нравственно-практический аспект символа «сердце» имеет следующие значения:

- центр деятельности и свободы, смысл которой, по Ильину, заключается в «религиозной

- автономии», выражающей единство автономии и теонии [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 90], когда «Высший закон» совпадает с «желанием сердца» человека [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 135]. Здесь он указывает на совпадение абсолютной необходимости с «совершенной свободой человека», так как в поступке, действии, продиктованном «Высшей силой» и вместе с тем «осязаемом в глубине сердца», происходит полная реализация человеческой воли, его решимости, жертвенного служения, искреннего сострадания. В этом проявляется существенное отличие этики Ильина, испытавшей очевидное влияние не только со стороны православного мировоззрения, но и со стороны гегелевской философии, от кантовской доктрины автономной этики. Последняя, как известно, обосновывала независимость нравственных установок от религиозных предписаний, точнее, как указывал В.В. Зеньковский, сводила религию лишь к функции этической жизни [Ильин. Борьба за Россию, 1999, 55];
- указатель вектора изменения сердца от «черствого», «пустого», «мертвого», «мрачного» к «честному», «доброму», «любящему». Изменение сердца приводит к трансформации всего человека: «все в личности перерождается – ее мысли, ее воображение, ее интересы, ее оценки, шутки, смех, речь и даже почерк; и, конечно, стремления, намерения, образ действий» [Ильин. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий 1994, 124]. В этом значении сердце оказывается жизнеопределяющим и регулирующим органом, в котором сходятся воедино все функции человеческого естества, интенции души и устремления духа, именно сердце служит главным указателем «благой цели» [там же, 233], оно предстает как «разряд воли к нравственному совершенству» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 133];
 - орган религиозного опыта, никогда не позволяющий человеку остановиться в саморазвитии и побуждающий его раздвигать границы своего нравственного совершенствования, «служить благой цели» [Ильин. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний, 1994, 233]. Напротив, «человек отвергнуты и покинутый Богом... становится бессердечною, жесткою тварью» [там же, 293];
 - источник искренней любви, без него даже «доброта есть противное лицемерие» [Ильин. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний, 1994, 375], отсутствие сердца ведет к отсутствию любви, без которой невозможно служение, верность, жертвенность [Ильин. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий, 1994, 197], в свою очередь, источником ненависти является «высыхание» и «каменение» сердца [там же, 134];
 - условие объективации внутренней жизни во внешних поступках, «что ты выбираешь и что делаешь в душе, то будешь претворять и вовне. Твое сердце проявится в твоих поступках» [там же, 183]. Также И.А. Ильин подчеркивал, что исключение сердца из внутреннего акта в деятельности человечества в целом, приводит к созданию «больной культуры», последствиями которой являются «все наши бедствия, страдания и тревоги» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 390];
 - особый дар, дающий возможность видеть внутреннее качество, достоинство человека, что является основанием справедливости, эмпатии, обостренной чуткости «к человеческому своеобразию, способности вчувствоваться в других» [Ильин. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний, 1994, 238]. В контексте философской этики И.А. Ильина справедливость мыслится в духе Аристотеля как нечто пропорциональное, базирующееся на учете определенного достоинства личности, «распределительное право должно учитывать известное достоинство» [Аристотель, 1984, 151]. Русский философ в

этой логике, с учетом разграничения арифметической и геометрической пропорциональности, выводит «идею ранга», которая укоренена в человеческом сердце и служит основанием для осуществления подлинной справедливости.

Распространение метафизики сердца на область нравственно-практической деятельности человека означает ее прямое вовлечение в сферу мысли, поэтому сердце здесь уже нечто большее, чем чувство, этот переход от метафизики сердца к философии сердца хорошо выразил Гегель. «Сердце, – писал он в «Лекциях по философии религии», – есть то, что есть я и не только в это мгновение, но я вообще, мой характер. В этом случае под формой чувства в качестве всеобщего подразумеваются принципы или привычки моего бытия, устойчивый тип моего поведения» [Гегель, 1975, 307] Следовательно, продолжает немецкий философ, «если говорят: Бог, право и т.п. должны быть и в моем чувстве и в моем сердце, то тем самым выражают лишь требование, чтобы это не только существовало в моем представлении, но и находилось бы в неразрывном тождестве со мной... эта определенность должна быть свойственной моему характеру, составлять мою действительность в целом» [там же, 307]. На этом основании он делает вывод, проясняющий интенции русской метафизики сердца: «Сердце, чувство должны быть очищены, воспитаны. Такое воспитание означает, что истинным должно стать для человека иное, высокое» [там же, 307]. Подобный же ход размышлений мы обнаруживаем и у И.А. Ильина, сумевшего объединить принципы гегелевской философии с традициями русской религиозно-философской мысли.

5) Социально-политический аспект символа «сердце» имеет следующие значения:

- сердечное созерцание является сущностью социальных отношений, «без него нет ни истинной дружбы, ни истинного брака и семьи» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 545], «истинно социальное возникает из доброты сердец» [Ильин. Борьба за Россию, 1999, 411];
- необходимое условие подлинного патриотизма и даже условие обретения родины как таковой, без него невозможно постижение «ее сущности, ее своеобразия, ее развития, ее живых сил» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 545], в то же время Ильин признает, что сердце человека может оказаться и местом «воинственного шовинизма и тупого национального самомнения... и лицемерного "великодержавного" пафоса» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 173];
- сила, позволяющая разрешить противоречие между «бессердечной свободой» и «противосердечным тоталитаризмом» [Ильин. Путь к очевидности, 1994, 424];
- место, объединяющее у настоящего гражданина государственный и личный интерес, и такой человек «не возьмется шпионить в пользу соседнего государства; не будет кривить в государственном деле за взятку; он не станет подрывать валюту своей страны спекуляциями; он не захочет обогащаться вредным для своего государства импортом и т. д.» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 245];
- одно из средств создания, наряду с правосознанием, гуманного, справедливого и законного строя «общественной жизни свободных индивидуальностей» [Ильин. Борьба за Россию, 1999, 410];
- основание миролюбивой политики, «революции, гражданские и международные войны – не случайны: они суть естественные выражения сердечной жесткости, алчности, зависти и ненависти» [Ильин. Путь духовного обновления, 1996, 391].

Социально-политический аспект образа-символа «сердце» указывает на способность

человека не только к самопознанию и самооценке, но и к формированию себя как целостной личности, осуществляющей «волевые акты», реализующей свой духовный потенциал в общественной и государственной жизни и тем самым преобразующей окружающую действительность в соответствии с христианскими идеалами любви к ближнему, самопожертвования, служения.

Результаты исследования

Логико-контекстуальная реконструкция позволила показать многогранность смысловых значений образа-символа «сердце» в философской антропологии И.А. Ильина. Русский философ применяет специфический язык для раскрытия основных сторон человеческой жизни, показывая глубокую противоречивость внутреннего и внешнего бытия личности. Сердце предстает как символ (1) базисной структуры человеческого бытия, (2) христианской системы ценностей, (3) целостного, истинного знания, (4) нравственного самосовершенствования личности, (5) духовного центра общественно-политической жизни.

Следует отметить, что в философии И.А. Ильина отчетливо проступает неудовлетворенность доминирующей в то время позитивистско-прагматической парадигмой человека и общества. Данная парадигма проявлялась не только в либеральных построениях, но также и в марксистских и праворадикальных учениях, господствовавших в середине прошлого столетия, а философия сердца Ивана Ильина скорее вдохновлялась феноменологией, мотивами характерными для экзистенциализма, гегелевским учением о Боге и человеке, и особенно православным богословием.

Заключение

Философия «сердца» Ивана Ильина с ее экзистенциально-личностным пониманием Бога и веры уточняет наши представления как о религиозности русского человека в период цивилизационного слома, выразившегося в мировых войнах и революциях, так и об особенностях и закономерностях формирования отечественной философской антропологии. Аспекты и компоненты предложенной концептуальной модели феномена «сердце» могут, несомненно, уточняться и пересматриваться. Вместе с тем методология и техника контекстуального анализа многомерного и многозначного символа-философемы «сердце» позволяет перевести общие рассуждения о «философии» и «метафизике сердца» в русло количественных и качественных (по компонентам и аспектам) оценок антропологических идей того или иного мыслителя.

Библиография

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 53-293.
2. Бурханов Р.А. Метафизика и антропология «сердца» и «сердечной любви» И.А. Ильина // Манускрипт. 2017. № 2 (76). С. 45-48.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия религии. В 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 532 с.
4. Зеньковский В.В. Автономия и теонмия // Путь. 1926. № 3. С. 46-64.
5. Ильин И.А. Борьба за Россию // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9-10. М.: Русская книга, 1999. С. 316-415.
6. Ильин И.А. Митрополиту Анастасию // Ильин И.А. Собрание сочинений: Письма и мемуары (1939–1954). М.: Русская книга, 1999. С. 189-191.
7. Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. С. 227-380.

8. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1996. С. 38-282.
9. Ильин И.А. Путь к очевидности // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. С. 381-572.
10. Ильин И.А. Религиозный смысл философии Три речи. 1914–1923 // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. С. 16-88.
11. Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 452-572.
12. Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. С. 90-226.
13. Самсонова Т.П. Концепция «поющего сердца» в философии И. А. Ильина // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2017. № 1. С. 109-115.
14. Шпет Г.Г. Философское наследие П.Д. Юркевича (К сорокалетию со дня смерти) // Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990. С. 575-638.

Image-symbol "heart" in philosophical anthropology of I.A. Ilyin

Nikolai V. Chestneishin

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of history, philosophy and law,
branch of the Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov in Severodvinsk,
164500, 6 Kapitana Voronina st., Severodvinsk, Russian Federation;
e-mail: hobson@yandex.ru

Diana A. Chestneishina

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of philosophy and sociology,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
163002, 17 naberezhnaya Severnoi Dviny, Arkhangel'sk, Russian Federation;
e-mail: irmavurst@gmail.com

Abstract

The purpose of the article is a structural representation of the image-symbol "heart" in the philosophy of I.A. Ilyin. Based on the methods of analytical philosophy, hermeneutics, logical-contextual reconstruction and a systematic approach, the article reveals the systemic-logical framework and the meaning-forming components of the image-symbol "heart" in the philosophical constructions of I.A. Ilyin, based on the contextual features of a particular work, its cultural and historical conditions and connections with other works of the author, as well as taking into account the ideological sources and influences of other thinkers. A contextual reconstruction of the main meanings of this philosopheme in the existential-ontological, axiological, epistemological, moral-practical and socio-political aspects has been carried out. The authors come to the conclusion that the philosophy of the "heart" of Ivan Ilyin clarifies our ideas both about the religiosity of the Russian people during the period of civilization breakdown, expressed in world wars and revolutions, and about the features and patterns of development of domestic philosophical anthropology. The

conducted research makes it possible to translate general discussions about the "metaphysics of the heart" into the mainstream of quantitative and qualitative assessments of anthropological ideas. The applied methodology makes it possible to extrapolate the used analysis technique to the philosophical concepts of other thinkers.

For citation

Chestneishin N.V., Chestneishina D.A. (2022) Obraz-simvol "serdtse" v filosofskoi antropologii I.A. Il'ina [Image-symbol "heart" in philosophical anthropology of I.A. Ilyin]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 189-198. DOI: 10.34670/AR.2022.47.92.019

Keywords

Image-symbol, heart, subjectivity, ontology, epistemology, axiology, anthropology.

References

1. Aristotel' (1984) *Nikomakhova etika* [Nicomachean ethics]. In: Aristotel'. *Sochineniya: V 4-kh t. T. 4* [Aristotle Works: In 4 vols. Vol. 4]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 53-293.
2. Burkhanov R.A. (2017) *Metafizika i antropologiya «serdtsa» i «serdechnoi lyubvi» I.A. Il'ina* [Metaphysics and anthropology of the "heart" and "cordial love" of I.A. Ilyin]. *Manuskript* [Manuscript], 2 (76), pp. 45-48.
3. Gegel' G.V.F. (1975) *Filosofiya religii. V 2-kh tomakh. T. 1* [Philosophy of religion. In 2 volumes. Vol. 1]. Moscow: Mysl' Publ.
4. Il'in I.A. (1999) *Bor'ba za Rossiyu* [Struggle for Russia]. In: Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 9-10* [Ilyin I.A. Collected Works: In 10 vols. Vol. 9-10]. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 316-415.
5. Il'in I.A. (1999) *Mitropolitu Anastasiyu* [Metropolitan Anastassy]. In: Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: Pis'ma i memuary (1939–1954)* [Ilyin I.A. Collected Works: Letters and Memoirs (1939–1954)]. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 189-191.
6. Il'in I.A. (1994) *Poyushchee serdtse. Kniga tikhikh sozertsanii*. In: Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 3* [Singing heart. The book of quiet contemplation. Ilyin I.A. Collected works: In 10 vols. Vol. 3]. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 227-380.
7. Il'in I.A. (1996) *Put' dukhovnogo obnovleniya* [The path of spiritual renewal]. In: Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 1* [Ilyin I.A. Collected works: In 10 vols. Vol. 1]. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 38-282.
8. Il'in I.A. (1994) *Put' k ochevidnosti* [The path to the obvious]. In: Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 3* [Ilyin I.A. Collected works: In 10 vols. Vol. 3]. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 381-572.
9. Il'in I.A. (1994) *Religiozniy smysl filosofii Tri rechi. 1914–1923* [Religious Meaning of Philosophy Three Speeches. 1914–1923]. In: Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 3* [Ilyin I.A. Collected works: In 10 vols. Vol. 3]. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 16-88.
10. Il'in I.A. (1998) *Tvorcheskaya ideya nashego budushchego* [Creative idea of our future]. In: Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 7* [Collected works: In 10 vols. Vol. 7]. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 452-572.
11. Il'in I.A. (1994) *Ya vglyadyvayus' v zhizn'*. *Kniga razdumii* [I look into life. Book of thoughts]. In: Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: V 10 t. T. 3* [Ilyin I.A. Collected works: In 10 vols. Vol. 3]. Moscow: Russkaya kniga Publ., pp. 90-226.
12. Samsonova T.P. (2017) *Kontseptsiya «poyushchego serdtsa» v filosofii I. A. Il'ina* [The concept of "singing heart" in the philosophy of I. A. Ilyin]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 1, pp. 109-115.
13. Shpet G.G. (1990) *Filosofskoe nasledie P.D. Yurkevicha (K sorokaletiyu so dnya smerti)* [Philosophical heritage of P.D. Yurkevich (To the fortieth anniversary of his death)]. In: Yurkevich P.D. *Filosofskie proizvedeniya* [Philosophical works]. Moscow: Pravda Publ., pp. 575-638.
14. Zen'kovskii V.V. (1926) *Avtonomiya i teonomiya* [Autonomy and theonomy]. *Put'* [Path], 3, pp. 46-64.

УДК 01

DOI: 10.34670/AR.2022.99.47.021

Жанр надгробного слова в гомилетическом наследии святителя Макария (Невского)

Лаврова Ольга Владимировна

Бакалавр,

Кемеровский государственный университет культуры и искусства,
650029, Российская Федерация, Кемерово, ул. Ворошилова, 17;
e-mail: lavrmohovo@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена одному из церковных жанров проповеди – надгробному слову и надгробной речи авторства святителя Макария (Невского). Гомилетическое наследие святителя Макария еще мало изучено. Его простые, но убедительные проповеди имеют актуальность и для нашего времени. В надгробном слове владыка раскрывается сам, он являет пример доброго пастыря, каждое слово использует для проповедания. Источником его слов и речей в основном служит Священное Писание, но ближе к XX веку источником гомилетического жанра являются актуальные для своего время события. Начало XX века ознаменовано реформаторством во всех сферах жизни общества. Свобода, дарованная простому народу, люди восприняли как повод для свободы от зависимости Церкви и государства. Владыка Макарий как чуткий аналитик, в своих словах и речах выстраивает причинно-следственные связи и часто бедствиями народа являются по его мнению отход от религиозного чувства верующих. Владыка нещадно критикует театральные представления во время церковных праздников и воскресных дней, критика касается также и воспитания подрастающего поколения. Исследование надгробных слов святителя Макария (Невского) позволяет увидеть развитие в его творчестве, увидеть причины многих нестроений общественной жизни, анализ чего остается актуальным и в наше время. В исследовании применен комплексный подход. Исследуются все надгробные слова и речи святителя Макария (Невского), которые были им сказаны. Полученные результаты позволяют увидеть высокую значимость надгробных слов, которые являются своего рода пособием для современного проповедника.

Для цитирования в научных исследованиях

Лаврова О.В. Жанр надгробного слова в гомилетическом наследии святителя Макария (Невского) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6А. С. 199-209. DOI: 10.34670/AR.2022.99.47.021

Ключевые слова

Святитель Макарий (Невский), гомилетика, надгробное слово, проповедь.

Введение

Существуют различные виды проповеди, которые развились в ранней Церкви. Церковная проповедь – «это речь религиозно назидательного характера, с которой священнослужитель обращается к верующим во время богослужения». Один из видов проповеди является надгробное слово. Оно является одним из древних, а также традиционных жанров в ораторской прозе. В России надгробное слово оформилось в середине 17 столетия. Среди первых образцов похоронных речей можно найти у Симеона Полоцкого. Надгробное слово прочно вошло в обиход в Петровское время и «имело не только панегирическую и религиозную, но и публицистическую функцию.

В широком понимании под надгробным словом или речью подразумевают непосредственно устную речь, которая говорится при погребении, или письменное сочинение в честь усопшего.

К жанрам танатологического дискурса относятся эпитафии, некрологи, писемно-соболезнование, а также надгробная речь. Только надгробное слово может быть выражено в устной форме и письменной, чего нельзя сказать об остальных жанрах этого ряда. Они носят исключительно письменное выражение.

Жанр церковной проповеди сейчас особенно представляет интерес в науке, потому, что этот материал дает не только исследования в области языка и культуры, но и личности проповедника [Куклев, 2012, 306]. В самом надгробном слове можно узнать малоизвестные детали об усопшем, библиографические данные, которые порой можно найти единственно в надгробных словах.

В гомилетическом наследии святителя Макария (Невского) находится 14 надгробных слов и речей. Из них три посвящены личности императора Александра III. Одно слово надгробное посвящено архиерею Владимиру (Петрову), архиепископу Казанскому. Четыре посвящены светским лицам: обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву, убиенному министру внутренних дел егермейстеру Димитрию Сергеевичу Сипягину, главе томской губернии Петру Васильевичу Михайловскому, действительному статскому советнику М.А. архангельскому. Два надгробных слова посвящены военным лицам. Одно погибшему на брани начальнику Тихоокеанского флота вице-адмиралу Стефану Иосифовичу Макарову, а другое воинам, погибшим на брани в Порт-Артуре во время Русско-Японской войны. Также у святителя Макария есть два надгробных слова, которые посвящены женским лицам. Одно из них начальнице Томской гимназии Елизавете Александровне Фризель, а другое супруге ректора Томской духовной семинарии Агнии Курочкиной. В гомилетическом наследии в жанре надгробного слова также у архипастыря есть два некролога, которые посвящены купцам: Иоанну Алексеевичу Ереневу и Ивану Васильевичу Смирнову.

Надгробные слова царские

Император Александр III скончался 20 октября 1894 года и владыка Макарий перед панихидой об упокоении императора произнес надгробную речь. Владыка без всякого вступления и эпиграфа кратко говорит о том, что сейчас время не слез и слов, а время молчания и молитвы. Овдовела Россия, плачут ее сыны, ибо остались сиротами. Плачут церкви о своем покровителе. Воздыхают народы, потому что не стало того, кто держал в руках мир народов. Владыка призывает не входить в суд с Богом, почему Он забрал императора, так как Бог всегда прав, но скажем как научены: Отче наш!..да будет воля Твоя!».

Слово перед панихидой в девятый день по кончине императора Александра III под

названием «о судьбах Божиих». Владыка говорит о том, что собравшиеся пришли в знаменательный день для души Благодетельнейшего государя для молитвы. А ее успех зависит от усердия и веры. Владыка рассуждает о том, что молитвы о здравии императора до его смерти были как бы безуспешны, поэтому многие не имеют возможно уверенность в молитве. Владыка использует надгробное слово в назидание слушающим, и указывает на причины почему взята жизнь царя в то время, когда она была так необходима народу. Обращаясь к священному Писанию. Здесь взяты слова из 35 Псалма где говорится, что кто желает постигнуть судьбы Божии, тот пытается измерить бездну (Пс. 35,7). Владыка призывает смириться с тем, что сотворил Господь, так как мы есть глина, черепки. Здесь еще раз повторяется фраза из надгробной речи перед панихидой об упокоении души Александра III, что необходимо преклонить голову и сказать: « Отче наш!...да будет воля Твоя!». Здесь архипастырь усматривает пример для назидания и показывает слушателям, что неисчислимы были благодеяния для всего человечества плоды моления о чаше и самопредания Богочеловека в волю Отца.

Далее владыка восклицает о молитве царя-праведника о своем народе, что на небесах перед престолом Царя царей она может отказаться не бесплодной. Далее в назидание архипастырь говорит о том, что молитва праведников не всегда приемлема. Если народ тяжко согрешил, то и молитва праведника за народ будет неуслышанная. Таким образом архипастырь указал на причины того, что молитва бывает неуслышана. В проповеди говорится о том, что более правильно окажется считать себя виновным в том, что молитва о здравии почившего царя осталась неуслышана, нежели возводить суд на Бога. Далее архипастырь взывает к совести слушающим, что жизнь царя взята от нас по причине того, что мы не должно ценили ее. Во времена стремления к анархии, разрушению существующих порядков, жизнь царей есть состояние висящее на волоске. Владыка называет Александра III царем правды и мира, исповедником за истину самодержавия в единении с Церковью. Побуждая слушателя к осмыслению архипастырь взывает к совести каждого, говоря, что они возможно возмущались сердца о посягательстве на жизнь царей. Также, в проповеди обращается внимание на недостатки современной системы образования и соответственно негативного его воздействия на воспитание. Владыка убеждает слушателей, что такие обычаи установлены недругом Церкви. При этом среда, которая управляет миром, она наказывает и оскорбляет тех, кто пытается выйти из под ее слияния. И человеку чтобы выйти из этой среды требуется большое терпение.

Необходимы общие усилия для ее устранения, необходимо поставить воспитания на другие начала. А эти начала старался в народе почивший Александр III. Проповедник вновь обращается на личность усопшего царя. Архипастырь убеждает слушателей в необходимости солидарности в духе и вере с царем православным. Именно Александр III желал воспитать народ в духе церковности через распространения церковных школ.

Завершая надгробную речь архипастырь призывает всех быть в единении с царем, что составляет опору государства и самодержавия. Призывает всех искренно помолиться за упокой царя, который когда сподобится предстать престолу Господню будет молится о народе своем и о наследнике Николае Александровиче, чтобы престол его « был тверд, самодержавие и единодержавие неизменны, охраняемые любовью и верностью народа и молитвами Церкви».

Надгробные речи святителя Макария являются как бы поводом к вразумлению народа, к его отрезвлению. В «Речи по поводу театральных представлений, бывших накануне сорокового дня по кончине в Бозе почившего государя императора Александра III» архипастырь без эпитафия говорит, что день этот есть днем благоговейно-молитвенного настроения духа. Владыка

обращает свой взор на молящихся, которые в благоговейном почитании пришли в храм после утомления рабочего дня и в молитве за царя исполнили свой долг, но другие люди, были наполнены совершенно другими чувствами. Некий человек поведал архипастырю о том, что многие поспешили в благоговейный день памяти царя на театральные зрелища. Владыка взывает и спрашивает почему так происходит? Чем можно объяснить такое повеление. Может это потеря нравственного долга, или же кто-то считает, что можно скорбеть и в театре, и покаянные слезы есть тоже, что и слезы в театре при трагедиях на сцене?

Владыка вопросами как бы взывает к осмыслению происшедшего, но тут же просит прощение о слове о безвременном деле и призывает обратить взор к почившему императору и коленопреклоненно помолится о нем» да упокоит Господь душу его со святыми там, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная».

Надгробные слова архиерейские

В 1897 году скончался от заражения крови преосвященный Владимир (Петров), миссионер и духовный писатель, который был епископом Томским, а впоследствии архиепископом Казанским и Свияжском. Он являлся руководителем владыки Макария в начале его миссионерского пути. Владыка Макарий сказал Речь перед панихидой Высокопреосвященнейшего Владимира. Владыка произносит трогательные слова о смирении духа предлагает слушателям биографические сведения о владыке Владимире, о его высоком достоинстве, о его заслугах и подвигах ради Бога и людей. Владыка начинает с детства, где родился Высокопреосвященный Владимир, кто его отец, где он учился, раскрывает весь тернистый путь служения Высокопреосвященнейшего Владимира. При вступлении на миссионерский путь начинается вся нелегкая жизнь почившего. Владыка говорит о деятельных заслугах Высокопреосвященного, открытие новых миссионерских станов, переводческая деятельность, устройство храмов и так далее.

Надгробное слово владыки о Высокопреосвященнейшем Владимире может быть использовано в качестве исторического источника по биографии Архиепископа Владимира (Петрова). Здесь даны ценные сведения, о которых мог знать только владыка Макарий.

Обращаясь в заключении ко всем пришедшим на панихиду, владыка призывает поминать почившего в молитвах, не только церковных, но и домашних, а так же не забывать напомнить о том, что «великая польза для усопших бывает тогда, когда за них творится милостыня».

Все слово надгробное о высокопреосвященном Владимире проникнуто любовью, трогательными воспоминаниями о почившем, владыка в благоговейном почитании побуждает и слушающих его Речь к молитве об усопшем.

Надгробные слова о светских лицах

В 1907 году скончался обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев, с которым у владыки Макария были дружественные отношения. С 1886-1906 год продолжалась переписка святителя Макария с Победоносцевым.

Вступительным словом к надгробной Речи при панихиде К.П. Победоносцева, архипастырь произносит слова апостола Иоанна Богослова, где сказано: блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих (Откр.14; 13). Далее владыка соотносит эпитафию к речи с жизнью обер-прокурора Победоносцева. Владыка говорит о великих

заслугах Константина Петровича перед государством и Церковью. Владыка не распространяется перед слушателями о заслугах Победоносцева пред государством и церковью, считая, что об этом сказано, будет в печатном слове. Архипастырь останавливается на слове о том, что никто из обер-прокуроров не сделал столько блага православному ведомству, сколько сделал усопший. Владыка останавливается на заслугах перед духовенством и говорит, что это пенсия, которая установилась духовенству по ходатайству Константина Петровича. Далее владыка побуждает престарелых и немощных, сирот и вдов из духовного звания особенно молиться за Победоносцева. Так как теперь им стал известен благодетель, который выхлопотал от государства пенсию для них. Также владыка подмечает роль Победоносцева в устройении церковных школ. Владыка, обращаясь к духовенству подает мысль об увековечении «памяти доброго для нас почившего сановника каким-либо добрым делом, которое, служа памятником о нем в пределах нашей епархии, в то же время было бы нашей милостыней о душе его».

В заключении надгробной речи владыка призывает собравшихся совершить молитву об упокоении усопшего.

2 апреля 1902 года был убит Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853-1902), министр внутренних дел с 1900 года. Он проводил жесткую карательную политику в ответ на движения в среде рабочих, крестьян и студентов. Убит был эсером Степаном Балмашевым. В речи перед панихидой об убиенном министре внутренних дел егермейстере Дмитрие Сергеевиче Сипягине, владыка Макарий без всякого эпиграфа восклицает: «Опять жертва крамолы! Опять потеря государственного мужа, одного из тех, кои составляют опору царского престола! Опять злодейство поднимает голову, желая как бы показать этим, что оно не опускало ее. Опять печаль и страх!» Архипастырь в надгробном слове об убиении государственного сановника приводит на память бедствия последнего времени. Среди них убийство царедворца Боголепова Николая Павловича, который был министром народного просвещения, членом Государственного совета в 1898-1901 годы. Был смертельно ранен студентом Карповым в 1901 году, за проводимую политику соблюдения жестких правил в учебных заведениях. Далее владыка говорит о неурожае хлеба, землетрясения, пожары, волнения учащейся молодежи. Архипастырь призывает задуматься о том, что это не нормальная жизнь, когда беда идет за бедой. Проповедник обращается к Священному Писанию и находит слова из притчей: бьют нас, и нам не больно; толкают нас, и мы не чувствуем (Притч. 23, 35). Владыка заставляет задуматься над тем, что страна находится в состоянии нравственного бесчувствия. О чем же думать? Прежде всего владыка говорит необходимо искать причины бедствий и устранять их.

Как православные христиане мы не можем допустить, что это было действием неведомого рока, нельзя это объяснить также и естественным развитием исторических событий. Ища объяснение в Библии, владыка говорит о том, что бедствия суть порождения нравственного зла, они плоды греха. Если посмотреть на убийство государственного мужа от учащейся молодежи. То причина здесь в неправильном воспитании. И прежде всего в семье, а потом в школе, и учебных заведений. Бедствия эти последствия неправильного направления общественной жизни в общественных нравах. Зло в семье оттуда, откуда изгоняется религии. Зло рождается в семье, растет в учебных заведениях и приносит злые плоды в обществе. Владыка наглядно иллюстрирует причинно-следственные связи. И наоборот, зло из общества проникает в среду учащегося юношества, в то переносит го в свою семью. Далее владыка приводит иллюстрацию из природы, когда от воды рождается лед, изо льда выходит вода. Когда охлаждается атмосфера, охлаждается, и вода и жидкое превращается в твердое тело – лед. Теплота религиозного чувства согревает духовную атмосферу и освобождает семью, школу, общество от губительного

материализма, как лед превращается в воду от теплоты.

Владыка говорит о способах устранения бедствий – в свете религиозного вероучения. В заключении обращается внимание слушателей на усопшего. Возвышает его в очах паствы, говорит, что он «пал за нас, как падает военачальник на поле битвы. Воздадим ему должное! Он - мученик за правду». Владыка призывает всех помолиться об усопшем и желает ему быть там, где живет мир, радость, любовь.

31 марта 1904 года во время Русско-Японской войны погиб на броненосце «Петропавловск» Стефан Иосифович Макаров (27 декабря 1848 – 31 марта 1904), флотоводец, океанограф, полярный исследователь, кораблестроитель. Макаров после начала Русско-японской войны был назначен командующим Тихоокеанской эскадрой, был руководителем действий кораблей при обороне Порт-Артура. Владыка Макарий произносит Речь перед панихидой Макарова, которая называется грех упования на человека». Владыка говорит в Речи о том, что множество надежд было связано с именем этого дорогого для настоящего времени мужа. Какой же смысл в безвременной его гибели? Дело ли это случая или действие промысла? Владыка взывает к православному вероучению, который не приемлет случайности и пытается пояснить событие потери наинужнейшего человека в русско-японской войне. Источником размышлений в надгробной речи здесь служит Священное Писание, в частности книга пророка Иеремии: «Так говорит Господь: проклят человек, который надеется на человека и плоть желает своею опорой, и которого сердце удаляется от Господа (Иер.17; 5). Владыка поясняет, что изрекается в этом стихе проклятие на тех, кто возлагает все упование на человека. Владыка обращается к ходу Русско-японской войны и призывает обратить внимание какое место занимало упование на бога, а какое на силу оружия. Проповедник указывает на войну как на зло, а оно следствие наказания Божьего. Обществу и в голову не приходило в чем-то каяться. Общество погрешает на излишнее упование на человека, отступлением сердца от Бога. Владыка приводит на память грехи Израиля в нехранении дня субботнего, и говорит что и русская общественность грешна этим пороком. В воскресные и праздничные дни люди идут на общественные увеселения, а не в храм. Еще раз слышится те же слова из пророка Иеремии о надежде на человека. Все надеялись на вождей и ждали срочного их возвращения, между тем, как сами вожди говорили, что дело это многотрудное и необходимо терпение. Владыка призывает надеяться на Бога, так как с теми, кто был Бог были победителями.

В заключении владыка обращает внимание на погибшего, но просит не унывать, а с покаянным чувством помолиться об упокоении его души. «А о тех, кому господь судил положить на брани души свои за веру, царя и отечество, помолимся, да простит Господь согрешения их и в день праведного воздаяния воздаст им венцы нетления!».

В Речи, сказанной перед панихидой о упокоении душ рабов Божиих Стефана, Романа, Виктора, Иоанна, Евгения, Петра и прочих православных вождей и воинов, на брани в Порт-Артуре за веру, царя и Отечество живот свой положивших, архипастырь печально восклицает, что Порт-Артур перешел в руки врагов Печальная весть!»! Прискорбно слышать о падении Порт-Артура. Скорбью наполняется сердце владыки, обидно для русского сердца торжество враге. Владыка говорит о скорби, но говорит и о том, что мы не унываем. Обращаясь к излюбленному источнику для проповеди Священного Писания, владыка находит нужную цитату из притчей « Кого любит господь, того наказует» (Притч.3, 12) Суд Божий начинается с дома Божия. Россия как хранительница православия может по праву считаться домом Божиим. Люди могут приносить в храм и что-то нечистое, тогда Господь веревкой начинает изгонять эту нечистоту. Обращаясь к современному времени владыка видит огонь ревности Божией, который опалает

нечистоту на Русской земле. Это происходит посредством войны, болезней, голода. Не бичи ли Божии бедствия народные взывает владыка и восклицает «О, дал бы нам Господь уразуметь это посещение Божие, чтобы отвратить его покаянием и исправлением!».

В заключении проповедник обращает взор на усопших воинов. Владыка спрашивает не усопшие ли воины произносят за нас очистительную жертву ха грехи народа? Не должны ли мы оказать любовь тем, кто страдает за нас? Риторически спрашивает владыка. В заключении владыка просит совершит умилоостивительные жертву за усопших и усердно помолиться об их упокоении.

В 1906 году умер купец первой гильдии Михайлов Петр Васильевич, который завещал 120 тысяч рублей на здание детской больницы, был строителем Кафедрального Троицкого Собора в городе Томске, он внес на строительство 40 тысяч рублей. И даровал 22655 тысяч штук кирпича. Михайлов был почетным гражданином Томска, одним из самых щедрых благотворителей, а также городским главой. В 1906 году, когда он умер, владыка произнес надгробную речь при погребении Михайлова. Обращаясь к собравшимся, владыка торжественно называет их братьями, знаемыми, сродниками и друзьями усопшего. Владыка говорит, что считает своим долгом произнести слово при гробе усопшего. Владыка благодарит за благодеяния, за пожертвования Михайлова. Владыка перечисляет великие благодеяния почившего, призывает всех собратьев во Христе к христианскому долгу любви и благодарности к усопшему. Не упуская случая показать преданность и выразить патриотические чувства, владыка в лице Михайлова видит достойного сына Отечества, преданного и любящего царя. Далее владыка призывает не смущаться характером усопшего, приводя в пример Священное Писание, когда один был ревностным, а другой был кротким. Люди не умеют верно судить о делах человеческих. В продолжении владыка говорит о том, что существует нравственное правило: говорить об умершем только доброе. Поэтому грешно плохо говорить об умершем. Владыка вновь обращается к построенному Троицкому собору, на который выделил большие суммы усопший и говорит, что это священный монумент сделает памятным имя почившего.

В заключении архипастырь призывает всех к молитве и милостыни за усопшего, дабы упокоил дух его с праведными.

Классическим надгробным словом, в котором присутствуют эпитафия вместо вступления, слово о смерти и бренности земной жизни, слово об усопшем, обращение на «ты» к усопшему, заключение, можно назвать Слово при погребении действительного статского советника М.А. Архангельского, под названием «Смерть – возмездие за грех». Томский архипастырь впервые использует Священное Писание как полноценный эпитафия к своему надгробному слову. Он взять из послания апостола Павла к Римлянам «Оброцы греха смерть» (Рим.6; 23). Данное Надгробное слово архипастырь употребляет на раскрытии понятия о смерти. Смерть есть оброк, собираемый грехом со всех людей, но люди не хотят признавать, что они рабы греха. Странно и то, что не многие хотят освободиться от рабства греха. Все грешим, и умираем, но не все осознаем, что смерть есть оброк, последствие греха. Владыка образует к ветхому Завету и приводит на память историю с Евой, которая поверила обольстителю, что она не умрет, если нарушит заповедь Божию. Владыка пытается раскрыть истину, что смерть есть действительно оброк греха. Тело человека смертно по природе, но в невинном состоянии было оживотворено богоподобным духом. Находясь в постоянном общении с Богом человек получал бессмертие. Владыка приводит в пример святых, которые подчинили тело служению высшим потребностям, их тела не подвергались болезням и разрушению до глубокой старости. Далее владыка раскрывает понятие о грехе и смерти. Прочему человек согрешая продолжает жить. Это

допущено по милосердию Божьему. Любовь Божия спасает грешника. Не грех дает человеку удел жизни, а милосердие Божие. Далее владыка приводит в пример некоторых грехов, которые убивают человека, это яростный гнев, чрезмерная печаль, неистовый смех, неумеренная радость. Владыка Макарий обращает внимание на то, чем является смерть для праведника и для грешника. Для первого она приобретение, а для грешника переход к более ужасным посмертным страданиям. После этого проповедник спрашивает, стоит ли горевать если наш земной дом разрушится, и мы получим от Бога вечное жилище. В заключении архипастырь призывает бояться не смерти, а греха. В последних словах владыка обращается к личности усопшего. Проповедник говорит, что усопший умер примиренным с Церковью, получил разрешение, удостоился святых Христовых Таин, соблюл веру православную, а веру соблюсти в нынешнее время тяжело.

Далее владыка обращается к умершему: «иди с миром, брат возлюбленный! Не жалею о земле: в ней мало радости. Ты не возвратишься сюда – и не скорби о сем, ибо не здесь родина твоя. Но мы все, один за другим, пойдем туда же, куда ты идешь, и все увидимся (о, дай Боже!).», когда настанет утро всеобщего пробуждения.

Слово перед заупокойной панихидой о начальнице Томской гимназии Елизаветы Александровне Фризель.

Эпитафия: «Я есмь воскресение и жизнь; верующие в Меня, если и умрут, оживут» (Ин. 11,25). Это надгробное слово владыка употребляет для рассуждений на тему для чего человек вообще рождается и умирает? Человек в жизни более, скорбит и умирает, значит он несчастнее всех существ. Он тянется к добру, но его не достигает, ищет счастье, но не находит. Ключ уразумения все это архипастырь черпает из источника – Священного Писания, где сказано: «Бог смерти не сотвори» (Прем.1; 13). Дано человеку чувство жажды, и то есть стремления к добру, а Бог является источником воды живой, поэтому необходимо приблизиться ко Христу, и возможно будет утолить жажду души. В какой мере человек будет уподобляться Христу, в такой мере он будет познавать Его. Пока человек не подойдет ко Христу, до тех пор жизни останется для человека безотрадной и мрачной.

Далее проповедник обращается мыслями к усопшей. Усопшая была незнаема в юности проповеднику, он говорит о ней уже зная ее в преклонном возрасте, а она жила живою верою в Бога, этого довольно чтобы не скорбеть о ней, как об усопшем без веры. Владыка взывает детей и питомцев гимназии пребыть верными в любви к возлюбившей их усопшей.

В заключении владыка обращается к собравшимся от лица усопшей и произносит слова из проследования погребения монашествующих: «Духовные мои братия, сестры и сродники! Не забудьте меня, когда молитесь, но, зрящее мой гроб, поминайте мою любовь и молитесь Христа, да учинит дух мой с праведными».

В 1899 году умер потомственный томский купец, первой, а затем и второй гильдии, потомственный почетный гражданин Томска Еренев Иоанн Александрович. Он известен был в Томске своими щедрыми пожертвованиями по духовному Ведомству, владыка Макарий (Невский) произносит слово при погребении Еренева, которое называется «О загробном суде». Эпитафией является прокимен их последования отпевания мирских человек «Блежен путь, в оньже идеши днешь, душе, яко уготовася тебе место упокоения». Говоря о скорбях сродников по усопшему, Церковь провожает его словами прокимна из последования отпевания мирских человек: «Бледен путь, в оньже идеши днешь душе, яко уготовася тебе место упокоения». Еще раз звучит в словах архипастыря эпитафия к Слову. Проповедник говорит, что не напрасно Церковь так провожает усопшего. Если души не просвещенных светом Крещения уходят

низводятся адских мучений, то души святых идут в места блаженства. Те, же кто хотя и покался. Но не успел принести плоды покаяния задерживаются на частном суде, который является скорее делом милосердия Божия, и является этот суд не окончательным. Далее владыка раскрывает учение Церкви о частном суде: если на чаше весов будет равенство добрых и злых дел, то добрым делам отдается предпочтение, если же добрые дела перевешивают, то тоже предпочтение, а если злые дела, тогда душа временно идет в места отпавших грешников. Но для них есть надежда после страшного суда получить помилование. Церковь имеет особое попечение о таких душах, она молится за них. Далее владыка приводит примеры помощи усопшим через милостыню. Берет поучения из пролога.

Владыка раскрывает значение милостыни, поданной за умерших. Если она творима за людей, которые попали в места блаженства, то такая милостыня приносит пользу самим жертвователям ее.

В заключении владыка говорит об усопшем, что он был христианин, имел добрые дела, призывает всех поминать его в молитвах и сродников творить милостыни. Также в третий раз звучит эпитафия к Слову, уже обращаясь к самому усопшему: «Блажен путь, в онъже идиши днесь, душе, яко уготовася тебе место упокоения».

В Слове при отпевании томского купца Ивана Васильевича Смирнова владыка обращается к собравшимся христианским приветствием: «братья христиане!» владыка в слове еще раз раскрывает смысл и сущность частного суда. Здесь говорится о важности молитв и милостынь за усопшего. Владыка призывает всех молиться об умершем. Особенно тех, кто пользовался благами его. В заключении желает вечной память усопшему.

В Речи при погребении супруги ректора Томской семинарии Агнии Курочкиной, 22 сентября 1912 года, архипастырь употребляет эпитафию «блажен путь, в онъже иждеси днесь, душе...». В этом надгробной речи владыка сразу обращается на «Ты» к усопшей, именует ее рабой Господней. Владыка говорит усопшей: «Ты оставила землю, чтобы получить небо; ты оставила любимых тобой и любивших тебя здесь, на земле, чтобы войти в содружество с небожителями».

Трогательными словами владыка утешает всех, кто плачет около гроба, утешает супруга усопшей, чувствуется его скорбь в этом Слове, владыка убеждает всех словами из священного Писания: «не плачь, воскреснет брат твой» (Ин. 11, 23). В заключении призывает смирить перед Богом свои сердца и произносит: «Отче наш!.. Да будет воля Твоя...»

Резюмируя жанр надгробного слова святителя Макария (Невского), можно сказать, что в гомилетическом наследии архипастыря было 5 слов и 9 речей. Классическими словами надгробными, которые имели полные составляющие жанра (эпитафия, основную поучительную часть о загробном мире и смерти, рассказ об усопшем в виде биографии, обращения к усопшему на «ты», призыв к молитве за умершего, заключение) было только в одном Слове при погребении действительного статского советника М.А. Архангельского, под названием «Смерть – возмездие за грех». В остальных словах надгробных и речах присутствовали не полный перечень составляющих жанр надгробного слова. В основном владыка Макарий использует слово или Речь в качестве назидательной беседы. Особенно можно выделить надгробную речь перед панихидой о Высокопреосвященном Владимире (Петрове), где архипастырь дал полную биографическую справку об усопшем. Здесь сказались многолетняя совместная миссионерская деятельность, в которой будущий святитель начинал под управлением Высокопреосвященного Владимира. Это надгробное слово особенно проникнуто любовью и тихой грустью о смерти друга.

Заклучение

По развитию надгробного Слова в наследии святителя Макария, можно сделать вывод, что с 1894 года до 1912 жанр надгробного слова претерпел незначительные изменения. В последних надгробных словах больше сердечности, больше грусти. Владыка все больше обращается к теме смерти, именует блаженными усопших. Слова и надгробные речи приобретают стройность и структуру. В них появляется эпиграф, размышления о смерти в основной части, обращения на «ты» к усопшему. Все чаще владыка обращается к Священному Писанию и находит ответы на вопросы о смысле жизни и о будущем блаженстве.

Библиография

1. *Галанюк П.*, диакон. Особенности становления жанра надгробной речи в христианской традиции // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2016. С. 54–60 С.55
2. *Куклев В. В.* – Проповедь в гомилетике и лингвистике // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 302–307.
3. Тридцать восемь писем обер-прокурора святейшего синода Константина Петровича Победоносцева к Высокопреосвященнейшему Макарию, архиепископу Томскому. // Единое на потребу: Проповеди, слова, речи, беседы и поучения.- В 4-х томах. - Т.4.С. 410-440.
4. *Макария (Невский) святитель.* Единое на потребу: Проповеди, слова, речи, беседы и поучения.- В 4-х томах. - Т.4.С. 362-364.
5. Настольная книга священнослужителя. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1986. Т. 5. 814 с.
6. *Парамонова М.К.* Жанр надгробного слова в русской ораторской прозе второй половины XVIIIв. // Litera.-2016.- № 4.С. 17. С. 17-23.
7. *Прохватилова О. А.* Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: ВГУ, 1999. 362 с, с. 123

The genre of the funeral word in the homiletic legacy of St. Macarius (Nevsky)

Ol'ga V. Lavrova

Bachelor,
Kemerovo State University of Culture and Art,
650029, 17, Voroshilova str., Kemerovo, Russian Federation;
e-mail: lavrmohovo@mail.ru

Abstract

The article is devoted to one of the church genres of preaching – the funeral word and the funeral speech authored by St. Macarius (Nevsky). The homiletic legacy of St. Macarius has not been studied much yet. His simple but convincing sermons are relevant for our time as well. In the funeral word, Vladyka reveals himself, he is an example of a good shepherd, uses every word for preaching. The source of his words and speeches is mainly the Holy Scripture, but closer to the twentieth century, the source of the homiletic genre are relevant events for their time. The beginning of the twentieth century was marked by reformism in all spheres of society. The freedom granted to the common people was perceived by people as a reason for freedom from the dependence of the Church and the state. Vladyka Makarii, as a sensitive analyst, builds cause-and-effect relationships in his

words and speeches, and often the disasters of the people are, in his opinion, a departure from the religious feeling of believers. Vladyka mercilessly criticizes theatrical performances during church holidays and Sundays, criticism also concerns the upbringing of the younger generation. The study of the tombstone words of St. Makar (Nevsky) allows us to see the development in his work, to see the causes of many disorders of public life, the analysis of which remains relevant in our time. The study uses an integrated approach. All the funeral words and speeches of St. Macarius (Nevsky), which were said by him, are being investigated. The results obtained allow us to see the high significance of the funeral words, which are a kind of manual for the modern preacher.

For citation

Lavrova O.V. (2022) Zhanr nadgrobnogo slova v gomileticheskom nasledii svyatitelya Makariya (Nevskogo) [The genre of the funeral word in the homiletic legacy of St. Macarius (Nevsky)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (6A), pp. 199-209. DOI: 10.34670/AR.2022.99.47.021

Keywords

St. Macarius (Nevsky), homiletics, funeral oration, sermon.

References

1. Galanyuk P., deacon. Features of the formation of the genre of the funeral oration in the Christian tradition // Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary. 2016. p. 54-60 p.55
2. Kuklev V. V. – Sermon in homiletics and linguistics // Izvestiya PGPU named after V.G. Belinsky. 2012. No. 27. pp. 302-307.
3. Thirty-eight letters of the Chief Prosecutor of the Holy Synod Konstantin Petrovich Pobedonostsev to His Eminence Makarii, Archbishop of Tomsk. // One thing is needed: Sermons, words, speeches, conversations and teachings.- In 4 volumes. - Vol. 4. Pp. 410-440.
4. St. Macarius (Nevsky). One thing is needed: Sermons, words, speeches, conversations and teachings.- In 4 volumes. - Vol. 4. pp. 362-364.
5. The clergyman's handbook. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate, 1986. Vol. 5. 814 p.
6. Paramonova M.K. The genre of the funeral word in Russian oratorical prose of the second half of the XVIII century. // Litera.-2016.-No. 4.P. 17. p. 17-23.
7. Prokhvatilova O. A. Orthodox preaching and prayer as a phenomenon of modern sounding speech. Volgograd: VSU, 1999. 362 p., p. 123

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

title (name);

author (s): the surname, first name, patronymic (in full);

author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;

annotation (author's abstract);

key words;

the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;

list of references;

Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
 - substantive (to reflect the main content of an article and research results);
 - structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.

